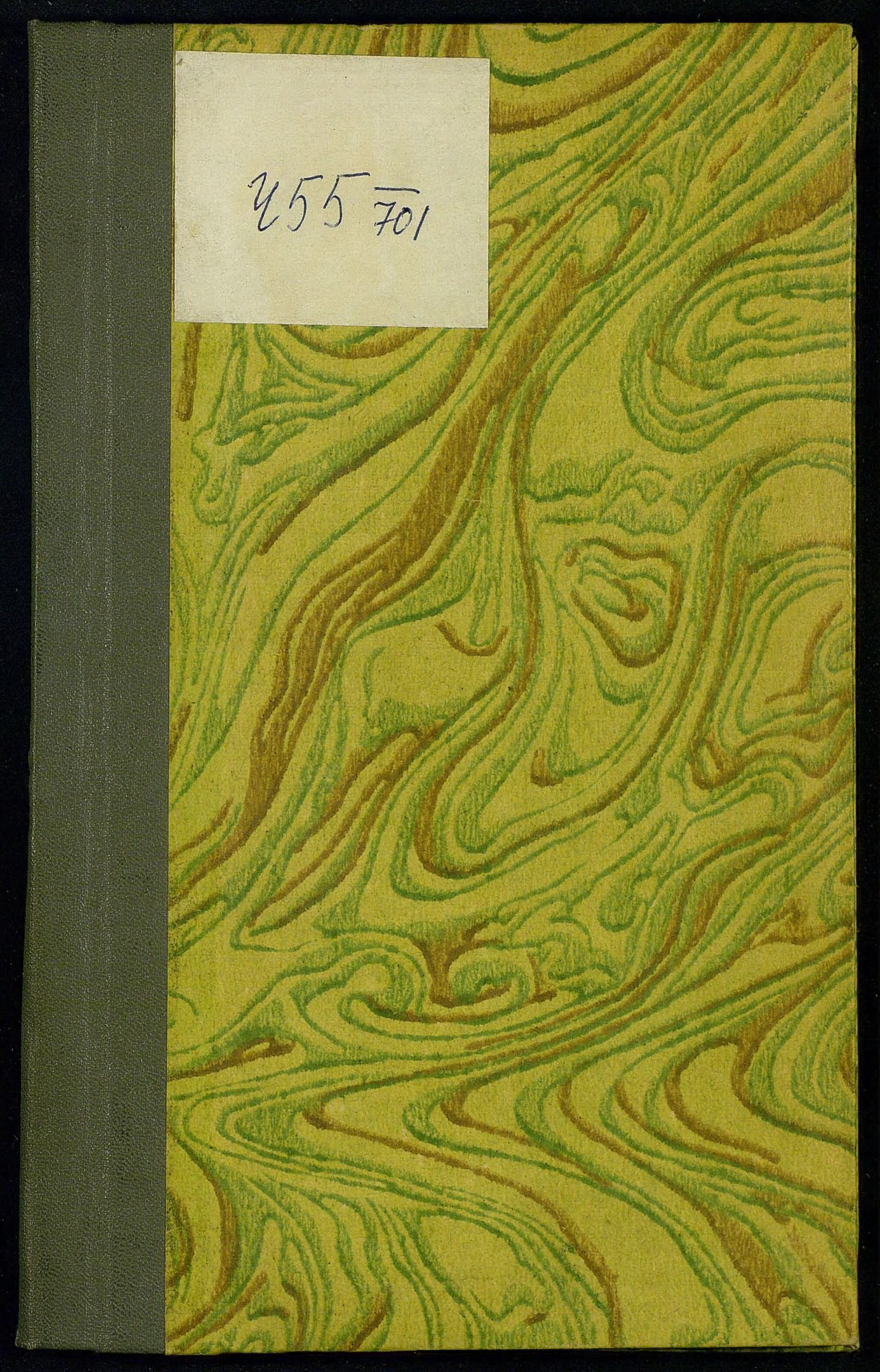
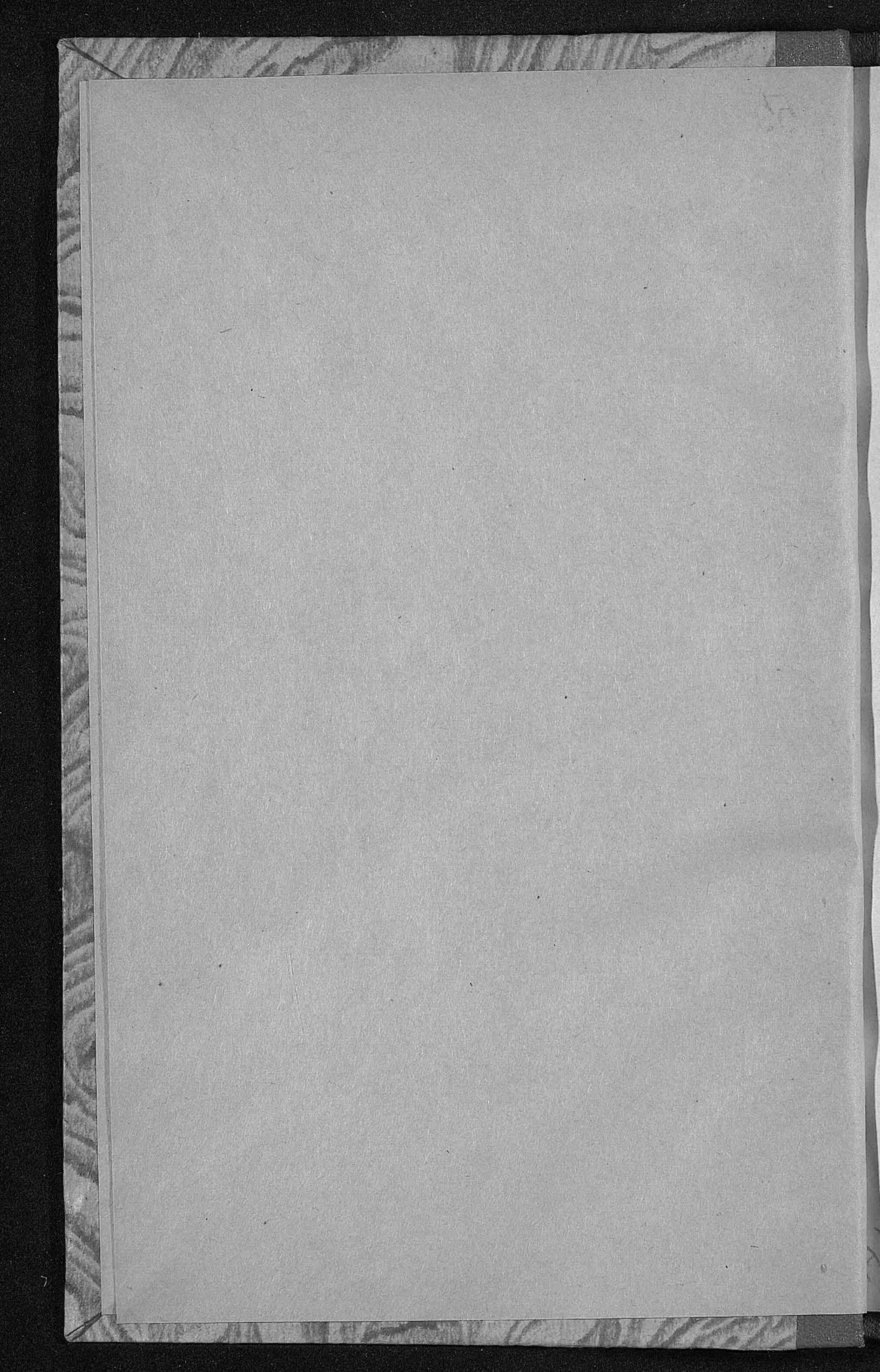

Ч55 701

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ ПО ИЗУЧЕНІЮ ЯЗЫКА.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета

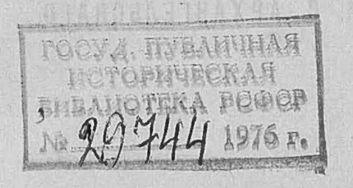
А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ*.

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета, за 1893—1894 гг.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ ПО ИЗУЧЕНІЮ ЯЗЫКА.

До конца прошлаго и даже нѣкоторое время въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ европейской наукѣ языкознанія господствовало мертвенное, узкограмматическое направленіе; языкознаніе ограничивалось преимущественно сферой изученія классическихъ языковъ, сосредоточиваясь почти исключительно на изученіи ихъ грамматики и стилистики. Такъ наз. общая или философская грамматика, возникшая въ самомъ концѣ прошлаго вѣка, впервые вноситъ живой элементъ въ однообразную схоластическую область грамматическихъ изысканій: впервые возникли требованія разумной основы въ построеніи языка. Философская грамматика, говоритъ Котляревскій, обѣщала однако больше, чѣмъ могла дать, имѣя въ виду извлечь общіе результаты и подвести разумный, философскій итогъ тому, что́ было сдѣлано по языкознанію до той поры,—она прежній готовый матеріалъ приняла за чистую монету, не подвергла его критикѣ и нисколько не сомнѣвалась ни въ пользѣ, ни въ законности сухого, формальнаго изученія живого языка. Безъ твердыхъ основаній, безъ отчетливаго изслѣдованія огромнаго матеріала, доставшагося ей въ наслѣдіе, она торопливо хотѣла построить цѣлую разумную грамматическую систему,—и могла построить одну только схему, форму, безъ внутренняго содержанія и жизни. Задолго до возникновенія философской грамматики, многими учеными и писателями, при историческихъ изданіяхъ, заявлялись пріемы сравнительнаго сближенія языковъ. Но сближенія эти были произвольны и случайны, не имѣли подъ собою никакой научной почвы, основывались исключительно на внѣшнихъ, слуховыхъ созвучіяхъ; сравненія словъ свидѣтельствовали лишь о богатствѣ остроумія и фантазіи авторовъ... Прочную почву сравнительному изученію языковъ даетъ лишь знакомство европей-

скихъ ученыхъ съ *санскритомъ*, въ концѣ прошлаго вѣка. Первый шагъ въ изученіи санскрита сдѣланъ былъ знаменитымъ англійскимъ ученымъ В Джонсомъ († 1794), который, отправившись въ Индію, основалъ въ Калькуттѣ, въ 1784 г., «Азіатское Общество», поставившее изученіе санскрита его грамматики, его памятниковъ, цѣлью своихъ ученыхъ занятій. Джонсъ уже высказывалъ мысль, что сходство санскрита съ языками греческимъ и латинскимъ, а также германскимъ и кельтскимъ—«не можетъ быть объяснено иначе, какъ принятіемъ мысли, что они произошли отъ одного общаго источника, быть можетъ, уже не существующаго»... Первый капитальный трудъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ Фр. Боппу, который въ своемъ сочиненіи: Ueber das Conjugationssistem der Sanscritssprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache (Франкф. на М., 1816 г.)—подробнымъ разборомъ спряженій и образованія частей рѣчи впервые доказалъ исконную близость этихъ языковъ и общность ихъ основаній. Спустя нѣсколько лѣтъ, тѣ же выводы Боппъ еще болѣе широкимъ образомъ развилъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ: *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen* (1833—1852). Этими трудами, почти безъ предшественниковъ, Боппъ сразу создалъ науку сравнительнаго языкознанія. Рядомъ съ трудами Боппа шли изысканія Якова Гримма,—въ спеціальной области историческихъ судебъ родного нѣмецкаго языка. Классическіе труды Гримма—Нѣмецкая грамматика (*Deutsche Grammatik*, 1809), Древности нѣмецкаго права (*Deutsche Rechtsalterthümer*, 1822), Нѣмецкая Миѳологія (*Deutsche Mythologie*, 1835), Исторія нѣмецкаго языка (*Geschiechte der deutschen Sprache*, 1848)—намѣтили еще болѣе широкія задачи для дальнѣйшихъ изслѣдованій... На почвѣ лингвистическихъ данныхъ возникли изслѣдованія историческаго характера. Начало духовнаго развитія народовъ отодвинулось гораздо дальше тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ начиналось въ старой наукѣ... Почвой явилась лингвистика, языкъ народа.

Первыя научныя изученія въ новомъ направленіи въ области славяно-русской филологіи у насъ начинаются лишь съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія,—въ трудахъ Буслаева, Каткова и др. Существенной подготовкой къ этимъ трудамъ были болѣе раннія изслѣдованія Востокова.

Разнообразные труды А. Х. Востокова (1781—1864) подготовляютъ у насъ почву и для чисто филологическихъ, строго научныхъ изученій и вмѣстѣ съ тѣмъ являются одними изъ первыхъ серьезныхъ обслѣдованій и въ области нашей старой письменности вообще.

Литературная дѣятельность «патріарха славянской филологіи» началась стихами: съ 1802 года въ печати стали появляться небольшія

лирическія стихотворенія Востокова, вышедшія въ 1805—1806 гг. отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: *Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ, 2 ч.* «Небывалое до тѣхъ поръ разнообразіе стихотворныхъ формъ и размѣровъ—замѣчалъ объ этихъ «Опытахъ» Плетневъ—неподдѣльныя, живыя чувства, выражаемыя точнымъ и сильнымъ языкомъ, поэтическія, картинныя описанія предметовъ, стремленіе къ народности языка—все привлекало къ автору общее вниманіе. Но онъ предпочелъ поэзіи строгую науку»... (Акад. отчетъ за 1854 г.). Научныя занятія Востокова на первыхъ же порахъ сосредоточиваются на изученіи памятниковъ народной поэзіи и старославянской письменности. По поводу вышедшаго тогда изданія Якубовича: «Древнія русскія стихотворенія» (1804), Востоковъ обращается къ изученію народныхъ пѣсенъ и пословицъ, какъ памятниковъ языка и быта,—составляетъ указатель къ изданію Якубовича, дѣлаетъ сравнительныя выписки выраженій, переписываетъ былины, даже передѣлываетъ, собираетъ изъ разныхъ печатныхъ изданій пословицы, наконецъ, составляетъ особые *сборники* пѣсенъ и пословицъ. Собираніемъ и изученіемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ Востоковъ занимался, какъ онъ самъ замѣчаетъ, «для систематическаго и толковаго ихъ расположенія по предметамъ и по времени», а также съ цѣлью «вникнуть въ настоящій составъ русскихъ стиховъ». Сборникъ пѣсенъ не дошелъ до насъ; результатомъ занятій ими Востокова остался его извѣстный *Опытъ о русскомъ стихосложеніи* (первоначально былъ напечатанъ въ Спб. Вѣстникѣ 1812 г., II, № 4—6; позднѣе, въ 1817 г., отдѣльно, съ дополненіями и поправками). «Это произведеніе, замѣчаетъ Срезневскій, важно было и въ практическомъ отношеніи, указавъ стихотворцамъ, чѣмъ и какъ они могутъ пользоваться въ русскомъ языкѣ въ отношеніи къ размѣрамъ стиховъ. Не менѣе важно оно и какъ изслѣдованіе, указывающее на судьбы стихосложенія въ разныхъ литературахъ Европы, древней и новой. Всего важнѣе оно какъ изслѣдованіе разнообразныхъ явленій строя народнаго русскаго стиха, самостоятельное, новое, отчетливое, богатое наблюденіями, справедливое въ выводахъ. Отдѣляя одни отъ другихъ стихи пѣсенные и сказочные (каковы въ былинахъ), Востоковъ самымъ важнымъ условіемъ въ образованіи русскаго народнаго стиха считалъ количество ударенія (отъ одного до трехъ); ни тѣ ни другіе не находилъ возможнымъ дѣлить на стопы въ томъ смыслѣ, въ какомъ допускается это дѣленіе въ стихахъ метрическихъ и тоническихъ, а видѣлъ въ нихъ стопы особенныя, сравнительно бóльшей величины (до 5 слоговъ); въ тѣхъ и другихъ обратилъ вниманіе на мѣсто послѣдняго ударенія (преимущественно дактилемъ). Это изслѣдованіе Востокова, незамѣненное ничѣмъ полнымъ и до сихъ поръ, немного бы измѣненій потребовало и теперь»... (Обозрѣніе научныхъ трудовъ Востокова. Торжественное собраніе Имп. Ак. Наукъ 29 дек. 1864 года. Спб., 1865, стр. 96). Какъ результатъ занятій Востокова русскими пословицами, до насъ сохранился составленный имъ *сборникъ пословицъ, расположенныхъ по содержанію.* Сборникъ распадается на пять главъ («благоразуміе», «благодушіе», «цѣломуд-

ріе или воздержность», «правда или справедливость» и «пословицы не нравоучительныя, но только характерныя»); каждая глава состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій и статей. Ок. 1815—1816 г. занятія Востокова народной словесностью,—весьма любопытныя, какъ «первыя попытки къ самостоятельной разработкѣ памятниковъ»,—совершенно имъ оставляются: онъ исключительно сосредоточивается на изученіи памятниковъ старославянской письменности, занятія которыми начаты были имъ также почти тотчасъ по окончаніи курса въ Акад. Художествъ (1800). Уже въ 1802 г. Востоковъ собираетъ *коренныя и первообразныя слова языка славянскаго*,—тетрадь съ ними, помѣченная этимъ годомъ, сохранилась до насъ въ его черновыхъ бумагахъ. Въ 1809 г. онъ оканчиваетъ *Этимологическое словорасписаніе* (обширный филологическій трудъ, оставшійся ненапечатаннымъ). Вообще, по собственнымъ словамъ Востокова, онъ «всегда имѣлъ отмѣнную охоту къ наукамъ историческимъ и грамматикальнымъ, и горячо предавался онымъ, когда только могъ улучать свободное время, когда только могъ имѣть малѣйшее къ тому пособіе въ какихъ нибудь ученыхъ книгахъ»... «Всего болѣе», продолжаетъ онъ, его занимали «археологическія и этимологическія изслѣдованія русскаго языка». Первыми трудами здѣсь Востокова, явившимися въ печати, были *Грамматическія замѣчанія*, помѣщенныя въ книжкѣ Б о р н а: «Краткое руководство къ россійской словесности» (Спб., 1808), и *Замѣтка любителямъ этимологіи* (Спб. Вѣстн., 1812). Къ 1810 г. относятся сдѣланныя Востоковымъ въ переводѣ извлеченія изъ сборника Добровскаго: «Slawin. Botschaft aus Böhmen an alle slavischen Völker, oder Beiträge zu ihrer Charakteristik, zur Kenntniss ihrer Mythologie, ihrer Geschichte und Alterthümer, ihrer Literatur und ihrer Sprachkunde nach allen Mundarten (Прага, 1806)»,—съ прибавленіемъ къ переводу нѣсколькихъ подстрочныхъ примѣчаній, «ясно указывающихъ на то, что Востоковъ уже внимательно изучалъ со стороны языка древніе памятники, каковы Русская Правда, Поученіе Владиміра Мономаха, Лѣтопись Нестора, Слово о полку Игоревѣ, Сборникъ 1076 года, и др.» Получивши доступъ въ Имп. Публичную Библіотеку, онъ скоро находитъ здѣсь знаменитое О с т р о м и р о в о Е в а н г е л і е 1056—1057 г. Послѣ многолѣтнихъ занятій надъ памятниками, Востоковъ печатаетъ въ 1820 г. свое *Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ* (напечатано было первоначально въ «Трудахъ Моск. Общ. любит. россійской словесности», ч. XVII, М., 1820; позднѣе—въ «Уч. Зап. II Отд. А. Н.», кн. II, вып. 1, Спб., 1856, и въ «Фил. Изслѣдованіяхъ» Востокова, изданныхъ Срезневскимъ, Спб.. 1865), — послужившее краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ трудовъ по славяно - русской филологіи. Очень небольшое по объему, изслѣдованіе сдѣлало эпоху въ наукѣ. Филологическія изысканія впервые ставились на новую научную почву. Востоковъ первый, «почти въ одно время съ Гриммомъ, выставилъ историческое начало въ развитіи языка и указалъ основные звуковые

пункты, отъ которыхъ идетъ различіе славянскихъ нарѣчій между собою, и подлинныя древнія особенности языка церковно-славянскаго»...

Цѣль «Разсужденія» — «сказать нѣчто о самомъ строеніи церк.-слав. языка, въ древнѣйшемъ его видѣ», и «указать перемѣны, коимъ онъ въ теченіи вѣковъ подвергался». Въ исторіи славянскаго языка изслѣдователь отмѣчаетъ три періода: древній, средній и новый. Древній заключается въ письменныхъ памятникахъ IX—XIII ст. Онъ непримѣтно сливается съ языкомъ среднимъ, XV—XVI ст., а засимъ слѣдуетъ новый славянскій, языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ. «Новый языкъ утратилъ многія формы грамматическія, которыя обогащали древній славянскій, и которыя открываются еще и въ среднемъ языкѣ; но принялъ за то другія, заимствованныя частью изъ образовавшихся между тѣмъ живыхъ языковъ, русскаго, сербскаго, польскаго, коими говорили переписчики книгъ, частью же и изобрѣтенныя позднѣйшими грамматиками».

«Замѣчавшіе большую разность между древнимъ русскимъ языкомъ коего остатки находятъ въ *Русской Правдѣ*, въ *Словѣ о полку Игоревѣ* и пр., и между церковно-славянскимъ, разумѣли конечно подъ симъ послѣднимъ языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ. Они бы не сказали того о древнемъ церковно-славянскомъ. Разность діалектовъ, существовавшая безъ сомнѣнія въ самой глубокой уже древности у разныхъ поколѣній славянскихъ, не касалась въ то время еще до склоненій, спряженій и другихъ грамматическихъ формъ, а состояла большею частью только въ различіи выговора и въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ. Напр. русскіе славяне издревле говорили *волость* вм. *власть*, *городъ* вм. *градъ*, *берегъ* вм. *брегъ*, и пр. *Щ* въ словахъ: *нощь*, *пещь*, *вращати* и пр. замѣняли они издревле буквою *ч*: *ночь*, *печь*, *ворочати*, такъ какъ поляки въ тѣхъ же случаяхъ *щ* замѣняютъ буквою *и*: *noc*, *piec*, *wracac*, а сербы ћ (ть): *ноћ*, *pjeћ*, *враћати*. Такимъ же образомъ церковно-славянское *жд* замѣняется у русскихъ одинакимъ *ж*: *вожь* вм. *вождь*, *дажь* вм. *раждь*, у поляковъ *dz*: *wodz*, у сербовъ ђ (дь): *вођ*. Русскіе не имѣли также звуковъ, выражаемыхъ буквами Ѫ, Ѧ кирилловской азбуки, а вмѣсто оныхъ выговаривали у, ꙗ. Особенныя слова, коими отличался русскій діалектъ отъ церковно-славянскаго въ древнемъ онаго періодѣ, были нѣкоторыя частицы, мѣстоименія, нарѣчія и т. п.; напр. *оже* вм. *еже*, *аже* и *аче* вм. *аще*, *ать* вм. *да*, *оли* и *олны* вм. *даже до* и пр. Но чѣмъ глубже въ древность идутъ письменные памятники разныхъ славянскихъ діалектовъ, тѣмъ сходнѣе они между собою. Посему почти заключать можно, что во время Константина и Меѳодія всѣ племена славянскія, какъ западныя, такъ и восточныя, могли разумѣть другъ друга такъ же легко, какъ теперь напр. архангелогородецъ или донской житель разумѣетъ москвича или сибиряка. Грамматическая разность діалектовъ стала ощутительною уже спустя, можетъ быть, 300 или 400 лѣтъ послѣ переложенія церковныхъ книгъ».

Переходя къ характеристикѣ «строенія» этого древняго славянскаго языка, нѣкогда болѣе или менѣе общаго для всѣхъ племенъ, изслѣдова-

тель намѣчаетъ слѣдующія его особенности,—въ фонетикѣ (по терминологіи автора: «въ буквахъ или «стихіяхъ» слова») и частяхъ рѣчи. Особенности «въ буквахъ»:

а) Употребленіе полугласныхъ *ъ* и *ь* вмѣсто гласныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ. «Древній языкъ ставитъ полугласныя *ъ* и *ь* въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ вмѣсто употребляемыхъ позднѣйшими діалектами гласныхъ, напр.: а) въ окончаніи предлоговъ *въ, съ, къ*; б) по срединѣ словъ въ коренныхъ слогахъ,—послѣ язычныхъ *л, р* (*вльлъ, тргъ, слъза, врътъ*), послѣ зубныхъ *д, т, с, ж, ш* (*дьбрь, стъзя, сътъ, жьзлъ, чьсть*), послѣ губныхъ *б, в, п, м* (*бъдръ, двьрь, пьртъ, мьчта*), послѣ поднёбныхъ (*гърдъ, кърмъ, кьзнь*); въ немногихъ только словахъ древняго языка полныя гласныя *о* и *е* посрединѣ слоговъ имѣютъ мѣсто; в) въ нѣкоторыхъ производныхъ слогахъ падежей имен., твор. и предлж.: *дьнь, Юръмъ, отьць, кратъкъ, тяжькъ,—словъмъ, огньмъ,—дьньхъ, печальхъ*, и т. п. Русскіе начали, кажется, уже въ XIII вѣкѣ замѣнять въ таковыхъ словахъ *ь* гласною *е*, *ъ—о*, сперва только въ производныхъ слогахъ, напр. *словомъ* вм. *словъмъ*, *огнемъ* вм. *огньмъ*; потомъ и въ самыхъ корняхъ, напр. *торгъ* вм. *тргъ*, *волкъ* вм. *влъкъ*,—при чемъ гласную поставили передъ *л* и *р*, а не послѣ оныхъ, каковое русское произношеніе и утвердилось въ церк.-слав. языкѣ позднѣйшаго времени».

б) Несочетаемость *г, к, х* съ мягкими гласными, и *ж, ч, ш, щ, ц*—съ гласными *о, ы* и *ъ*. «Послѣ поднёбныхъ буквъ *г, к, х*, древній языкъ не терпѣлъ тонкихъ гласныхъ *е, ѣ, и, ю, я* и полугласной *ь*. Такъ напр. писалось: *Кыевъ, гыбель, хытрость, пакы, кънигы*, и пр., и только въ иностранныхъ словахъ оставлялись тонкія гласныя *г, к, х* неизмѣнными (Гедеонъ, кивотъ, херувимъ, и пр.), или лучше сказать, означенныя согласныя въ таковыхъ случаяхъ не подвергались обыкновенному измѣненію, каковое въ славянскихъ реченіяхъ принимали они, превращаясь передъ *е, ь*, въ *ж, ч, ш*, передъ *ѣ, и*, въ *з, ц, с*. Шепелеватыя согласныя *ж, ш, ч, ц, щ*, напротивъ того, не терпѣли послѣ себя дебелыхъ гласныхъ *о, ы* и полугл. *ъ*; отъ чего и писалось: отьць, а не отьцъ, отьци, а не отьцы и пр.».

в) Носовое произношеніе буквъ Ѫ и Ѧ, Ѭ и Ѩ. «Нижеслѣдующіе признаки кажутся несомнѣннымъ доказательствомъ, что буквы Ѫ и Ѧ и двоегласныя ихъ начертанія Ѭ и Ѩ въ кирилловской азбукѣ п е р в о н а ч а л ь н о и м ѣ л и з в у к ъ п о л ь с к и х ъ ą, ę, ią, ię, и что слѣдовательно звуки сіи, сохранившіеся нынѣ только въ польскомъ, да еще въ языкѣ люнебургскихъ славянъ, с у щ е с т в о в а л и и в ъ т о м ъ д р е в н е м ъ с л а в я н с к о м ъ, на который переложена Библія. Въ *Остромировомъ Евангеліи* употребленъ Ѫ именно тамъ, гдѣ поляки ą и ę произносятъ; напр.: въ корняхъ: зѫбъ, мѫжь, гѫба, ząb, mąž, gęba; въ окончаніяхъ вин. пад. женск.: вѣрѫ=wiarę; твор. женск.: вѣроѭ=wiarą; 1-го л. ед. ч. наст.: идѫ=idę; 3-го л. множ. наст.: идѫтъ=idą; причастій: идѫще=idąc; напротивъ того, гдѣ у поляковъ чистое u или наше *у*, тамъ въ *Остром. Евангеліи* всегда *оу* (оухо, оучити=ucho, uczyс). Такое же строгое различіе наблюдается въ

Остр. Евангеліи между ѧ и ѩ, какое между ѫ и оу. ѧ ставится тамъ, гдѣ у поляковъ ią или ię, или ą, ę послѣ l, rz, ž cz; а ѩ, гдѣ чистое ia (напр.: ѩти, сѧдѫ, ѩзыкъ, свѧтыи=iąć, siądę, ięzyk, święty; въ окончаніяхъ им. сущ. ср. р.: имѧ, imię; мѣстоименій: мѧ, тѧ, mię...; 3-го л. мн. наст.: стоѩтъ=stoią; причастій: любѧ=lubiąc и пр.). Только нѣкоторыя окончанія, соотвѣтствующія славянскимъ на ѧ или ѩ, въ польскомъ потеряли носовое произношеніе, или издревле не имѣли онаго (напр. род. един. и именит. множ. жен.: душѧ, duszy, dusze).

Особенности въ частяхъ рѣчи:

а) Особенность въ склоненіи прилагательныхъ простыхъ и сложныхъ, или усѣченныхъ и полныхъ. Прилагательныя простыя или усѣченныя склонялись въ древнемъ языкѣ одинаково съ существительными, а сложныя или полныя—присоединяли къ окончаніямъ простыхъ мѣст. 3-го лица и, ѥ, ѩ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ предшествующихъ гласныхъ (напр., добръ—добрыи, добро—доброѥ, добра—добраѩ, род. добра—добрааго, добры—добрыѩ, дат. доброу—доброуоумоу, добрѣ—добрѣи, и пр.). Въ среднемъ славянскомъ языкѣ начали сливать сіи стеченія двухъ гласныхъ въ одинъ звукъ (добр*аа*го, добр*уу*му, добр*ыи*мъ—добр*а*го, добр*о*му, добр*ы*мъ).

б) Отсутствіе въ древнемъ славянскомъ языкѣ дѣепричастія: «Древній языкъ славянскій не имѣлъ, равно какъ и греческій, той формы глагола, которая называется дѣепричастіемъ. Окончанія сей формы: любя, дѣлая, любивъ, сдѣлавъ и пр., существовали и въ древнемъ языкѣ, но принадлежали къ причастію... Дѣепричастіе вошло въ русскій и въ другіе новѣйшіе діалекты славянскіе, вѣроятно, отъ вкравшагося мало по малу неправильнаго употребленія разныхъ окончаній причастія, однихъ вмѣсто другихъ. Уже въ *Лаврентьевскомъ спискѣ* встрѣчаются, хотя изрѣдка, таковыя неправильности, доказывающія наступившее измѣненіе языка».

в) двоякое окончаніе неопредѣленнаго наклоненія—*ти, щи* и *тъ, щь*, смотря по сопровождающимъ его личнымъ глаголамъ. «Когда личный глаголъ означаетъ намѣреніе или мысленное устремленіе къ дѣлу, самое дѣланіе или продолженіе дѣла, начатіе и прекращеніе онаго, однимъ словомъ, нахожденіе дѣла подъ рукою, прикосновеніе къ оному, умственное или физическое,—тогда неопред. наклоненіе имѣло употребительное и въ позднѣйшемъ языкѣ окончаніе *ти, щи* (въ русскомъ измѣнившееся на *ть, чь*). Когда же личный глаголъ означаетъ шествіе, теченіе, посланіе, пусканіе, веденіе на какое либо дѣло, однимъ словомъ, достиганіе къ оному,—тогда неопредѣленное наклоненіе оканчивалось на *тъ, щь* (напр. придоша послоуша*тъ* ѥго и исцѣли*тъ*сѧ, въниде съ нима обле*щь*). Сей видъ неопредѣл. наклоненія, въ XV вѣкѣ уже у русскихъ изъ употребленія вышедшій, встрѣчается еще постоянно въ *Лаврентьевскомъ спискѣ* и въ другихъ памятникахъ XIV вѣка».

Всѣ эти и другія положенія въ изслѣдованіи подкрѣпляются подробными объясненіями и ссылками на памятники.—«Все содержаніе «Разсужденія», замѣчаетъ Срезневскій, было новостью не только для русскихъ,

но и всюду»... Лучшій авторитетъ того времени по славяновѣдѣнію, I. Добровскій (1753—1829), «ученѣйшій изъ изслѣдователей славянскаго языка, въ то время жившихъ», былъ такъ пораженъ важностью наблюденій и важностью выводовъ, сдѣланныхъ Востоковымъ, что хотѣлъ прекратить печатаніе своего труда *Institutiones linguae Slavicae*,—хотя болѣе 20 листовъ книги было уже отпечатано, и вновь передѣлать свой трудъ сообразно съ открытіями Востокова; только вслѣдствіе усиленныхъ убѣжденій Копитара, Добровскій рѣшился продолжать печатаніе. Впрочемъ,—какъ видимъ это на Копитарѣ,—важность открытій Востокова была сознана далеко не тотчасъ и не всѣми...

Дальнѣйшіе труды Востокова по изученію славянской и древне-русской письменности, окончательно упрочившіе возникавшую науку славяновѣдѣнія, главнымъ образомъ относились къ изданію и описанію древнихъ письменныхъ памятниковъ, славянскихъ и русскихъ, дальнѣйшему изученію славянскаго и русскаго языковъ и составленію церковно-славянскаго словаря. Это были:

— *Описаніе десяти рукописей м. Евгенія*,—въ письмѣ къ послѣднему, 1821 года; напеч. было лишь въ 1856 г., въ Уч. Зап. II отд. Ак. Н., т. II, вып. 2, стр. 59—75.

— *Описаніе Лаврентьевскаго списка «Повѣсти временныхъ лѣтъ»*, въ изданіи Тимковскаго: Лѣтопись Нестора по древнѣйшему списку мниха Лаврентія (М., 1824). Перепеч. въ Уч. Зап. II отд. А. Н., т. II, в. 2, стр. 94.

— *Описанія древнихъ славянскихъ памятниковъ*, помѣщавшіяся въ изданіи Кеппена: Библіографическіе листы (1825). Перепечатано въ Уч. Зап. II отд. А. Н., т. II, в. 2, стр. 75—80. 88. 94.

— *Грамматическія объясненія на три статьи Фрейзингенской рукописи*, въ изданіи Кеппена: Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи (Спб., 1827), стр. 21—86.

— *Убіеніе св. Вячеслава кн. чешскаго*, легенда съ примѣчаніями. Моск. Вѣстникъ, 1827, кн. V, № 17, стр. 82—94.

— *Сокращенная русская грамматика. Спб., 1831.*

— *Русская грамматика, по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Спб., 1831.*

— *Описаніе Норовскихъ рукописей славянскихъ*. Ж. М. Н. Пр., 1836, XI, II, стр. 529—547. Перепеч. въ Уч. Зап. II отд. А. Н., 1856, II, 2, стр. 96—111.

— *Описаніе майской мѣсячной Минеи XI в.* Уч. Зап. II отд. А. Н., II, 2, стр. 126—128.

— *Описаніе рукописей библіотеки Академіи Наукъ*. ib., стр. 111—123.

— *Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума. М., 1842.*

— *Остромирово Евангеліе. Спб., 1843.* Къ изданію приложены *Грамматическія правила словенскаго языка, извлеченныя изъ Остромирова Евангелія*, —матеріалы для грамматики—и словарь.

— *Словарь церковно-славянскаго языка. 2 т., Спб., 1858—1861.*

— *Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ* (*Спб., 1860*; а также въ Уч. Зап. II отд. А. Н., т. VII, Спб., 1860),—болѣе подробная и обстоятельная переработка «Грамматическихъ правилъ», приложенныхъ къ «Остромирову Евангелію» (Спб., 1843).

«Описанія рукописей» и «старопечатныхъ книгъ», наряду съ изданіями самыхъ памятниковъ, являются основными пособіями при изученіи древне-русской литературы. Описанія эти начинаются у насъ съ XVII—XVIII вв. Первыми опытами такого рода были труды Сильв. Медвѣдева († 1691) и еп. Дамаскина Семенова-Руднева († 1795). Трудъ перваго изданъ Ундольскимъ подъ заглавіемъ: *Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ* (Чтенія Моск. Общ. ист. и древн. рос., 1846, № 3, и отдѣльно, М., 1846), и представляетъ собою инвентарь почти всей нашей наличной литературы XVI—XVII вв. Авторъ «Оглавленія» подробно описываетъ каждую рукопись, перечисляя всѣ ея статьи, съ точнымъ приведеніемъ начальныхъ словъ каждой, сообщаетъ извѣстныя ему свѣдѣнія объ авторахъ и т. д. Трудъ Дамаскина: *Библіотека россійская по годамъ расположенная отъ начала типографій въ Россіи по нынѣшнія времена*—изд. П. Н. Тихановымъ, въ «Пам. Древн. Письменности» (1881, XI), и по времени составленія относится къ 80-мъ гг. XVIII в. «Библіотека Россійская» посвящена главнымъ образомъ описанію печатныхъ книгъ, славянскихъ и русскихъ, начиная съ возникновенія у славянъ книгопечатанія по «нынѣшнія времена», т. е. по 80-е гг. XVIII ст. Это не только описаніе, но и опытъ прагматическаго изученія. Авторъ начинаетъ свою Библіотеку «Краткимъ описаніемъ россійской ученой исторіи»—общей характеристикой исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи, «съ начатія у русскихъ письменъ и буквъ» и введенія христіанства. При описаніи, авторъ не только обстоятельно указываетъ содержаніе описываемой книги, но и дѣлаетъ попытки къ сличенію различныхъ изданій ея, къ изученію языка переводовъ и оригинальныхъ произведеній, относительно особенно рѣдкихъ книгъ точно указываетъ на свое непосредственное знакомство съ описываемымъ изданіемъ, замѣчая напр.: «сію книгу я видѣлъ и читалъ»..., или: «я имѣлъ случай видѣть сію книгу и читать», или, въ противномъ случаѣ: «не видавъ книги, сказать не могу»... Труды С. Медвѣдева и Дамаскина Руднева были первыми попытками приведенія въ извѣстность стараго письменнаго и печатнаго матеріала. Дальнѣйшимъ трудомъ этого рода была *Хронологическая роспись первопечатнымъ словенскимъ книгамъ* Кеппена (1793—1864), помѣщенная въ изданныхъ имъ «Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи» (II, Спб., 1825) и простирающаяся съ 1491 года по начало XVII в. «Роспись» указываетъ годъ изданія книги, мѣсто изданія, если можно, имя издателя или «книгопечатника», языкъ сочиненія, шрифтъ, краткое заглавіе книги или ея содержаніе, указываетъ, гдѣ хранятся описываемые экземпляры, кто писалъ о нихъ и т. д. Авторъ пользуется спеціальными трудами І. Добровскаго, Палац-

каго, Бентковскаго, Бандтке, Копитара, Ганки, Шафарика, Юнгмана... Изъ болѣе позднихъ важнѣйшими трудами въ ряду «описаній» были: *Обстоятельное описаніе славяно-русскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова (Спб., 1825)*, составленное Ѳ. Калайдовичемъ и П. Строевымъ, и труды послѣдняго: *Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и русскихъ, хранящихся въ библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова (М., 1829)* и *Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, находящихся въ библіотекѣ И. П. Царскаго (М., 1836)*. Эти изданія представляли уже болѣе широкое изученіе старой славяно-русской литературы, рукописной и печатной, и давали первыя прочныя основанія къ ея непосредственному изученію. «Обстоятельное описаніе», замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ, «отворило двери въ тайники рукописныхъ древностей до-Петровской Руси». Впрочемъ, уже современники видѣли и основной недостатокъ труда, его необыкновенную краткость, поверхностность. По замѣчанію гр. Румянцова, изданіе не удовлетворило «въ полной мѣрѣ» «то нетерпѣніе приличное, съ каковымъ его ожидали знатоки въ древностяхъ нашихъ»; «начертанія, писалъ онъ,—почти всѣ поверхностны и настоящихъ замѣчаній не содержатъ»... Кеппенъ также не безъ основанія указывалъ составителямъ, что ихъ «Обстоятельное описаніе» часто бываетъ «весьма необстоятельнымъ»... Трудъ Калайдовича и Строева дѣйствительно страдаетъ ничѣмъ неоправдываемой краткостью. Это—скорѣе инвентарь, чѣмъ собственно описаніе. Въ «Обстоятельномъ описаніи» иногда не дается даже тѣхъ свѣдѣній, какія имѣются въ «Оглавленіи книгъ» XVII вѣка. Нѣсколько болѣе «обстоятельнымъ» является составленное Строевымъ Описаніе старопечатныхъ книгъ Толстова; описатель приводитъ, сполна или отрывками, «предисловія» и «послѣсловія» описываемыхъ книгъ, давая этимъ весьма важный историко-литературный матеріалъ,—придающій изданію до сихъ поръ все значеніе первоисточника. Непосредственнымъ дополненіемъ къ «Описанію» старопечатныхъ книгъ Толстова является: «Описаніе старопечатныхъ книгъ библіотеки Царскаго»: «Что изложено тамъ подробно, замѣчаетъ составитель,—на то здѣсь указанія; чего нѣтъ тамъ, то здѣсь обстоятельно»...

Совершенно другимъ характеромъ, сравнительно съ перечисленными трудами, отличаются труды Востокова по описанію рукописей. Каждое изъ его описаній—результатъ самаго тщательнаго и подробнаго палеографическаго и филологическаго изученія. Въ своихъ описаніяхъ Востоковъ даетъ не одинъ голый перечень статей, находящихся въ рукописи, какъ это мы имѣемъ въ «Описаніяхъ» Строева, съ краткими категорическими отмѣтками о матеріалѣ письма и почеркѣ; описанія Востокова имѣютъ характеръ какъ бы спеціальныхъ чисто-палеографическихъ и филологическихъ изслѣдованій, съ присоединеніемъ изысканій историческихъ, хронологическихъ, историко-литературныхъ и т. д. Классическимъ трудомъ въ ряду «описаній» Востокова является названное *Описаніе русскихъ и слов. рукописей Румянцовскаго музеума (Спб., 1842)*. «Описаніе 470 румян-

цовскихъ рукописей, говоритъ Срезневскій, было бы дорогимъ вкладомъ въ нашу библіографическую литературу, если бы составлено было и по тому плану, по какому сдѣлано описаніе Толстовскихъ рукописей Калайдовичемъ и Строевымъ, т. е. съ краткимъ обозначеніемъ содержанія каждой рукописи. Не то хотѣлъ сдѣлать и сдѣлалъ Востоковъ. Каждая рукопись заняла его сама по себѣ, какъ будто бы она одна и должна быть осмотрѣна и описана, а другія нужны были какъ пособіе. Въ каждой замѣтилъ онъ все важное въ отношеніи палеографическомъ, археологическомъ, литературномъ, и по каждой сдѣлалъ изслѣдованія. Ни одна отдѣльная статья ни въ одной книгѣ не опущена изъ виду; очень многія отмѣчены особо, какъ болѣе важныя по содержанію или по языку. Очень многія изъ сочиненій, переведенныхъ съ греческаго, сличены съ подлинникомъ, и главные выводы этого сличенія внесены въ описаніе. Выводамъ историческихъ и литературныхъ соображеній также дано должное мѣсто, равно какъ и необходимымъ выпискамъ. Выписки дѣлаются всегда съ буквальной точностью. Нельзя забыть и сжатости изложенія: не написана напрасно ни одна строка; иначе бы то же описаніе, при томъ же количествѣ данныхъ, заняло не 113 печатн. листовъ, а гораздо болѣе. Послѣдствія изданія въ свѣтъ этого описанія не могли быть маловажны. Съ этого только времени можно было начать ученую разработку древней литературы русской и вообще русскихъ древностей—не только тѣмъ, которые могли пользоваться Румянцовскимъ музеемъ, но и всѣмъ другимъ. Работать стало легче,—по крайней мѣрѣ надъ тѣми вопросами, по которымъ данныя отмѣчены въ Описаніи; а такихъ вопросовъ затронуто тамъ не мало, потому что и самое собраніе рукописей Румянцова очень разнообразно, и внимательность къ нимъ Востокова была, можно сказать, всесторонняя. При помощи Востоковскаго описанія рукописей, легко всматриваться и въ другія рукописи, не только однородныя, но частію и особеннаго склада: оно научаетъ изучать рукописи и искать въ нихъ новаго. Всему этому, всякой работѣ по описанію, помогаетъ обширный алфавитный указатель именъ и предметовъ, приложенный къ книгѣ. Кто пользовался имъ, тотъ знаетъ, какъ тщательно онъ сдѣлалъ, какъ немногимъ можно его дополнить, и вмѣстѣ какъ важенъ при занятіяхъ историческихъ, археологическихъ, литературныхъ, и т. п.». (Обозрѣніе научн. трудовъ Востокова, стр. 110—111).

Особенно важны были описанія Востокова въ отношеніи палеографическомъ. Его труды впервые полагали прочныя начала для славяно-русской палеографіи. «Описаніе Румянц. музея» Срезневскій называетъ ея «краеугольнымъ камнемъ», а самого Востокова—ея «основателемъ». До него всѣ руководствовались въ этомъ дѣлѣ только одною догадливостью, за исключеніемъ развѣ Калайдовича. Вотъ главные палеографическіе выводы Востокова,—до сихъ поръ остающіеся «почти единственнымъ» пріобрѣтеніемъ славяно-русской палеографіи (данныя эти, разсѣянныя въ «Описаніи Румянц. музея», собраны и сгруппированы Пыпинымъ въ статьѣ: *Матеріалы для славянской палеографіи изъ «Опис. Рум. музея»*, напеч. въ Уч. Зап II отд. Ак. Н., кн. II,—изложеніемъ ея отчасти мы пользуемся):

Важнѣйшими вопросами палеографіи являются вопросы о м а т е р і а л ѣ, на которомъ написана рукопись, п о ч е р к ѣ, какимъ она написана, и я з ы к ѣ, на которомъ она написана, или р е д а к ц і и списка.

Древнѣйшія славянскія и русскія рукописи писаны на п е р г а м е н ѣ (περγαμηναί, по древне-славянски *харатья*, — книги *харатейныя*); позднѣе появляется тряпичная б у м а г а и б о м б и ц и н ъ (хлопчатая бумага, *charta bombycina*). Рукописи, писанныя на пергаменѣ, идутъ у насъ отъ начала письменности до конца XIV в. или нач. XV-го; съ начала XV-го начинаетъ появляться обыкновенная писчая бумага. Бомбицинъ употреблялся у насъ, повидимому, очень рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ въ Сербіи и Болгаріи; матеріалъ этотъ вообще характеризуетъ рукописи южно-славянскія.

«П о ч е р к ъ въ рукописяхъ бываетъ уставный, полууставный и скорописный. Уставный почеркъ или у с т а в ъ различается по вѣкамъ. Различная форма буквъ его служитъ довольно вѣрнымъ признакомъ большей или меньшей древности рукописи. Различіе сіе является особенно въ буквахъ *ж*, *з*, *ч*, коихъ древнѣйшая форма есть Ж, Ꙁ, Ү. П о л у у с т а в ъ, составляющій средину между уставомъ и скорописью, появляется въ концѣ XIV вѣка и наиболѣе употребителенъ въ XV и XVI в. Съ половины XVI в. входитъ въ употребленіе с к о р о п и с ь, которая наконецъ въ XVII в. дѣлается господствующимъ почеркомъ». Вмѣстѣ съ этимъ, въ XIII—XVIII вв. являются другіе, м ѣ с т н ы е, почерки, указывающіе родину списка,—уставъ, полууставъ и скоропись ю ж н а г о п и с ь м а (сербскаго или болгарскаго), полууставъ б ѣ л о р у с с к і й, или в о л ы н с к і й, и б ѣ л о р у с с к а я с к о р о п и с ь XVI—XVIII в.

Со стороны я з ы к а, древнѣйшія старославянскія рукописи написаны на с т а р о с л а в я н с к о м ъ или д р е в н е-б о л г а р с к о м ъ языкѣ, —языкѣ *первоначальнаго славянскаго перевода книгъ св. Писанія*, лучше всего сохранившемся въ Остромировомъ Евангеліи; въ своихъ другихъ трудахъ, особенно въ примѣчаніяхъ къ изданію названнаго памятника, Востоковъ указываетъ извѣстныя главнѣйшія формы этого старославянскаго языка, отличительныя черты его фонетики и морфологіи. Въ этомъ, болѣе или менѣе первоначальномъ видѣ, старославянскій языкъ сохранился однако лишь въ очень немногихъ, наиболѣе раннихъ, рукописяхъ, всего менѣе подверженныхъ м ѣ с т н ы м ъ вліяніямъ. Съ теченіемъ времени, древнія старославянскія рукописи, подъ дѣйствіемъ этихъ различныхъ мѣстныхъ вліяній, все болѣе и болѣе видоизмѣнялись. Внѣшность рукописи, ея правописаніе,—не поддерживаемыя прежнимъ выговоромъ, напротивъ, испытывая дѣйствіе новаго чтенія,—съ теченіемъ времени, съ одной стороны, все болѣе теряли правильность въ употребленіи тѣхъ или другихъ буквъ, съ другой принимали черты чуждаго нарѣчія, р у с с к а г о, с е р с к а г о, и пр.,— какимъ говорилъ писецъ и читатель. Къ этому присоединялось то обстоятельство, что и на родинѣ своей, въ Болгаріи, старославянское нарѣчіе также не находило поддержки древняго правописанія, потому что и тамъ

совершалось общее забвеніе древнихъ формъ языка и появленіе новыхъ. Вліяніе нарѣчій направописаніе славянскихъ рукописей началось, безъ сомнѣнія, съ древнѣйшаго времени кирилловской азбуки. Собственно говоря, мы не имѣемъ ни одного чисто старославянскаго памятника, который бы вполнѣ сохранилъ черты этого нарѣчія... Мѣстное вліяніе сказывалось не вдругъ, а постепенно; рѣзкія различія развиваются въ рукописяхъ лишь впослѣдствіи,—первоначально же измѣненія происходятъ въ небольшомъ количествѣ случаевъ. Первые признаки мѣстнаго вліянія сказываются на правописаніи, не касаясь еще самаго текста, языка. Когда произведеніе начинаетъ расходиться внѣ своей родины, въ другихъ литературахъ, въ правописаніи прежде всего является два элемента—первоначальный характеръ рукописи и вліяніе мѣстнаго нарѣчія. Но переходъ извѣстнаго произведенія въ другую письменность могъ быть и непрямой: болгарская рукопись попадалась въ руки сербскаго писца, и, получивъ нѣкоторыя измѣненія отъ вліянія его выговора, переходила въ Россію, и становилась оригиналомъ для русскаго переписчика, подъ перомъ котораго смѣшивались и болгарскія и сербскія особенности, а къ нимъ прибавлялись еще новыя отличія, по требованіямъ и выговору языка русскаго. Точно также сербъ могъ списать болгарскую рукопись, уже получившую русскіе оттѣнки; самая болгарская рукопись могла быть не оригиналомъ произведенія, а только спискомъ сербскаго перевода или сочиненія, и тогда правописаніе снова запутывалось: старославянскій языкъ, не вездѣ правильный подъ перомъ сербскаго писателя, получалъ слегка болгарскую физіономію и этимъ пріобрѣталъ характеръ довольно неопредѣленный. Когда правописаніе представляетъ еще только два элемента, ихъ можно отличить безъ большого труда и каждому назначить его границы, т. е. указать, какой изъ нихъ былъ первоначальной принадлежностью рукописи и какой явился отъ нарѣчія писца. Таковы вставки и ошибки дьякона Григорія, списавшаго Евангеліе для посадника Остромира: въ древнихъ рукописяхъ сложное правописаніе есть явленіе довольно рѣдкое. Не то представляютъ рукописи XIV вѣка и позднѣе—и самыхъ древнихъ произведеній. Здѣсь открывается обширное поле для измѣненій правописанія: древній текстъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій можетъ еще въ большей степени потерять свою прежнюю форму. Съ одной стороны, рукопись, еще не измѣнившаяся отъ вліянія мѣстныхъ нарѣчій, теряетъ свое правописаніе и потому, что старославянскій характеръ ея принялъ уже на себя въ Болгаріи слѣды паденія древнихъ формъ языка, такъ что болгарскій поздній текстъ уже много отступаетъ отъ первоначальной нормы. Въ другихъ нарѣчіяхъ тоже явленіе повторяется съ иными особенностями: тамъ исчезаютъ древнія формы фонетическія и грамматическія, такъ что вліяніе позднѣйшаго сербскаго или русскаго нарѣчія отражается на правописаніи иначе и сильнѣе. Исторія текстовъ XV и XVI столѣтія, въ старославянскихъ произведеніяхъ, становится тѣмъ затруднительнѣе, что здѣсь на нихъ лежитъ иногда цѣлый рядъ видоизмѣне-

ній, принадлежащихъ разнымъ эпохамъ и нарѣчіямъ, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ составили такое смутное цѣлое, гдѣ нелегко найти первобытное основаніе и опредѣлить позднѣйшія явленія, въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. Иногда одна и та же рукопись представляетъ различное правописаніе—вслѣдствіе болѣе частныхъ причинъ: были случаи, когда писцы пользовались двумя различными переводами одного сочиненія, наприм., сербскимъ и болгарскимъ, и невольно переносили въ свой списокъ черты и того и другого, и вмѣстѣ передѣлывали оба. Притомъ каждый писецъ по своему понималъ значеніе непривычнаго ему правописанія и по своему умствовалъ надъ нимъ: оттого въ правописаніи является иногда значительная доля произвола и случайностей. Въ послѣдствіи, въ XV и особенно XVI—XVII столѣтіяхъ, отъ привычки читать и списывать преимущественно болгарскіе тексты, у нашихъ, а вѣроятно и другихъ, писцовъ является стремленіе придавать спискамъ болгарскій колоритъ: они вводили болгарскія особенности, въ употребленіи нѣкоторыхъ буквъ, и въ свои списки, нерѣдко въ такихъ даже случаяхъ, гдѣ это было совершенно не у мѣста. Потому встрѣчаются рукописи даже русскихъ сочиненій съ признаками болгарскаго правописанія,—которое явилось только отъ доброй воли писца и конечно имъ не выдерживается. Рукописи съ основнымъ русскимъ характеромъ пріобрѣтали черты позднѣйшаго болгарскаго правописанія и другимъ путемъ: какъ сначала въ Россію приходило очень много южно-славянскихъ рукописей, особенно изъ Аѳона, точно такъ впослѣдствіи, когда въ Болгаріи совершенно заглохнула литературная дѣятельность, тамъ распространялись русскія рукописи и текстъ испытывалъ новыя перемѣны»... (Пыпинъ, Матеріалы для славянской палеографіи изъ «Опис. Румянц. музея». Учен. Зап. II отд. А. Н., кн. II, вып. 2, 1856, стр. 15—17).

Востоковъ устанавливаетъ три основныхъ вида правописанія (редакціи) для памятниковъ кирилловской письменности: болгарское, сербское и русское. 1) Болгарское отличается употребленіемъ Ѫ и Ѧ въ значеніи носовыхъ буквъ ѫ и ѧ. Позднѣйшее болгарское смѣшиваетъ Ѫ и Ѧ, употребляя одно вмѣсто другого, это такъ называемое средне-болгарское правописаніе, довольно распространенное въ рукоп. XIII—XIV в. Какъ оригинальную и рѣдкую особенность болгарскаго правописанія, можно замѣтить смѣшеніе буквъ *з* и *ц* въ *Лѣтописи Манассіи* (въцимати, цакланиа, працдноваахѪ, цицдалъ вм.: възимати, закланиа, праздноваахѪ, зиздалъ; деснизеѦ, сизеваа, зрь вм. десницеѪ, сицеваа, црь и т. д), хотя это смѣшеніе встрѣчается и не вездѣ. Особенный видъ болгарскаго правописанія встрѣчается въ рукописяхъ, писанныхъ въ Молдавіи. Здѣсь болгарское нарѣчіе на письмѣ терпитъ еще большія измѣненія; упадокъ формъ языка обнаруживается еще сильнѣе. Семья рукописей молдаво-валахскаго происхожденія характеризуется главн. образ. неправильнымъ употребленіемъ падежей (на *нем* възрит вм. на *нь* възрит...). 2) Сербское не имѣетъ юсовъ; *ъ* употребляется вмѣсто *ь*, и наоборотъ, и *е* вмѣсто Ѧ. Букву *ѣ* какъ болгары такъ и сербы употребляютъ правильно (но русскіе

писцы позднѣйшаго времени, утратившіе въ языкѣ своемъ различие звуковъ *ѣ* и *е*, часто ставятъ *е* вмѣсто *ѣ*). 3) Русское правописаніе—то, которое мы видимъ въ печатныхъ церковныхъ книгахъ; въ немъ нѣтъ большого юса (Ѫ), а Ѧ и Ꙗ—равнозвучны. Такимъ образомъ всѣ рукописи старославянскія кирилловскаго письма распадаются на четыре главные отдѣла: I) древній славянскій, II) болгарскій (поздній), III) сербскій и IV) русскій. Съ появленіемъ бо́льшаго развитія каждаго изъ этихъ нарѣчій, число разрядовъ постепенно увеличивается и отличіе главныхъ между собою становится рѣзче: какъ между болгарскими текстами является разница древнихъ отъ позднѣйшихъ, отъ болгарскихъ текстовъ, списанныхъ въ Молдавіи, такъ въ спискахъ русскихъ старославянскій текстъ подчиняется вліянію нарѣчій, бѣлорусскаго, малорусскаго, новгородскаго. Помимо этого, обнаруживаются отличія рукописей, происходящія отъ смѣси нарѣчій и правописанія: встрѣчаются рукописи болгарскаго правописанія съ русскими оттѣнками, русскаго правописанія съ нѣкоторыми болгарскими особенностями, рукописи болгарскія съ сербскими оттѣнками или сербо-болгарскіе списки и пр., наконецъ другіе случаи болѣе сложнаго и запутаннаго правописанія. Слѣдуя за проявленіями въ древнерускихъ рукописяхъ мѣстныхъ нарѣчій, Востоковъ отмѣчаетъ особенности, встрѣчающіяся въ описываемыхъ рукописяхъ, нарѣчій или «діалектовъ» малорусскаго, новгородскаго и бѣлорусскаго. а) Малорусскій діалектъ характеризуется слѣдующими особенностями: 1) *оу* вм. *в* и *въ*, и наоборотъ *въ*, *в* вм. *оу* (въча оу церкви вм. оуча въ церкви, вухо вм. оухо); 2) *х* вм. *ф* (Хролъ вм. Фролъ); 3) *жч* вм. *жд* (ижченеть вм. ижденеть); 4) прибавка *и* къ предлогу *съ*, т. е. *исъ* вм. *съ* (*и*сбудется, *и*створити). 5) иногда *ы* вм. *и*, и обратно. б) Главная особенность новгородскаго нарѣчія—взаимное замѣненіе буквъ *ц* и *ч* въ корняхъ, а иногда и производныхъ формахъ словъ. в) Особенности рукописей съ признаками бѣлорусскаго или «польско-русскаго діалекта»: 1) въ концѣ многихъ словъ *ъ* вм. *ь* (естъ, есть, скорбъ), и обратно *ь* вм. *ъ* (пріять, близь вм. пріятъ, близъ); 2) преобладаніе *о* послѣ *ж*, *ч*, *ш* (чотыри, нашого, жона); 3) частая замѣна *ѣ* черезъ *е*; 4) употребленіе *о* вм. *ъ* и *ь* въ такихъ случаяхъ, какъ: сомртію, вокусити, восе вм. съмртію, вькусити, вьсе; 5) внесеніе многихъ польскихъ словъ, замѣна ими церковно-славянскихъ и т. д.

По изданію памятниковъ, классическими трудами Востокова являются его изданія такъ наз. *Фрейзингенскихъ статей*, славянскаго памятника X вѣка (съ признаками хорутанскаго нарѣчія), писаннаго латинскими буквами, и знаменитаго *Остромирова Евангелія*. «Грамматическія объясненія» Востокова на три статьи Фрейзингенской рукописи, съ изданіемъ текста самыхъ статей, составляютъ главную цѣну всего изданія, въ которомъ онп были помѣщены. Трудъ Востокова, являющійся «образцомъ изданія памятника», представляетъ чтеніе памятника буква въ букву, чтеніе по древнѣйшему цер-

ковно-славянскому правописанію, изслѣдованіе о произношеніи буквъ, коими писаны статьи, объяснительный указатель всѣхъ реченій и обозрѣніе грамматическихъ формъ языка памятника. Почти всѣ объясненія и соображенія Востокова были приняты наукой. Еще важнѣе изданіе Остром. Евангелія, другого, несравненно болѣе важнаго памятника. Изданіе Востокова даетъ текстъ драгоцѣннаго памятника XI вѣка не только буквально вѣрно, по подлинному, но и строка въ строку, столбецъ въ столбецъ, знакъ въ знакъ. Подъ каждымъ столбцомъ, строка въ строку съ славянскимъ текстомъ, напечатанъ греческій подлинникъ чтеній, соотвѣтствующій славянскому переводу. Весь славянскій текстъ повторенъ въ словоуказателѣ, гдѣ каждое изъ словъ помѣщено въ той самой формѣ, въ какой находится въ текстѣ и объяснено грамматическимъ словомъ греческимъ, ему соотвѣтствующимъ. Для объясненія систематическаго изученія языка славянскаго по Остромирову Евангелію, дано мѣсто и грамматическимъ правиламъ языка, извлеченнымъ изъ этого памятника. Не забыты и описки писца, какъ происшедшія отъ невнимательности, такъ и тѣ, которыя изобличаютъ въ немъ русскаго по языку. Шесть листовъ снимковъ указываютъ на почеркъ и на манеру рисованья. Такъ не былъ изданъ, до того времени, ни одинъ славянскій памятникъ сколько нибудь значительнаго объема» (С р е з н е в с к і й, Обозр. научныхъ трудовъ Востокова, стр. 111).—Нельзя не замѣтить, что изданіе Остромирова Евангелія едва не встрѣтило въ началѣ непреодолимыхъ препятствій отъ С.-Петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета; только энергическое заступничество моск. митр. Ф и л а р е т а дало возможность появиться въ печати монументальному труду Востокова (см. оффиціальныя бумаги по этому поводу въ статьѣ П. И. С а в в а и т о в а: «Объ изданіи Остромирова Евангелія и о содѣйствіи моск. митр. Филарета выпуску въ свѣтъ этого изданія». Чтенія въ общ. люб. дух. просвѣщенія, 1884, февр.).

Столь же классическимъ трудомъ былъ составленный Востоковымъ *Словарь церковно-славянскаго языка*.

Первый опытъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ прот. П. А. А л е к с ѣ е в у († 1801); его *Церковный словарь или истолкованіе реченій словенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ св. Писаніи и др. церковныхъ книгахъ*, вышедшій въ Москвѣ въ 1773—1776 гг., выдержалъ четыре изданія (1794; 1815—1818; 1817—1819). Словарь заключалъ въ себѣ болѣе 20,000 словъ. Авторъ пользуется *алфавитами* XVI—XVII вв., *Лексикономъ* Памвы Берынды, *Лексикономъ Треязычнымъ* и др. пособіями. Кромѣ объясненій чисто филологическихъ, въ словарѣ не мало свѣдѣній энциклопедическаго характера — по церковной исторіи, особенно православной, по ветхозавѣтнымъ и христіанскимъ древностямъ, также изъ области наукъ и искусствъ. Все это дѣлало трудъ Алексѣева чрезвычайно важнымъ научнымъ явленіемъ,—что доказываетъ и рядъ выдержанныхъ имъ изданій. Съ цѣлью «вычищенія и обогащенія» русскаго языка, въ 1783 г. была учреждена Россійская Академія; ея первой заботой стало составленіе отечественнаго словаря. Результатомъ академическихъ трудовъ были два *Словаря*

Россійской Академіи, словопроизводный (1789—1794 гг.) и азбучный (1806—1822 гг.). Въ первомъ заключалось болѣе 40,000 словъ, во второмъ—болѣе 50,000. Церковно-славянскій языкъ является здѣсь нераздѣльно съ русскимъ; Академія «имѣла въ виду не столько правильное объясненіе языка Церкви, сколько искусственное обогащеніе русскаго литературнаго языка этими словами, болѣе всего производными и сложными». Въ 1831 г. изданъ былъ *Церковно-славяно-россійскій словарь* П. С. (П. И. Соколова, † 1835). Авторъ пользовался матеріалами Россійской Академіи, печатными и рукописными, также собранными лично, придавши всему этому своду «однообразіе подручнаго пособія», гдѣ заключалось болѣе 60,000 словъ. Въ 1847 г. Вторымъ Отдѣленіемъ Имп. Акад. Наукъ, замѣнившимъ собою Россійскую Академію, былъ изданъ *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, 4 т., Спб., 1847)*. Словарь по объему значительно превосходилъ всѣ предшествовавшіе (заключалъ ок. 115,000 словъ), хотя страдалъ въ то же время въ отношеніи къ нимъ и неполнотой: въ немъ иногда не находилось тѣхъ словъ, которыя уже заключались въ предшествовавшихъ словаряхъ Россійской Академіи, и даже болѣе раннемъ, Алексѣева. Словарь сохранилъ и основной, существенный недостатокъ прежнихъ словарей—смѣшеніе двухъ языковъ, славянскаго и русскаго. Вообще, при относительной обширности, словарь отличался случайностью занесеннаго сюда матеріала: изъ старославянскихъ памятниковъ одни были исчерпаны болѣе или менѣе сполна, другіе—въ очень недостаточной степени, и всѣ вообще—съ большими пропусками...—На западѣ одинъ изъ самыхъ раннихъ опытовъ церковно-славянскаго словаря принадлежалъ Іос. Добровскому: первая глава его «Старославянской грамматики» (1822) заключала въ себѣ систематическій перечень корней и коренныхъ словъ, болѣе чѣмъ на 150 страницахъ. «Для своего времени, замѣчаетъ Срезневскій, этотъ перечень былъ превосходенъ», хотя, по особенностямъ своего расположенія, былъ нѣсколько неудобенъ для употребленія. Трудъ Добровскаго былъ передѣланъ Копитаромъ (1780—1844), который отчасти его сократилъ, отчасти дополнилъ, и для удобства употребленія расположилъ въ обыкновенномъ, азбучномъ порядкѣ; изданъ имъ подъ заглавіемъ *Vocabularium linguae Slavorum Sacrae*, въ числѣ приложеній въ книгѣ: «Glagolita Clozianus, 1836». Въ 1845 г. Фр. Миклошичъ (1813—1891) издалъ *Radices linguae Slovenicae*. Въ этомъ трудѣ «соединились достоинства трудовъ Добровскаго и Копитара и прибавились новыя—по требованіямъ современной сравнительной филологіи». Матеріалъ значительно былъ увеличенъ извлеченіями изъ разныхъ рукописей, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ древнихъ (10—11-ти) и изъ нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгъ (ок. 7). Ни одинъ изъ источниковъ не исчерпанъ вполнѣ, но изъ каждаго взято въ книгу много существеннаго, и это дѣлало ее весьма важнымъ пособіемъ при изученіи старославянскихъ памятниковъ. Болѣе полнымъ и обработаннымъ, сравнительно съ этимъ, былъ другой трудъ того же автора: *Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti*, изданный въ 1850 г. Здѣсь—болѣе 16,000 словъ, извлеченныхъ изъ 30 рукописей, большей частью неизданныхъ.

и 22-хъ старопечатныхъ книгъ. Ссылки на источники почти исключительно глухія, безъ точнаго указанія мѣстъ, откуда взяты. Авторъ, впрочемъ, не воспользовался вполнѣ своими источниками,—даже такими, какъ *Сукрасльская рукопись* XI в., *Остромирово Евангеліе, Глаголическіе отрывки гр. Клоца* и др.

Несравненно выше всѣхъ перечисленныхъ опытовъ стоитъ *Словарь церковно-славянскаго языка* Востокова. «Всматриваясь въ этотъ трудъ—писалъ Срезневскій—невольно поражаемся количествомъ и разнообразіемъ источниковъ, изъ которыхъ извлечены въ немъ слова и выраженія»... Изъ рукописей XI вѣка въ словарѣ цитируется восемь, изъ рукописей XII в.—десять, изъ рукописей XIII—восемнадцать, изъ XIV в.—пятнадцать, изъ рукописей XV в.—болѣе тридцати, изъ XVII в.—болѣе двадцати. Всего—болѣе 130 рукописей! И это—только тѣ, которыми Востоковъ пользуется преимущественно, чаще всего; кромѣ нихъ, онъ цитируетъ множество другихъ, болѣе или менѣе случайно, мимоходомъ. «Никто изъ русскихъ, замѣчаетъ Срезневскій, не имѣлъ случая пересмотрѣть такого количества рукописей, по крайней мѣрѣ древнихъ, и воспользоваться ими въ лингвистическомъ отношеніи... Пользуясь своимъ огромнымъ матеріаломъ, Востоковъ всегда старался сличать разночтенія разныхъ списковъ и переводы съ подлинниками греческими и латинскими, отличать ошибки переводчиковъ отъ ошибокъ писцовъ и т. п., опредѣлять значеніе словъ по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія, источникъ древній всегда предпочитая недревнему. Къ готовымъ пособіямъ онъ прибѣгалъ только въ случаяхъ крайности.. Все это—замѣчаетъ Срезневскій—отличаетъ словарь Востокова отъ всѣхъ другихъ въ такой степени, что и сравнивать ихъ можно развѣ только для того, чтобы доказывать разнообразное богатство его»... (см. подробнѣе въ довольно обширной статьѣ Срезневскаго—въ приложеніяхъ къ академич. отчету за 1856 г. Уч. Зап. II отд. Ак. Н., т. IV, Спб., 1858, стр. XIX—XLIII).

Вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ, Востоковъ изучалъ и современный русскій языкъ; результатомъ этихъ изученій были двѣ вышеназванныя книги: *Сокращенная русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Спб., 1831)*, составленная Востоковымъ по порученію Министерства Нар. Просвѣщенія, и *Русская грамматика, по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная (Спб., 1831)*.

Чтобы оцѣнить значеніе этихъ двухъ книгъ, нужно припомнить, въ какомъ положеніи находилось у насъ въ то время изученіе русскаго языка.

Извѣстно состояніе нашего языкознанія до Ломоносова, до появленія его *Россійской грамматики* (1755). Это былъ единственный, вполнѣ научный трудъ у насъ по изученію родного языка за все продолженіе XVIII вѣка. До появленія «Россійской грамматики» изученія почти совсѣмъ не существовало; послѣ, до самого Востокова—оно пробавлялось чаще всего передѣлками и компиляціями, болѣе или менѣе неудачными» труда Ломоносова. Такъ, въ 1771 г., «примѣнительно къ курсу только что открытыхъ гимназій, «Грамматику» Ломоносова, пользуясь еще нѣкоторыми иностранными грамматическими сочиненіями, передѣлываетъ проф. моск.

университета Барсовъ (*Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ московскаго университета. М., 1771;* въ 1802 г. книжка эта вышла 3-мъ изданіемъ). Гораздо ниже передѣлки Барсова стояли три краткихъ учебника по русской грамматикѣ, явившіеся позднѣе,—Сырѣйщикова (*Краткая россійская грамматика, изданная для народныхъ училищъ, Спб., 1787*; въ 1815 г. вышло 7-ое изданіе), П. Соколова (*Начальныя основанія россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Имп. Академіи Наукъ юношества. Спб., 1788*; въ 1808 г.—5-ое изд.) и В. Свѣтова (*Грамматика или краткія правила къ обученію россійскаго языка; съ присовокупленіемъ правилъ россійской поэзіи. Спб., 1790*). Ниже передѣлки Барсова стояла и *Грамматика россійская, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею,* изданная въ Спб., 1802 г. (переизданная въ 1809 г. вторымъ изданіемъ, въ 1819—третьимъ, наконецъ, въ 1827—четвертымъ). Академическая грамматика совершенно игнорируетъ виды въ русскихъ глаголахъ, на что̀ еще есть нѣкоторые намеки въ передѣлкѣ Барсова.— Нисколько не выше перечисленныхъ «грамматикъ» стояли въ научномъ отношеніи тѣ сочиненія по русскому языку, которыя съ начала текущаго столѣтія начинаютъ у насъ появляться на почвѣ проникавшихъ къ намъ идей такъ наз. всеобщихъ или философскихъ грамматикъ. Разумѣемъ такія сочиненія, какъ Орлова: *Краткое историческое начертаніе языковъ, съ описаніемъ ихъ начала, распространечія, перемѣнъ и смѣшенія (М., 1810),* И. Орнатовскаго: *Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ* (Харьковъ, 1810), И. Тимковскаго: *Опытный способъ къ философскому познанію россійскаго языка (Харьковъ, 1811)* и т. п. Всѣ эти труды, ставившіе цѣлью «философское познаніе россійскаго языка» и не имѣвшіе подъ собою ни малѣйшихъ научныхъ основаній, конечно, очень мало способствовали сколько нибудь его фактическому изученію. Между тѣмъ, вліяніе всеобщихъ грамматикъ одно время у насъ было такъ сильно, что совершенно упраздняло всякое другое изученіе. По уставу 1804 г., преподаваніе русской грамматики совершенно исключалось изъ курса гимназическихъ предметовъ,—ея мѣсто заняли логика, всеобщая грамматика, психологія и др. «Философское» направленіе въ изученіи языка держалось у насъ, какъ извѣстно, очень долго: позднѣйшимъ его проявленіемъ былъ извѣстный, уже упоминавшійся нами, *Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка,* изданный Академіей Наукъ (Спб., 1852; 3-е изданіе, Спб., 1854).—Въ ряду наиболѣе раннихъ опытовъ изученія русскаго языка нельзя не упомянуть о трудахъ, печатавшихся въ изданіи Моск. Общества любителей россійской словесности («Труды Общества», 20 чч., 1812—1820). Дѣятельность Общества, въ отношеніи къ изученію языка, имѣетъ характеръ—какъ справедливо было замѣчено—тѣхъ чисто эмпирическихъ изслѣдованій, которыя, не имѣя подъ собою прочнаго руководящаго начала, обогащаютъ науку значительнымъ количествомъ наблюденій и фактовъ, иногда вѣрныхъ и важныхъ, но отрывочныхъ,

случайныхъ, лишенныхъ системы и единства. Такой характеръ носятъ помѣщенныя въ «Трудахъ» Общества изслѣдованія К. Калайдовича: *О бѣлорусскомъ нарѣчіи* (кн. I), *О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ* (кн. II), — Ив. Калайдовича: *О степеняхъ прилагательныхъ и нарѣчій качественныхъ* (кн. III, VI), *О залогахъ глаголовъ русскихъ* (кн. IV), *Замѣчанія о родахъ грамматическихъ въ языкѣ русскомъ* (кн. V), *Новая теорія спряженій русскихъ* (кн. VI),—А. Болдырева; *Разсужденіе о глаголахъ и средствахъ исправить ошибки въ нихъ* (кн. II, III и VI), *Нѣчто о сравнительной степени* (кн. XV),—Е. Филомафитскаго: *О знакахъ препинанія вообще и въ особенности для россійской словесности* (кн. II),—М. Т. Каченовскаго: *О славянскомъ и въ особенности о церковномъ языкѣ* (кн. VII) и *Историческій взглядъ на грамматику славянскихъ нарѣчій* (кн. XVIII),—П. Калайдовича: *О словахъ измѣнившихъ свое значеніе* (кн. XVIII),—П. Комаровскаго: *О русскомъ синтаксисѣ* (кн. XV), и т. д.—Типичнѣйшимъ явленіемъ русскаго языкознанія, той научной степени, на которой оно находилось до «Грамматики» Востокова, были учебники и руководства по русскому языку Н. И. Греча († 1867). Филологическая дѣятельность Греча началась рано, продолжалась чрезвычайно долго и была необычайно плодовитой. Въ 1811 г. явился его первый трудъ *Опытъ о русскихъ спряженіяхъ* (Спб., 1811); въ 1823 г. второй: *Корректурные листы русской грамматики* (Спб., 1823). Затѣмъ непрерывнымъ рядомъ слѣдовали: *Пространная русская грамматика* (ч. I, Спб., 1827; II т. вышелъ на французскомъ языкѣ; второе изд. 1-ой ч.—Спб., 1830); *Практическая русская грамматика* (Спб., 1827; второе изд.—Спб., 1834); *Начальныя правила русской грамматики* (Спб., 1828; въ 1853 г.—11-ое изданіе); *Краткая русская грамматика* (Карлсруэ, 1843); *Практическіе уроки русской грамматики* (Спб., 1832); *Ключъ къ практическимъ урокамъ* (Спб., 1832), *Чтенія о русскомъ языкѣ* (ч. 1—2, Спб., 1840; второе изд., 1845); *Руководство къ изученію русской грамматики* (Спб., 1843); *Ключъ къ рѣшенію задачъ, содержащихся въ Руководствѣ къ изученію русской грамматики* (Спб., 1843); *Учебная русская грамматика для учащихся* (Спб., 1851; втор. изд,—Спб., 1852); *Руководство къ преподаванію по Учебной русской грамматикѣ* (Спб., 1851); *Задачи учебной русской грамматики* (Спб., 1852); *Начальная русская грамматика* (Спб., 1852),—и т. д. и т. д. вплоть до 1868 года, когда еще одинъ разъ новымъ изданіемъ выходитъ одна изъ его «грамматикъ».

И многочисленные учебники Греча и бóльшая часть другихъ, вышеуказанныхъ спеціальныхъ изслѣдованій по русскому языку принадлежали къ типу такъ наз. практической или филологической грамматики,—съ бóльшими или меньшими заимствованіями изъ грамматики такъ наз. всеобщей, или философской. Это были два направленія, очень долго господствовавшія, и у насъ и на западѣ, въ сферѣ изученія родного языка... Выше, по одному поводу, мы приводили характеристику, сдѣланную Гриммомъ, филологическаго направленія въ языкознаніи, сравнительно съ позднѣйшимъ, лингвистическимъ; практическая грам-

матика всецѣло основывалась на первомъ. Филологическій методъ, выработанный въ примѣненіи къ изученію языковъ классическихъ, долгое время считался лучшимъ методомъ и для изученія языковъ родныхъ, отечественныхъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, во всѣ средніе вѣка находились въ пренебреженіи; первыя болѣе настойчивыя попытки къ ихъ изученію явились тогда, когда классическая филологія стояла уже на прочныхъ основаніяхъ: естественно, что пріемы и методъ ея признавались лучшими и обязательными для всякаго вообще языкоизученія. Первые опыты грамматической обработки новыхъ европейскихъ языковъ имѣли въ своемъ основаніи почти цѣликомъ средневѣковыя теоріи латинской грамматики; все изученіе родного языка очень долгое время заключалось лишь въ болѣе или менѣе искусномъ приспособленіи различныхъ схемъ классической грамматики къ формамъ живого языка. Родной языкъ изучался съ тѣми же пріемами, съ какими изучался языкъ классическаго писателя,—тѣ же ставились и цѣли... Классическая филологія исключительно преслѣдовала практическую цѣль—возможно полное и ясное пониманіе классическихъ писателей, возможно скорѣйшее пріобрѣтеніе навыка свободно читать ихъ сочиненія и умѣнья свободно выражаться на ихъ языкѣ, устно и письменно. Изученіе языка было лишь средствомъ, и грамматика имѣла значеніе техническое. Она являлась не наукой о языкѣ, а искусствомъ правильно читать, писать и говорить на чужомъ, мертвомъ языкѣ. Не интересуясь языкомъ самимъ по себѣ, филологъ не интересовался ни его фонетикой, ни его исторіей; все вниманіе сосредоточивалось на изученіи грамматическихъ формъ, этимологическихъ и синтаксическихъ, господствующихъ въ языкѣ лучшихъ, образцовыхъ писателей. Послѣдняя черта являлась тоже весьма характерной: это было изученіе не вообще письменнаго языка классическихъ народовъ, а лишь языка ихъ лучшихъ авторовъ, классиковъ. Интересъ ограничивался областью исключительно языка литературно-образцоваго; всѣ грамматическія изученія и правила имѣли въ виду исключительно языкъ образцовъ,—тотъ особый, искусственно обработанный, языкъ избранныхъ произведеній литературы греческой и латинской, на которомъ, конечно, никогда не говорили ни греки, ни римляне. Языкъ живой, разговорный, какъ языкъ уже исчезнувшаго народа, конечно, и самъ по себѣ былъ не доступнымъ для филолога, да и вообще не входилъ въ область его научныхъ интересовъ, направленныхъ исключительно къ практической цѣли—полнаго и свободнаго владѣнія языкомъ классической письменности въ ея лучшемъ періодѣ... Такова была основная точка зрѣнія филологическаго изученія, и съ этой точки вполнѣ оправдывались пріемы и задачи практической или филологической грамматики. Въ отношеніи къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовались, послѣдняя вполнѣ имѣла свой raison d'être. Хотя она ограничивалась только правилами, извлеченными изъ художественной рѣчи писателей образцовыхъ, и вовсе не знала законовъ языка, которыми объясняются грамматическія формы, однако, направляя всѣ свои за-

мѣчанія къ практической цѣли, она дѣйствительно учила правильно читать, писать и говорить на языкѣ классическихъ писателей; хотя ея правила, ни на чемъ, кромѣ большинства грамматическихъ случаевъ, не основанныя, являлись только обязательными, но нисколько не убѣдительными для учащихся, хотя ея безконечныя исключенія, которыми обыкновенно сопровождались правила, не будучи выводимы изъ законовъ языка, должны были прямо заучиваться учащимися наизусть, на память, какъ неправильности, очутившіяся въ образцовомъ языкѣ какъ-то случайно, ненарокомъ,—тѣмъ не менѣе, не смотря на все это, главная преслѣдовавшаяся цѣль достигалась вполнѣ успѣшно: цѣлые ряды поколѣній дѣйствительно выучивались читать писателей на мертвыхъ языкахъ такъ же легко и свободно, какъ на своемъ родномъ. Большаго и не требовалось. «Филологъ не разумѣлъ внутренняго состава грамматической формы, но умѣлъ ее правильно употреблять, и ясно понималъ ее въ томъ значеніи, въ какомъ встрѣчается она у писателя образцоваго». Самое ученіе наизусть, нерѣдко естественно доходившее до крайности, вслѣдствіе безотчетности правилъ и исключеній,—приносило свою долю пользы и было необходимо, такъ какъ при усвоеніи чужого языка многое дѣйствительно должно и можетъ пріобрѣтаться лишь памятью и навыкомъ... Все это разомъ измѣняло свой смыслъ, какъ только дѣло переносилось на почву изученія языка родного, отечественнаго,—достоинства метода разомъ значительно уменьшилъсь, а недостатка въ еще бо́льшей степени увеличивались. Подобно грамматикѣ классическихъ языковъ, и практическая грамматика родного языка ограничивала свою область изученіемъ только языка письменнаго, литературнаго, и притомъ въ нѣкоторомъ смыслѣ «классическаго», языка лучшихъ, образцовыхъ писателей, отечественныхъ классиковъ, ближайшихъ къ современности,—разъ на всегда признавъ грубымъ, неправильнымъ, недостойнымъ науки все то, чего не находилось въ этомъ кругу избранныхъ писателей. Не зная и не изучая законовъ языка, да будучи и не въ силахъ, по своему искусственно ограниченному матеріалу и средствамъ, открыть эти законы, практическая грамматика и въ отношеніи къ родному языку обыкновенно такъ же ограничивалась голыми правилами и исключеніями. Не входя въ анализъ звуковъ и образованія словъ, грамматическое изученіе исключительно сосредоточивалось на изложеніи склоненій и спряженій,—учащимся предлагался длинный рядъ правилъ, съ не менѣе многочисленными неизбѣжными исключеніями, какъ склонять и спрягать на родномъ языкѣ, хотя учащіеся отлично знали это и безъ грамматики... Особенности правописанія, неподдававшіяся никакому урегулированію и особенно затруднявшія ученика на практикѣ,—были выдѣлены въ особую часть грамматики, подъ названіемъ орѳографіи или правописанія, гдѣ являлись собранными самыя разнообразныя отрывки правилъ этимологическихъ и синтаксическихъ, и гдѣ шла рѣчь то о звукахъ и буквахъ, что собственно отно-

силось къ фонетикѣ, то о знакахъ препинанія, что принадлежало уже синтаксису, и т. д. Не нужно добавлять, что и здѣсь правила и исключенія излагались догматически, безъ объясненій тѣхъ основаній, изъ которыхъ они должны вытекать,—помимо уже тѣхъ, которыя и не имѣли этихъ основаній, вытекая исключительно изъ досужей фантазіи разныхъ грамматистовъ... Какъ орѳографію и этимологію практическая грамматика думала основать главнымъ образомъ на правилахъ приличія, такъ синтаксисъ—на требованіяхъ здраваго смысла. Послѣдній практическая грамматика понимала, впрочемъ, крайне узко и условно. Ограничивъ свой матеріалъ немногими примѣрами, выписанными изъ сочиненій одного, много двухъ-трехъ образцовыхъ писателей, она видѣла въ языкѣ не иное что, какъ случайное сочетаніе звуковъ, приноровленное писателями къ выраженію мысли и, вслѣдствіе того, давала господство общимъ логическимъ отношеніямъ мысли надъ этимологическою формою,—почему многія явленія въ языкѣ, совершенно нормальныя, выдавала за «неправильныя». Практическая грамматика въ этомъ случаѣ нерѣдко противорѣчила даже своему основному авторитету—образцовымъ писателямъ; слѣдуя «образцамъ» она однако хотѣла стать выше ихъ, подвергая ихъ авторитетъ какому то высшему суду грамматической критики» (Буслаевъ, предисловіе къ «Опыту историч. грам. рус. языка», I, стр. *I—XI*). Творцомъ практической грамматики въ Германіи былъ Готшедъ († 1766); у насъ это направленіе ведетъ свое начало съ Тредьяковскаго и Сумарокова. Позднѣйшимъ его представителемъ, какъ мы уже замѣтили, былъ Гречъ....—Переходимъ къ грамматикѣ такъ наз. всеобщей, или философской. Если практическая грамматика возникла на почвѣ классической филологіи, то идеи всеобщей или философской грамматики отчасти предшествовали, отчасти были результатомъ первыхъ увлеченій новымъ, лингвистическимъ, методомъ языкознанія. Увлеченная блестящими открытіями лингвистики, философская грамматика хотѣла на этой почвѣ торопливо воздвигнуть цѣлую лингвистическо-раціональную систему языка,—забывая, что для такой широкой цѣли еще слишкомъ мало имѣется матеріала... Наиболѣе выдающимся представителемъ этого направленія былъ одинъ изъ послѣдователей В. Гумбольдта (1767—1835), Ф. Беккеръ, давшій въ своемъ, забытомъ теперь, сочиненіи *Organism der Sprache* идеямъ Гумбольдта слишкомъ одностороннее направленіе. Великая идея объ органической жизни языка была воспринята Беккеромъ слишкомъ узко и развита слишкомъ поспѣшно. Какъ справедливо было замѣчено, «Беккеръ нанесъ послѣдній ударъ изученію родного языка по старому, филологическому способу, въ систему обученія родному языку внесъ важнѣйшіе результаты, добытые позднѣйшей лингвистикой; но слишкомъ преждевременное стремленіе построить, при совершенномъ отсутствіи матеріала, цѣлую систему языкознанія, цѣльное зданіе философіи языка, могло увлечь Беккера лишь въ сферу отвлеченныхъ логическихъ категорій и понятій,—вмѣсто «организма языка» дать только логическую схему. Грамматику и

философію языка Беккеръ смѣшалъ съ логикой. Не только всѣ грамматическія формы пріурочиваетъ онъ къ извѣстнымъ категоріямъ отвлеченнаго мышленія, но даже корни словъ и ихъ постепенное развитіе въ языкѣ выводитъ изъ основныхъ, по его мнѣнію, понятій, свойственныхъ мышленію, и изъ логически-неизбѣжнаго развитія этихъ понятій въ мышленіи. Онъ изучаетъ не самый языкъ, а значеніе, и даетъ не частную логику того или другого языка, но всеобщую, логику вообще, къ которой пріурочиваетъ всѣ языки. Вмѣстѣ съ этимъ совсѣмъ опускается часть лексическая, опредѣленіе смысла отдѣльныхъ словъ и выраженій (см.: Буслаева, О препод. отеч. языка, изд. второе, стр. 74. Котляревскаго, Сочин., I, 359—361. Чудинова, О препод. отеч. языка, стр. 89—90).

Грамматическія сочиненія Греча лишены всякой самостоятельности. Вообще Гречъ никогда не думалъ быть серьезнымъ изслѣдователемъ. Только полная ничтожность науки и педагогической критики дали возможность нѣкоторымъ изъ его произведеній выдержать до двадцати изданій... Это былъ самый немудреный компиляторъ, преслѣдовавшій исключительно практическія цѣли. Онъ компилируетъ и Ломоносова и грамматику Россійской Академіи и Востокова и авторитеты общихъ, философскихъ грамматикъ,— все соединяетъ въ одно, компилируетъ чисто механическимъ образомъ, часто не понимая и извращая оригиналы. «По части фонетики, какъ и въ отношеніи къ языку вообще, онъ выводитъ свои положенія чисто механическимъ образомъ, безъ всякаго углубленія въ предметъ и самостоятельныхъ наблюденій»... Сравнительно съ Грамматикой Ломоносова, измѣняя и подновляя форму изложенія, Гречъ обыкновенно «не только не подвигаетъ дѣло впередъ, но напротивъ скорѣе затемняетъ его». Принимая въ свои учебники нѣкоторые научные взгляды Востокова, но не стараясь ихъ вполнѣ понять и усвоить, Гречъ часто впадаетъ въ противорѣчія, путаницу понятій и явныя несообразности» (Гротъ, Фил. Разыск., II, стр. 75). Поэтому его грамматическія произведенія, хотя въ теченіе десятковъ лѣтъ постоянно переиздавались и перекраивались, мало улучшались внутренно въ нихъ вообще мало находили для себя настоящаго примѣненія современенныя имъ научныя изученія русскаго языка. Гречъ больше обращался къ общимъ, философскимъ грамматикамъ, полною рукою черпая изъ Бернгарди (Sprachlehre, 1803), Сильвестра де Саси (Principes de grammaire générale, 1815) и др., и оставляя совершенно въ сторонѣ строгое фактическое изученіе особенностей и законовъ языка собственно русскаго. (О книгахъ Греча—у Чудинова, О преподаваніи отеч. языка, вып. 1, Воронежъ, 1871, стр. 256—260).

Труды Востокова по русскому языку, послѣ книги Ломоносова, были первымъ наиболѣе серьезнымъ обращеніемъ къ такому изученію. Составленная имъ грамматика отличалась совершенно другимъ характеромъ, сравнительно съ компиляціями Греча. Послѣ *Россійской грамматики* Ломоносова, *Русская грамматика* Востокова являлась у насъ первымъ строго научнымъ трудомъ въ области русскаго языка, предпринятымъ и выполненнымъ на

почвѣ пріемовъ и взглядовъ позднѣйшаго языкознанія. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Востоковъ держится преимущественно историческаго начала; отъ чисто лингвистическихъ сближеній и сопоставленій онъ чаще всего уклоняется,—но дѣлаемыя имъ сближенія обыкновенно отличаются вѣрностью и обнаруживаютъ въ немъ глубокаго и тонкаго лингвиста... «Въ грамматикѣ Востокова—писалъ Срезневскій—въ первый разъ высказаны были выводы, сдѣланные вслѣдствіе перебора всего состава русскаго языка и безъ увлеченій впередъ заданными взглядами»... Прежнее, старое, правда, еще замѣтно сказывалось; но общая, основная почва изслѣдованія была уже другая. Да и то, что можно назвать въ трудѣ Востокова остаткомъ стараго,—сказывалось скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно: по нерѣшительности или ученой осторожности, Востоковъ нерѣдко по многимъ вопросамъ умалчиваетъ, не касается ихъ,—не желая своимъ изложеніемъ и взглядомъ слишкомъ рѣзко противорѣчить взглядамъ и понятіямъ господствующимъ, укоренившимся. «Слабыя стороны его грамматики—замѣчаетъ въ своей статьѣ о Востоковѣ Срезневскій—зависѣли почти исключительно отъ дѣйствія силъ надъ нимъ тяготѣвшихъ: отъ привычныхъ взглядовъ и ожиданій того времени. Податливость его характера позволяла ему соглашаться съ чужими приговорами не только о томъ, что ему менѣе было знакомо, но даже и о томъ, что зналъ онъ и понималъ лучше всѣхъ въ то время, чему противное лежало въ его умѣ,—какъ чистое убѣжденіе, добытое провѣренными наблюденіями и уже высказанное въ прежнихъ печатныхъ трудахъ. Изъ этого запаса самостоятельныхъ выводовъ онъ далъ мѣсто въ своей грамматикѣ только тому, что казалось ему необижавшимъ привычекъ, не ставившимъ его въ борьбу со всѣми... Осторожность заставила его въ русской грамматикѣ дать мало-видное мѣсто языку простонародному и языку древне-славянскому; осторожность заставила его объяснять звуковую сторону языка русскаго въ границахъ привычнаго правописанія и т. д.» (Срезневскій, Обозр. научн. трудовъ Востокова. Торж. собраніе И. Ак. Н., и пр., стр. 116).—Кромѣ сейчасъ названной статьи Срезневскаго и другихъ упоминавшихся, о трудахъ Востокова см.: Н. Корелкина, А. Х. Востоковъ, его ученая и литературная дѣятельность. Отеч. Зап., 1855, № 1; Срезневскаго, Труды и юбилей Востокова. Уч. Зап. II отд. Ак. Н., кн. II, 1, Спб., 1856, стр. XXXVII—XLI; Е Пѣтухова, Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности Востокова. Ж. М. Н. Пр., 1890, ч. CCLXVIII; Я. К. Грота, А. Х. Востоковъ. Слав. Обозр., 1892, № 4.

Главное значеніе русскихъ грамматическихъ изученій Востокова состояло въ обращеніи къ реальному, фактическому обслѣдованію самого матеріала; изученія не имѣли еще должной широты и свободы, но общій путь, по которому они направлялись, былъ вѣрный, строго научный, путь точнаго изученія, въ связи съ языкомъ письменныхъ памятниковъ, живого народнаго языка... Труды Востокова здѣсь непосредственно предшествовали филологическимъ трудамъ Буслаева.

Въ трудахъ Буслаева по изученію русскаго языка русская грамматика впервые рѣшительно и твердо порывала всѣ связи съ прежнимъ старымъ методомъ, въ особенности съ такъ долго господствовавшей у насъ грамматикой практической, и окончательно становилась на новомъ сравнительно-историческомъ методѣ изученія. Можно сказать, лишь съ появленіемъ трудовъ Буслаева, начинается строгое, преемственное развитіе русскаго языкознанія.

Выше мы уже упоминали о двухъ первыхъ книгахъ Буслаева: *Объ изученіи отечественнаго языка (1844)* и *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ (1848)*. Какъ уже было замѣчено, это были первые опыты примѣненія у насъ строгихъ научныхъ пріемовъ сравнительно-историческаго метода. Въ 1858 г. явился *Опытъ исторической грамматики русскаго языка* Буслаева (М., 2, 1858). По справедливому замѣчанію современной ученой критики, трудъ этотъ «составилъ эпоху въ изученіи отечественнаго языка» (П. Лавровскій, Записка о второмъ изданіи первой части «Ист. грам.» Буслаева. Приложеніе къ VIII т. Уч. Зап. Ак. Н., Спб., 1865). Трудъ явился въ то время,— «когда ни у насъ ни у кого изъ западныхъ славянъ почти не было сдѣлано ничего по исторической грамматикѣ родного языка» (Срезневскій,— Сборникъ II отд. Ак. Наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. СIII). Авторъ являлся здѣсь почти безъ предшественниковъ (напечатанная въ 1858 г., книга была окончена авторомъ въ 1853 — 1856 гг.); богатство собраннаго впервые историческаго матеріала, и помимо теоретическихъ мнѣній самого изслѣдователя, почти вездѣ и всюду пролагало новые пути для новыхъ дальнѣйшихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Въ отношеніи собственно грамматическомъ, особенно много новаго давала вторая часть книги—синтаксисъ. «Опытъ» полагалъ здѣсь первыя прочныя основанія научному изученію. Книга Буслаева проливала здѣсь разомъ «столько свѣта, что ея появленіемъ дѣлался новый важный шагъ къ разработкѣ грамматики не только русской, но и вообще славянской». Правда, почти одновременно съ трудомъ Буслаева явились труды Ф. Миклошича (Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. I. Lautlehre. Wien, 1852; II. Formenlehre. W., 1856), М. Гатталы (Srovnàvaci mluvnice jazyka Ceského a Slovanského. v. Praže, 1857) и Дж. Даничича (Србска синтакса део први, у Београду, 1858); но въ отношеніи къ изученію синтаксиса починъ всецѣло принадлежалъ Буслаеву (V. Syntax Ф. Миклошича, какъ извѣстно, вышелъ лишь въ 1868—1874 гг.). «Историческія наблюденія Буслаева надъ строемъ связной рѣчи,—что составляетъ главную особенность его труда»—нельзя не считать «его неоспоримо-первичной заслугой», замѣчаетъ Срезневскій; въ этомъ отношеніи, трудъ Буслаева остается и досслѣ «главнымъ, если не единственнымъ руководителемъ» (Сборникъ II отд. Ак. Н., т. XVIII, Спб., 1878, стр. III). Серьезное дополненіе къ изслѣдованіямъ Буслаева въ сферѣ изученія старославянскаго и русскаго синтаксиса и до сихъ поръ сдѣлано лишь главн. образ. книгой Потебни: *Изъ записокъ по русской грамматикѣ* ч. I, Воронежъ, 1874; ч. II, Харьковъ, 1874; второе изд.—въ одномъ томѣ, (Харьковъ, 1889).

Нѣтъ нужды говорить о современномъ педагогическомъ значеніи капитальнаго труда Буслаева. Буслаевъ впервые высказалъ ту простую мысль, что—«отношеніе учащихся къ чужому и къ родному языку не одинаково»; въ первомъ случаѣ грамматика дѣйствительно должна научать ученика «правильно читать, писать и говорить»., во второмъ, ея задача—привести къ сознанію, уяснить учащемуся, съ колыбели практически знакомому съ языкомъ, то, что̀ дотолѣ употреблялось имъ безсознательно... Въ «Историч. грамматикѣ» Буслаева изученіе родного языка впервые получало смыслъ и значеніе. Здѣсь уже не было прежней системы голыхъ рубрикъ со множествомъ «правилъ» и «исключеній»; главное вниманіе сосредоточивалось на объясненіи историческаго развитія языка и на уясненіи законовъ его современнаго употребленія.—Въ предисловіи авторъ самъ такъ намѣчаетъ главныя отличительныя черты своего труда въ научномъ и педагогическомъ отношеніяхъ:

1. Разсматривая современный русскій книжный языкъ, какъ «результатъ историческаго движенія и взаимнаго вліянія русской рѣчи, разговорной, видоизмѣняемой по мѣстнымъ говорамъ, и языка церковно-славянскаго, положеннаго въ основу нашей грамотности», — «историческая грамматика» ведетъ изученіе этого языка въ непрерывной связи съ изученіемъ церковно-славянскаго. Такъ какъ наши предки учились грамотѣ по церковно-славянской азбукѣ и на чтеніи книгъ св. Писанія: то грамматика полагаетъ въ основу историческаго изслѣдованія книжной рѣчи языкъ церковно-славянскій. Эта древняя основа составляетъ необходимѣйшій предметъ учебника русской грамматики, въ трояко̀мъ отношеніи: во первыхъ, при объясненіи законовъ языка, даетъ наукѣ преимущества сравнительно-историческаго метода, въ сближеніи формъ русскаго языка съ формами одного изъ славянскихъ нарѣчій, ранѣе прочихъ усвоившаго себѣ письменность, и потому—сохранившаго въ бо̀льшей полнотѣ и чистотѣ, первоначальныя свойства славянскаго языка; во вторыхъ, служитъ источникомъ для объясненія многихъ, какъ этимологическихъ, такъ и синтаксическихъ формъ нашей книжной рѣчи, образовавшихся подъ вліяніемъ церковно-славянской письменности; и наконецъ, въ третьихъ, въ отношеніи педагогическомъ, скрѣпляетъ тѣснѣйшими узами живую связь нашей родной рѣчи съ языкомъ Церкви.

2. «Историческая грамматика» не ограничивается языкомъ русскимъ книжнымъ, потому что не можетъ объяснить всѣхъ грамматическихъ формъ его, не входя въ подробное разсужденіе о рѣчи разговорной. Ибо, подъ именемъ книжнаго языка, она разумѣетъ не только слогъ высокій (чѣмъ ограничивалась старинная практическая грамматика), но и рѣчь разговорную, въ сочиненіяхъ содержанія повѣствовательнаго, драматическаго и т. п. При томъ, она находитъ столь же правильный русскій языкъ въ сочиненіяхъ стихотворныхъ, какъ и въ прозаическихъ, полагая, что всякая такъ называемая піитическая вольность (если только она не безсмыслица) должна имѣть свое разумное основаніе въ законахъ языка. Грамматическія

особенности, замѣчаемыя въ сочиненіяхъ образцовыхъ писателей, она влагаетъ въ обширную раму, которая объемлетъ всю область языка русскаго, какъ разговорнаго, по мѣстнымъ его видоизмѣненіямъ, такъ и книжнаго, въ его историческомъ движеніи. Авторитету писателей и грядущимъ успѣхамъ языка полагаетъ она въ основу историческое преданіе, почерпая изъ него законное оправданіе первому и свѣжія силы послѣднимъ...

3. Всѣ свои выводы «историческая грамматика» основываетъ на авторитетѣ не только письменныхъ, но и устныхъ памятниковъ языка, подчиняя личное сужденіе грамматиста свидѣтельству фактовъ. Авторитета образцовъ она не ограничиваетъ двумя-тремя писателями (какъ это замѣчено въ грамматикѣ практической), а тщательно изучаетъ всѣхъ лучшихъ авторовъ, начиная отъ Ломоносова до Пушкина включительно, приводя изъ сочиненій ихъ примѣры, какъ для объясненія законовъ языка, такъ и въ образецъ практическому употребленію. Практическая грамматика проходила молчаніемъ нѣкоторыя формы языка въ писателяхъ образцовыхъ, отличающихся свѣжестію выраженія, заимствованною изъ живой, разговорной рѣчи; напр., въ стихотвореніяхъ Державина, въ комедіяхъ Фонвизина, въ сочиненіяхъ Крылова, Грибоѣдова, Пушкина. «Грамматика историческая» вмѣняетъ себѣ въ обязанность упоминать, въ своихъ параграфахъ, о всѣхъ такихъ формахъ, не съ тѣмъ, чтобы осуждать ихъ въ «неправильности» противъ языка, а съ тѣмъ, чтобы предъявить права устной рѣчи въ участіи, какое принимаетъ она въ образованіи языка книжнаго... Ограждая себя авторитетомъ образцовъ, «историческая грамматика» освобождаетъ учащагося отъ многихъ условно принятыхъ правилъ Готшедовской грамматики, объясняя фактами, что эти правила, будучи выдуманы грамматистами, теряютъ свою обязательную силу, противорѣча образцамъ...

4. «Историческая грамматика» вмѣняетъ себѣ въ обязанность положить въ основу изученія подробный этимологическій разборъ формъ языка, для того, чтобы изъ этого разбора извлечь грамматическіе законы, понятные и убѣдительные въ теоретическомъ отношеніи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣнительные къ практикѣ. Орѳографію основываетъ она на этимологіи, а въ синтаксисѣ стремится опредѣлить правильнѣйшее отношеніе отвлеченныхъ пріемовъ логики къ формамъ языка. Упростивъ, такимъ образомъ, методъ изученія, она имѣетъ въ виду замѣнить безотчетныя и потому невразумительныя правила Готшедовской грамматики общепонятнымъ объясненіемъ законовъ языка.

5. «Историческая грамматика» соединяетъ оба способа изученія языковъ, филологическій и лингвистическій. Вѣрнѣе старинной практической грамматики она слѣдуетъ способу филологическому, въ подробномъ и тщательномъ изученіи образцовыхъ писателей, не ограничивая произвольно числа ихъ. Съ другой стороны, основываясь на законахъ языка, открытыхъ сравнительно-историческою лингвистикою, она расширяетъ область филологической грамматики отчетливымъ изслѣдованіемъ формъ языка, на осно-

ваніи историческаго ихъ развитія» (*Опытъ истор. грамматики рус. языка*, ч. I, М., 1858, пред., стр. XIX—XXVII).—Съ «Опытомъ ист. грам.» тѣсно связана *Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ*, Буслаева, вышедшая въ Москвѣ, въ 1861 г.

Почти одновременно съ первыми филологическими трудами Буслаева, явились *Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка* Г. П. Павскаго (1787—1863) и *Объ элементахъ и формахъ русскаго языка* М. Н. Каткова (1818—1887).

«Филологическія наблюденія» Павскаго (три «разсужденія», Спб., 1841—1842; при второмъ изданіи—Спб., 1850—второе разсужденіе вышло въ двухъ выпускахъ) были замѣчательнымъ явленіемъ нашей тогдашней филологической науки. Не могли не обратить вниманія самая обширность содержанія и глубина изслѣдованія. Въ первомъ разсужденіи авторъ говоритъ о простыхъ и сложныхъ звукахъ русскаго языка и письменномъ ихъ изображеніи. Передъ нами—изслѣдованія о происхожденіи, славяно-русской азбуки, о числѣ, порядкѣ и именахъ буквъ (гл. 1—3), ихъ «грамматическомъ порядкѣ» и раздѣленіи на разряды (гл. 4); далѣе, соотвѣтственно намѣченнымъ «разрядамъ», излагается самая система сочетанія буквъ или построенія слоговъ (гл. 5—6); затѣмъ авторъ говоритъ о «самоуправствѣ выговора» (гл. 7), наконецъ, дѣлаетъ частныя замѣчанія о произношеніи отдѣльныхъ буквъ (гл. 8). Второе разсужденіе посвящено именамъ существительнымъ, ихъ окончаніямъ и производству. Разсужденіе состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1. Опредѣленіе имени существительнаго и раздѣленіе ихъ на первообразныя и производныя. Образованіе именъ первообразныхъ; 2. Производственныя буквы и слоги именъ членныхъ и безчленныхъ; 3. Значеніе согласныхъ производственныхъ буквъ губныхъ и нёбныхъ; 4. О производственныхъ буквахъ *д, т, ц, с* и *ж, ч, ш, щ*; 5. О производственныхъ буквахъ *м, н, р, л*; 6. Имена безчленныя; 7. О составныхъ и предложныхъ именахъ; 8. О склоненіи именъ и о падежныхъ окончаніяхъ, и 9. Образцы склоненій именъ съ различными уклоненіями отъ нихъ. Третье разсужденіе посвящено глаголу и содержитъ въ себѣ: 1. Общія свойства глагола, 2. О неопредѣленномъ наклоненіи, какъ основной формѣ глаголовъ, и о производствѣ его отъ чистаго корня; 3. Значеніе глаголовъ первообразныхъ и производныхъ; 4. Глаголы предложные и составленные съ мѣст. *ся*; 5. О причастіяхъ или глагольныхъ прилагательныхъ именахъ,—о несклоняемыхъ причастіяхъ или о глагольныхъ нарѣчіяхъ; 6. О полномъ глаголѣ, т. е. о глаголѣ, соединенномъ съ лицами и съ существительнымъ помогательнымъ глаголомъ, и 7. Полное спряженіе глаголовъ дѣйствительнаго и средняго залога.

Приводимъ нѣсколько извлеченій и отрывковъ, чтобы ближе познакомиться съ нѣкоторыми изъ ученыхъ мнѣній и взглядовъ изслѣдователя.

Говоря о славянорусской азбукѣ и буквахъ, Павскій послѣднія раздѣляетъ на пять разрядовъ. Первый разрядъ составляютъ «придыханія»

ъ и *ь*; второй—гласныя *а (я), о (е), ы (и); у (ю)*; третій—согласныя «чистыя»: губн. *б, п, в, ф, м,* нёбн. *г, к, х,* язычн. *д, т,* зубн. *з, ц, с*; согл. «придыхат. зубныя» (въ составъ ихъ вошло зубное «придыханіе» *с*) *ж, ч, ш, щ*; пятый разрядъ составляютъ «полусогласныя» буквы *м, н, р, л*. Ученіе о «придыханіяхъ» — существенный пунктъ фонетики Павскаго. Подъ словомъ «придыханіе» (aspiratio) изслѣдователь разумѣетъ не греческій spiritus asper и латинское *h*, какъ это принималось до него, а придаетъ этому слову другое, гораздо болѣе обширное, значеніе. По его мнѣнію, у каждаго органа устъ есть свое придыханіе. Изслѣдователь такъ излагаетъ этотъ основной взглядъ своей фонетики: «Звуки въ устахъ говорящаго человѣка всегда бываютъ сложными, потому что составлены изъ дыханія, выходящаго изъ груди и ударяющаго въ извѣстную часть устъ. Дыханіе съ бо́льшей или меньшей свободой проходящее черезъ уста, производитъ буквы *гласныя*, а отъ приравненія дыханія къ той или другой части устъ происходятъ другаго рода буквы, извѣстныя въ грамматикѣ подъ именемъ *согласныхъ* буквъ и *придыханій*. Соединеніе гласной буквы съ согласной или съ придыханіемъ называется слогомъ. Люди не иначе говорятъ, какъ слогами»... Слова «буква» и «звукъ» авторъ употребляетъ безразлично; буква—«одна изъ составныхъ частей звука, образующагося въ устахъ человѣка»... Гортанное придыханіе изображается буквою *ъ*, гортанно-нёбное—буквою *ь (й)*, губное—буквою *в*, зубное буквами *с, р*, язычное—буквою *л*, носовое—буквами *м, н*... Говоря о происхожденіи буквенныхъ начертаній, авторъ такъ объясняетъ происхожденіе «придыханій» *ъ* и *ь*: «Въ древнемъ греческомъ правописаніи твердыя гортанныя придыханія изображаемы были буквою Н, которая соотвѣтствовала еврейскому твердому гортанному придыханію *хетъ*, и послѣ получила звукъ гласной ε (ср. нашу *й*). Тогда вмѣсто Ὅμηρος, οἱ, ὥρα и пр. писали: Ηομηρος, Ηοι, Ηωρα. Этотъ образъ письма перешелъ и въ латинскій языкъ, и навсегда въ немъ остался. Слова Ηομηρος, Ηοι, Ηωρα у латинянъ пишутся Homerus, hi, hora. Въ послѣдующія времена, когда греческіе грамматики, замѣтивъ разность между придыханіями, вздумали отмѣчать и тонкое придыханіе, придыхат. букву Н они разсѣкли надвое Ⱶ и ⱶ. Первою половиною Ⱶ они стали изображать придыханіе густое, второю — ⱶ тонкое. Изъ сихъ то знаковъ придыханія и родились нынѣшнія значки ʽ и ʼ, надписываемые надъ греческими гласными буквами въ началѣ словъ, а надъ полугласною ῥ въ началѣ и въ срединѣ. Св. Кириллъ замѣтилъ, что и въ словенскомъ языкѣ есть тоже твердый и мягкій выговоръ гласныхъ и согласныхъ буквъ, зависящій отъ придыханій. Для изображенія придыханій онъ употребилъ ту же букву, которая употреблена была древними греками, и въ его время отчасти употребляема была римлянами и другими европейцами, принявшими латинск. алфавитъ. Она тогда писалась: Н, *h* и ђ, ђ,—подобно какъ и доселѣ пишется въ нѣмецкомъ языкѣ (𝔜, 𝔶). Чтобъ не умножать буквъ въ словенск. азбукѣ, онъ одну эту придыхательную букву счелъ достаточною для изображенія обоихъ придыханій, дебелаго и тонкаго. Только изображая дебелое приды-

ханіе, онъ далъ ей слѣдующій видъ: *ъ*, а изображая тонкое, писалъ такъ: *ь*, и назвалъ ихъ *еръ* и *ерь*...» И далѣе: «Придыханія находятся вообще во всѣхъ языкахъ. Особенно богаты придыханіями симическіе языки. Въ еврейскомъ четыре гортанныя буквы *алефъ*, *ге*, *хетъ* и *аинъ* изображаютъ четыре степени гортаннаго придыханія, начиная съ тончайшаго и кончая густѣйшимъ, которое похоже на полную согласную букву *г* или лат. *g*. Мѣсто придыханій занимаютъ тамъ буквы *вавъ* и *јодъ*, по выговору подобныя латинскимъ *w* и *j*. Въ славянск. языкахъ св. Кириллъ примѣтилъ и отмѣтилъ только два придыханія, дебелое (*ъ*) и тонкое (*ь*), изъ которыхъ первое замѣняется иногда буквою *в*, второе—буквою *j* или *й*. Отъ сихъ двухъ придыханій, неотступно сопровождающихъ всякую гласную букву, и сами наши гласныя раздѣлились на два класса: на гласныя *твердыя*, передъ которыми пишется или подразумѣвается *ъ*, и на гласныя *мягкія*, передъ которыми пишется или подразумѣвается *ь*, или служащая ему замѣной буква *j* (=лат. *j*). Для сокращенія письма, придыханія *ъ* при твердыхъ гласныхъ *а*, *о*, *у* мы не пишемъ. Всегда однакожъ подразумѣваемъ его, такъ что *а*, *о*, *у*, по выговору своему, то же, что *ъа*, *ъо*, *ъу*, или лат. *ha*, *ho*, *hu*, греч. ἁ, ὁ, οὑ. Одна только гласная *і*, по своей природѣ близкая къ мягкимъ, и на письмѣ допускаетъ къ себѣ твердое придыханіе *ъ*, когда требуется означить ея твердый выговоръ. Отъ сего произошла буква *ы*, помѣщенная въ числѣ буквъ азбучныхъ. Рѣшившись признавать гласныя буквы твердыми безъ всякой отмѣтки, изобрѣтатель азбуки счелъ за необходимость отмѣтить по крайней мѣрѣ мягкій ихъ выговоръ. Это онъ могъ бы сдѣлать при помощи *ь*-ря; однакожъ въ замѣну *ь*-ря употребилъ *і*, вѣроятно, по примѣру латинскихъ миссіонеровъ, которые мягкій выговоръ словенскихъ гласныхъ означали буквою *і*. Они писали: iако, iaz, и онъ: ꙗко, ꙗзъ. Такимъ образомъ, отъ соединенія мягкаго придыханія *і* (=*ь*) съ гласными *а*, *е*, *о* произошли старинныя мягкія гласныя буквы ꙗ, ѥ, *ю*, изъ которыхъ въ нынѣшней азбукѣ уцѣлѣли только двѣ: *я* (=ꙗ) и *ю*. Въ сихъ трехъ гласныхъ буквахъ стоящее впереди мягкое придыханіе *і* почти не слышно. Съ твердыми гласными оно слилось въ одинъ звукъ, передѣлавъ ихъ только на мягкія. Но, по присоединеніи мягкаго придыханія *ь* къ буквѣ *е*, въ нѣкоторыхъ словенскихъ нарѣчіяхъ оно иногда и не сливается съ нею въ одинъ звукъ, а слышимо отдѣльно. Слова: *вѣра*, *мѣра*, *лѣто* произносятся какъ бы *вьера*, *мьера*, *льето*. Этотъ неслитный выговоръ буквы *е* у изобрѣтателя азбуки отмѣченъ знакомъ *ѣ*, въ которомъ придыхательная буква *ь* сверху перепоясана гласною *е*. Хотя нашъ русскій языкъ букву *ѣ* въ выговорѣ не отличаетъ отъ *е*, однакожъ она перешла и въ нашу азбуку, и стоитъ подлѣ тонкихъ придыхательныхъ буквъ, а по значенію своему въ грамматикѣ занимаетъ средину между твердыми и мягкими гласными...» Термины «придыханіе», «придыхательныя гласныя»—вводились Павскимъ впервые въ нашу грамматику, и въ дальнѣйшихъ нашихъ грамматическихъ изученіяхъ имѣли не маловажную судьбу; по замѣчанію акад. Грота, Павскій—«сбилъ съ толку почти всѣхъ писавшихъ послѣ него о русскихъ звукахъ и буквахъ»

(*Фил. Разыск.*, II, стр. 77; ср. стр. 78—79)... Въ VII гл. авторъ такъ разсуждаетъ о «самоуправствѣ выговора». По мнѣнію изслѣдователя, произношеніе, живой выговоръ народа долженъ бы непремѣнно подчиняться правописанію,— грамматика въ полномъ смыслѣ должна учить «правильно говорить и писать»... «Въ человѣческомъ словѣ — замѣчаетъ авторъ — два властителя: смыслъ и выговоръ. Смыслъ требуетъ, чтобъ каждая значительная буква оставалась на своемъ мѣстѣ. Иначе съ потерею ея потеряется значеніе слова. По этому требованію смысла глазъ вездѣ хочетъ находить значительныя буквы въ надлежащемъ ихъ мѣстѣ и видѣ. Но выговоръ, другой властитель слова, во многихъ случаяхъ не терпитъ сближенія буквъ, требуемыхъ смысломъ. Съ выговоромъ соглашается и ухо. Для примиренія смысла съ выговоромъ и глаза съ ухомъ мы употребляемъ обыкновенно разныя средства—вносимъ въ слоги гласныя буквы, по отношенію къ смыслу ничего не значащія, но способствующія къ облегченію выговора; также выпускаемъ буквы, перестанавливаемъ ихъ и пр. Впрочемъ, продолжаетъ авторъ, «смыслъ, какъ ни снисходителенъ къ требованіямъ выговора и уха, не можетъ слишкомъ далеко простирать свое снисхожденіе». Охотно допустивъ нѣкоторые способы, нужные «для благоустройства слоговъ» (см. гл. VI-ю), «онъ наконецъ останавливается, и далѣе не позволяетъ превращать буквы»... Выговоръ также не уступаетъ своему противнику: «Выговоръ, встрѣтивъ сильную препону со стороны смысла и правописанія, идетъ однакожъ своею дорогою, и поставилъ себѣ за правило: произносить буквы по своему, какъ бы онѣ ни были написаны. Это правило, принятое выговоромъ, вопреки правописанію, я называю (говоритъ авторъ) самоуправствомъ его. Самоуправство выговора, продолжаетъ изслѣдователь, у насъ до того простирается, что онъ основалъ себѣ особенную, довольно обширную, область и составилъ себѣ постоянные законы, и даже во многихъ случаяхъ увлекъ за собою правописаніе, подчинившееся его законамъ безъ умысла и безъ яснаго сознанія пишущихъ»...—Не лишены интереса нѣкоторые взгляды изслѣдователя на произношеніе тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ «буквъ». Приводимъ его разсужденіе о произношеніи *е*: «Выговоръ буквы *е* весьма разнообразенъ, между прочимъ отъ того, что она заступила мѣсто двухъ старинныхъ: є и ѥ. Во-первыхъ, она произносится твердо (=*ъе*), во-вторыхъ, мягко (=стар. ѥ), въ третьихъ, какъ *ĵо*, въ четвертыхъ, какъ *о*». Указавши извѣстные случаи, когда *е*=є и ѥ, авторъ такъ говоритъ о томъ случаѣ, когда е=*ĵо* (случаѣ, который довольно трудно подводится подъ общій законъ и въ настоящее время): «Мягкая гласная *е* выговоромъ измѣняется въ *ĵо*, когда на ней стоитъ удареніе. Но къ этому еще требуются условія: 1) чтобъ слѣдующій за нею слогъ имѣлъ твердую гласную, и чтобъ между нею и слѣдующимъ твердымъ слогомъ не было ь-ря (*й*); 2) если она находится въ послѣднемъ слогѣ, то требуется, чтобъ она въ словѣ стояла послѣднею. Когда же она, имѣя удареніе, стоитъ въ односложномъ словѣ или въ послѣднемъ слогѣ слова, но не послѣднею буквою, тогда 3) колеблется, т. е. иногда остается *е*, иногда выговоромъ превращается

въ *jô*. Здѣсь опять надобно смотрѣть, чтобъ между послѣдними буквами за нею стоящими, не было ъ-ря (*й*). Передъ ъ-ремъ она не колеблясь остается *е*. Вотъ примѣры на всѣ три случая:

1) ѐлка=jôлка,
тѐмный=тjôмный,
заѐмный=заjôмный и т. д.

2) всѐ=всjô
ружьѐ=ружьjô
бѣльѐ=бѣльjô и т. д.

3) а, лѐвъ, б, велъ=вjôлъ
брѐдъ, кленъ=клjôнъ
бѐзъ, ленъ=лjôнъ
чудѐсъ, пріемъ=прijôмъ и т. д. Впрочемъ, изслѣдователь указываетъ и на отступленія отъ этихъ законовъ; отступленія онъ объясняетъ такъ: «Превращеніе гласн. *е* въ *jô* и *ô* свойственно только общенародному русскому языку, а церковно-словенскій языкъ, наппаче старинный, не смѣшанный съ общежительнымъ, не зналъ такого превращенія. И потому не удивительно, что нынѣшній нашъ языкъ, недавно вышедшій изъ-подъ надзора церковнаго, не успѣлъ еще дать полную силу своимъ правиламъ и ввести единообразіе касательно выговора *е* за *jô* и *о*»...—Отмѣтимъ также замѣчанія автора о буквахъ *и* и *ѣ*. Говоря о буквѣ *и*, Павскій указываетъ переходъ въ выговорѣ этого звука въ *ы*—послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, также при сліяніи съ *ъ* (въ прдл.); что касается до *о* и *е*, въ которые повидимому иногда (послѣ *г*, *к*, *х*) переходитъ *и*,—то между этими звуками и *и* родства собственно нѣтъ: ихъ соотвѣтствіе (*ый*, *ій* прилагательныхъ славянскихъ=*ой*, *ей* русскихъ) объясняется просто „упрямствомъ правописателей, которые, увидѣвъ въ церковныхъ книгахъ окончаніе прилагательныхъ именъ *ый*, *ій*, пишутъ и нынѣ *ый*, *ій*, хотя русскій языкъ издавна требуетъ здѣсь окончанія *ой*«. По той же причинѣ *и* иногда=*е*; продолжаемъ писать: *синій*, *рыжій*, а говоримъ: *синей*, *рыжей*» и пр. Что касается до буквы *ѣ*, то по произношенію она теперь ничѣмъ не отличается отъ *е* (=ѥ), почему, иногда и переходитъ, наравнѣ съ *е*,—въ *jô*, хотя это и замѣчается пока еще въ немногихъ словахъ (*звѣзды*, *гнѣзды*, *сѣдла*, *разцвѣлъ*, *пріобрѣлъ*=*звjôзды*, *гнjôзды*, *сjôдла*, *разцвjôлъ*, *пріобрjôлъ*).—Не лишены интереса также замѣчанія автора «о передѣлкѣ словъ, переходящихъ къ намъ изъ чужихъ языковъ,» въ послѣдней главѣ перваго «разсужденія». Въ массѣ иностранныхъ словъ, перешедшихъ въ русскій языкъ, замѣчаетъ авторъ, нельзя не видѣть постепенности, съ какой они подчиняются вліянію господствующаго языка,—такой же постепенности, «какая бываетъ при переходѣ иноземцевъ въ Русское царство»... Одни изъ словъ сохраняютъ еще свою самостоятельность, рѣшительно не подчиняясь требованіямъ русскаго языка; другія начинаютъ сдаваться; иныя же подчинились уже вполнѣ. Вообще же русскій языкъ, не смотря на сильный приливъ въ него иностранныхъ словъ, — самъ потерпѣлъ въ своей самобытности весьма немного: иностранныя слова онъ

по большей части передѣлалъ по требованію своихъ собственныхъ законовъ, собственнаго произношенія. Даже имена священныхъ лицъ и предметовъ, принесенныя къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, не избѣгли общей участи: въ общежитіи они вполнѣ подчинились требованіямъ русскаго выговора. Теперь, перенимая иностранныя слова «не только ухомъ, но и глазомъ» на письмѣ, мы снисходительнѣе къ нимъ, и иногда выговариваемъ такіе слоги, которые совершенно несвойственны русскому языку; но вообще же и теперь рѣдко отступаемъ отъ своихъ законовъ».—Въ началѣ второго разсужденія авторъ такъ излагаетъ свой взглядъ на возникновеніе въ первобытномъ человѣческомъ языкѣ частей рѣчи: «Въ человѣкѣ свободно мыслящая сила не вдругъ обнаруживается. Сперва весь онъ состоитъ подъ вліяніемъ природы и управляется слѣпою чувственностью. Оттого и первыя слова въ языкѣ человѣческомъ выражаютъ по инстинкту невольные порывы чувствъ радости, печали, удивленія, страха и пр. Этотъ первоначальный языкъ состоитъ изъ о т р ы в и с т ы х ъ з в у к о в ъ: *ахъ*, *охъ*, *ой*, *ба* и т. п. Къ первоначальному языку принадлежатъ также и тѣ звуки, которыми младенецъ, начинающій говорить, поддѣлывается подъ голосъ одушевленной и неодушевленной природы, слышимый напр. въ блеяніи овецъ, мычаніи коровъ, въ шумѣ воды, трескѣ грома, въ свистѣ вѣтра и пр. И сіи п о д р а ж а т е л ь н ы е з в у к и бываютъ всегда односложны: *бе*, *му*, *шу*, *зи*, *тру*, *сви*. Къ первоначальному языку наконецъ принадлежатъ и тѣ звуки, которые невольно вылетаютъ изъ устъ младенца, начинающаго дѣйствовать органами слова. Здѣсь прежде всего слышны гласныя съ прибавленіемъ согласныхъ буквъ губныхъ и язычныхъ. *Ба*, *ба*, *ва*, *ва*, *па*, *па*, *ма*, *ма*, *дя*, *дя*, *тя*, *тя*, и т. д. Всѣ три рода указанныхъ нами первоначальныхъ звуковъ, по требованію природы, невольно вырываются изъ устъ начинающаго говорить. И какъ природа вездѣ дѣйствуетъ одинаково, то и первоначальные звуки человѣческихъ устъ во всѣхъ языкахъ одни и тѣ же, или по крайней мѣрѣ сходны между собой. Когда человѣкъ (продолжаетъ авторъ) почувствуетъ себя существомъ отдѣльнымъ отъ природы, и осмѣлится противопоставить себя ей, назвавъ себя *я*, а ее *не я*, тогда начнется въ немъ новая жизнь, состоящая подъ вліяніемъ свободно размышляющаго разума. Въ сей періодъ свободнаго размышленія съ невольными звуками устъ своихъ человѣкъ произвольно соединяетъ извѣстное понятіе и прилагаетъ ихъ къ лицамъ и вещамъ, чтобъ они служили постоянными именами ихъ или ихъ качествъ. На основаніи звуковъ, доставленныхъ ему природою, потомъ онъ далѣе и далѣе расширяетъ область именъ, потому что имѣетъ въ себѣ силу соединять понятія, раздѣлять, отвлекать, подводить ихъ подъ разряды и всѣмъ симъ разрядамъ, составленнымъ въ умѣ и воображеніи, давать особенныя и м е н а»... При дальнѣйшемъ развитіи языка, эта масса именъ выдѣляетъ изъ себя прежде всего такъ наз. м ѣ с т о и м е н і я,—названія дѣйствующихъ, разговаривающихъ лицъ, затѣмъ—и м е н а с у щ е с т в и т е л ь н ы я, примыкающія собственно къ 3-му лицу мѣстоименія личнаго; далѣе—п р и л а г а т е л ь н ы я и ч и с л и т е л ь н ы я, являющіяся опредѣленіями къ

существительнымъ. «Послѣ того какъ мыслящій разумъ съ первоначальными невольными звуками природы произвольно соединилъ извѣстныя понятія и перевелъ ихъ въ имена, все еще осталось въ языкѣ нѣсколько природныхъ звуковъ, выражающихъ голосъ одушевленной и неодушевленной природы и пріятныя или непріятныя ея впечатлѣнія на человѣческія чувства. Впрочемъ, сіи остатки чувственнаго природнаго языка въ рѣчи мыслящаго человѣка появляются рѣдко и какъ бы урывками; и потому они получили названіе междометій, т. е. вставокъ... Въ числѣ словъ человѣческаго языка (продолжаетъ изслѣдователь) главное мѣсто занимаетъ то слово, которымъ выражается приговоръ ума, принадлежитъ или не принадлежитъ такое-то качество извѣстному лицу или вещи. Это слово названо въ грамматикѣ глаголомъ, т. е. словомъ по преимуществу... Кромѣ междометій, именъ и глаголовъ есть въ языкѣ слова, служащія сокращеніемъ рѣчи. Слова сіи произошли отъ тѣхъ же именъ и глаголовъ, но, бывъ отнесены къ одному какому либо обстоятельству или бывъ приписаны къ извѣстному имени, сдѣлались неподвижными, или, по выраженію грамматиковъ, несклоняемыми и неспрягаемыми. Ихъ можно назвать не частьми рѣчи, а частицами«... Къ частицамъ принадлежатъ: 1) нарѣчія, 2) предлоги, 3) союзы. Все это представляется авторомъ въ такой таблицѣ:

I. Названія чувственныхъ впечатлѣній и ощущеній—междометія.

II. Изображеніе понятій: а) мѣстоименіе или заглавное имя;
б) имя существительное;
в) имя прилагательное;
г) имя числительное;

III. Изображеніе мыслей—глаголъ.

IV. Частицы происшедшія отъ именъ и глаголовъ и служащія сокращеніемъ рѣчи: а) нарѣчіе,
б) предлогъ,
в) союзъ.

—Главнѣйшими суффиксами именъ существительныхъ авторъ считаетъ окончанія: *ъ, а, о (ъ—й, я, е)*, которые, по его мнѣнію, ни что иное, какъ мѣстоименіе 3-го л. или указат. членъ, и соотвѣтствуютъ поэтому греч. члену: *ὁ, ἡ, τὸ*, лат. окончаніямъ: *us, a, um*, санскр. *as, a, an*. Присоединяясь къ глагольному корню, эти суффиксы (*ъ, а, о*) и образуютъ имена сущ-ныя, напр., *иск—иск-ъ, сад—сад-ъ* и т. д. Не всегда, впрочемъ, для образованія имени существительнаго достаточно только прибавить къ глагольному корню членное окончаніе· иногда приходится въ глагольный корень вставлять какой-нибудь бѣглый звукъ, или находящійся въ глагольномъ корнѣ бѣглый звукъ перемѣнять на другой; напр. кор. *зв—звать—зов-ъ, вез—везти—воз-ъ, бр—брать—бор-ъ, мр—мереть—мор-ъ* и т. д. Эти существительныя—членныя; другой разрядъ составляютъ существительныя безчленныя, состоящія изъ именъ, оканчивающихся въ муж. р. на *а, я*, въ женскомъ на *ь*, въ среднемъ на *мя, тя*, и пр.—Говоря о падежныхъ формахъ русскаго языка, Павскій раз-

сматриваетъ ихъ въ связи съ формами санскритскими и другихъ родственныхъ языковъ. О дательномъ напр. п. ед. ч. Павскій дѣлаетъ такія соображенія: Знакомъ этого падежа во всѣхъ индо-европ. языкахъ служитъ буква *и*. Окончаніе это, впрочемъ, сохранилось только у тѣхъ именъ, которыя передъ нимъ не приняли никакой вставной гласной; у насъ напр.— у именъ женск. рода, кончащихся на *ь* (=*і*). Въ членныхъ же именахъ, которыя передъ падежными окончаніями допускаютъ вставочныя буквы *а* и *о*), буква *и* потерпѣла много перемѣнъ,—подъ конецъ перейдя въ *у*; послѣднее окончаніе образовалось так. образомъ: Въ древнемъ языкѣ нашемъ для сохраненія буквы *и*, между ею и буквами *о* и *е*, вставлялось придыханіе *в* (*сыно-в-и*, *царе-в-и*); потомъ мало по малу буква *и* стала сокращаться въ *й* и *ъ*,—стали говорить *домовъ* или *домой* вм. *домови*. «Послѣднее или нынѣшнее окончаніе *у* дательн. пад. получилъ тогда, когда буква *ъ*, происшедшая изъ *и*, стала произноситься твердо, и исчезла. Тогда придыханіе *в*, принятое для облегченія выговора, слившись съ *о*, произвело слогъ *ов*, который по извѣстнымъ законамъ обратился въ *у*. Вмѣсто *сынов*, *домов*, *царев* мы нынѣ говоримъ *сыну*, *дому*, *царю*, подобно тому какъ вм. *совнуть* говоримъ *сунуть*, вм. *клевнуть*—*клюнуть* и т. п.—О предложн. пад. ед. ч.: Признакомъ этого падежа въ русскомъ языкѣ, какъ и въ родственныхъ, является буква *и*; но у насъ она не вездѣ сохранилась: иногда она измѣняется въ *ѣ*,—что происходитъ «отъ слиянія *и* съ предшествующими гласными *о* и *а*, которыя находятся или предполагаются при всѣхъ членныхъ именахъ»; иногда же переходитъ въ *у*, которое здѣсь объясняется точно такъ же, какъ и въ дательномъ (*о-и*=*о-в-и*, *о-в-ъ*=*ов*=*у*).—По поводу окончанія *ья* въ именит. пад. множ. ч. у нѣкоторыхъ именъ: Это окончаніе есть не что иное, какъ множ. число отъ окончанія *іе*, которымъ означалась въ древности отвлеченная совокупность предметовъ, напр.: *братіе*, *каменіе*, *терніе*; когда такія имена стали употребляться во множ. числѣ,—*іе* измѣнилось на *ія* (*ья*): *братья*, *каменія* и пр.—Приведемъ еще взглядъ автора на окончанія родительн. пад. мн. ч. По мнѣнію автора, любовь нашего языка къ сокращенію особенно выразилась между прочимъ въ окончаніи родит. пад. мн. ч.=*ъ*, которое у насъ въ этомъ случаѣ отвѣчаетъ литовскому *ŭ*, готск. *ô*, *ê*, лат. *orum*, *um*, греч. *αων*, *ων*, зендск. *ананм*, *анм*, санскр. *анам*, *нам*, *шам*, *ам*: «Причиной сего сокращеннаго окончанія, замѣчаетъ авторъ, я ставлю то, что нашъ языкъ не любитъ на концѣ буквы *н*. По отнятіи *н*, вм. греч. *ων* и лат. *um* у насъ должно бы остаться окончаніе *о* или *ы*, *у*, подобно какъ въ готскомъ и литовскомъ. Поелику же сіи буквы имѣютъ другое значеніе въ нашихъ падежныхъ окончаніяхъ, то не оставалось иныхъ средствъ, какъ или вовсе откинуть буквы *о*, *у*, оставивъ одного ихъ намѣстника *ъ*, или отказаться отъ родит. падежа, и вмѣсто него употреблять другой съ нимъ сходный... Первое изъ сихъ средствъ употреблено въ именахъ существительныхъ, второе—въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, т. е. въ существительныхъ род. пад. мн. ч. остался безъ отличительной буквы съ однимъ только *ъ*-ромъ, намѣстникомъ опущенной гласной, а въ прил-хъ вмѣсто род.

пад. мн. ч. мы употребляемъ такъ наз. предложный, кончащійся на *хъ»*... Но какъ объяснить другія окончанія родительнаго множ.: *ъ, овъ, евъ, й, ей?* «О буквахъ *й* и *ъ*—отвѣчаетъ на это изслѣдователь—не разъ было говорено, что онѣ—тотъ же самый *ъ*, являющійся въ особенномъ видѣ по требованію выговора и правописанія послѣ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ. Въ окончаніяхъ *овъ, евъ, ей,* также не слѣдуетъ искать иного отличительнаго знака родительнаго падежа, кромѣ ъ-а. Здѣсь вставлена передъ ъ-мъ придыхат. буква *в* не для того, чтобъ она служила признакомъ род. падежа множ. числа, а для того, чтобъ избѣжать сходства род. п. множ. ч. съ именит. падежемъ единственнаго. Наши праотцы не обинуясь употребляли род. пад. съ окончаніемъ *ъ, ь*, не смотря на то, что онъ сходенъ былъ съ именительнымъ. *Отецъ, родитель, старецъ, отрокъ* и пр. у нихъ одинаково оканчивались въ имен. падежѣ ед. числа и въ родительномъ множ. Сочинители грамматикъ и писцы въ послѣдствіи стали различать родит. падежъ отъ именительнаго разнымъ почеркомъ буквъ. Им. ед. *отецъ, отрокъ,* а род. множ. *отєцъ, отрѡкъ.* Но какъ въ произношеніи различаемыхъ ими словъ не слышно было никакой разности, то п р и д у м а н о наконецъ такое средство, по которому бы родит. пад. отличался отъ именительнаго и на письмѣ и въ произношеніи. Если имя въ именит. падежѣ оканчивалось на *ъ*, то въ родительномъ п. прикладывали къ нему другой *ъ*, знакъ родительнаго п., и выходило ихъ два. Но извѣстно, что стеченія двухъ ъ-ей мы избѣгаемъ посредствомъ вставки бѣглой гласной *е*. И так. образ. отъ имен. падежей *царь, родитель, день, вещь* произошли родительные мн—го: *царей, родителей, дней, вещей* (вм. *царъъ, родитель, днъъ, вещъъ*). Такимъ же образ. построенъ родительный пад. именъ, кончащихся на *жъ, чъ, шъ, щъ*. Это отъ того, что, хотя при буквахъ *ж, ч, ш, щ* нынѣ мы пишемъ *ъ*, но всегда подразумѣваемъ *ъ*. Отъ *мужъ, ножъ,* родительный множ. *мужей, ножей.* Въ именахъ, кончащихся на *ъ*, вмѣсто мягкой гласной *е* должно было принять передъ ъ-ромъ твердую *о*, и вышло бы окончаніе родит. падежа *оъ*, или, по силѣ нашего правописанія, *ой*. Допустить окончаніе *оъ*, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало мягкому окончанію *ей* (—*еь*), не возможно по законамъ нашего правописанія, а окончаніе *ой* допустить не удобно, потому что въ имена, кончащіяся на твердое придыханіе, вошло бы так. образ. мягкое окончаніе *й* противъ главнаго правила склоненій. Поэтому принята въ помощь придыхат. буква *в*, имѣющая силу поддержать *ъ*, знакъ родит. падежа. Такъ отъ именит. падежа *духъ, столъ, домъ* получаемъ родительный множ. *духовъ, столовъ, домовъ* вм. *духъъ*, или *духоъ* и пр. Именамъ, кончащимся на *ъ*, подражаютъ имена, кончащіяся на *й*. И они для поддержанія ъ-а принимаютъ въ помощь *в*. Безъ этой вставки у нихъ вышло бы окончаніе сходное съ другими падежами. *Случай, ручей* и т. п. безъ *в* дали бы род. п. *случаей, ручьей*, сходный съ творит. падежемъ женскихъ именъ, каковы напр., *стаей, статьей»* (II, 113—115).—Въ ученіи о глаголахъ, авторъ принимаетъ д в а с п р я ж е н і я, по окончаніямъ 2-го лица на *ешь* и *ишь*, согласно съ Ломоносовымъ, и вводитъ раздѣленіе глаголовъ—А) въ отношеніи къ в р е м е н и дѣйствія

и явленія на: а) мгновенные (*мелькнуть*); б) продолжительные неопредѣленные (*мелькать*); в) продолжительные дальніе (*читывать, видывать*); г) продолжительные прерывистые (*почитывать, поглядывать*); д) начинательные (*сохнуть, мокнуть*); е) окончательные или рѣшительные (*кончить, уйти, прочитать*), и Б) въ отношеніи къ пространству на: а) однообразные, когда дѣйствіе происходитъ по одному направленію или совершается въ одинъ пріемъ (*летѣть, скочить*); б) разнообразные неопредѣленные, когда дѣйствіе принимаетъ разныя направленія и совершается въ разные пріемы (*летать, скакать*); в) разнообразные дальніе, когда разнообразное дѣйствіе происходитъ вдали (гдѣ-то), на неопредѣленномъ пространствѣ (*хаживать, скакивать*)».

«Филологическія наблюденія» Павскаго, при своемъ появленіи, произвели сильное впечатлѣніе. Всѣхъ поражала широкая эрудиція автора, его глубокія знанія языковъ классическихъ и еврейскаго; нельзя было не видѣть также серьезнаго, внимательнаго изученія русскаго языка книжнаго, литературнаго. Востоковъ находилъ выводы изслѣдователя «вообще вѣрными и удовлетворительными»; по его отзыву, трудъ Павскаго представлялъ «полнѣйшій и ученѣйшій грамматическій обзоръ нашего языка, какой мы доселѣ (1844 г.) имѣемъ, и богатую сокровищницу разнообразныхъ свѣдѣній для всѣхъ занимающихся симъ языкомъ» (Отч. о XIII прис. Демид. наградъ. Спб., 1844, стр. 41—50). Многимъ казалось даже, что этимъ трудомъ «начиналось новое направленіе въ изученіи отечественнаго языка», что это изслѣдованіе «составило въ исторіи грамматики нашей эпоху»... (Учен. Зап. II отд. Ак. Н., III, стр. XLIII—XLIV). Къ высокому уваженію присоединялось иногда какое-то благоговѣніе; Бодянскій напр. и въ 1855 г. заявлялъ, что «не много до сихъ поръ (1855) принесли намъ пользы всѣ оспариванія положеній, выведенныхъ Павскимъ...; ни одинъ изъ препиравшихся съ нимъ не выросъ, говоря словами поговорки, ни на волосъ выше оспариваемаго ни въ чемъ»... (О времени происх. слав. письменъ, М., 1855, стр. 303). Лучшую оцѣнку, для своего времени, труда Павскаго сдѣлалъ Надеждинъ,—но о немъ мы будемъ говорить ниже. Дѣйствительное научное значеніе «Наблюденій» и ихъ настоящее мѣсто въ исторіи нашего языкознанія указалъ Буслаевъ въ рецензіи, написанной по поводу второго изданія «Фил. наблюденій» (*Отеч. Зап.*, 1852, апр.—май). По взгляду Буслаева, трудъ Павскаго являлся выраженіемъ переходной эпохи нашей тогдашней науки; достоинства и недостатки «Наблюденій», непослѣдовательность и частыя противорѣчія съ самимъ собой ихъ автора—были результатомъ общаго переходнаго состоянія тогдашняго русскаго языкознанія отъ старыхъ взглядовъ къ новымъ, отъ теорій Шишкова и др. къ взглядамъ В. Гумбольдта, Боппа, Я. Гримма. Павскій знакомъ съ этими новыми взглядами; но онъ воспитался еще въ сферѣ старой филологіи, и симпатіи его невольно влекутся въ ту сторону. Онъ хочетъ примирить старое съ новымъ; но послѣднее понимается имъ чисто внѣшнимъ образомъ. Сравнительно-историческій методъ языкознанія, которому, повидимому, слѣдуетъ

авторъ—имъ совершенно не выдерживается. Фонетика Павскаго построена на совершенно особыхъ началахъ: вся она коренится на своеобразной теоріи ъ и ь, — лишенной всякихъ историческихъ основаній. Чтобы доказать придыхательное значеніе ъ и ь, изслѣдователь допускаетъ формы: *дуъ, слуъ, сьъ, смѣъ, знаъ*; для того, чтобы произвести слова: *духъ, слухъ, сьвъ, смѣхъ, знакъ*,—допускаетъ формы: *корабьъ, журавьъ*, для объясненія словъ: *корабль, журавль*,—допускаетъ формы: *тростьъ, коньъ, синьъ*, для объясненія словъ *тростей, коней, синій* и т. д. Но всѣ эти *дуъ, слуъ, корабьъ, синьъ* и пр.—лишь собственныя измышленія изслѣдователя! Въ древнихъ памятникахъ нѣтъ ничего подобнаго. Повидимому, нѣкоторую услугу могутъ оказать автору «Наблюденій» сербскія формы родительнаго множ. на *ъь*: *врѣменъь, апостолъь, родителъь* и т. п., встрѣчающіяся въ рукописяхъ XIV—XV вв.; но здѣсь удвоеніе буквы означаетъ совсѣмъ не тѣ явленія, которыя объясняетъ такимъ удвоеніемъ авторъ «Наблюденій»... Насколько вообще слаба фонетическая сторона въ трудѣ Павскаго, можно судить уже изъ того, что изслѣдователь совершенно игнорируетъ основной фонетическій законъ современной сравнительно-исторической лингвистики о подъемѣ гласныхъ... Авторъ «Наблюденій» очень часто сближаетъ слова русскія съ словами другихъ индо-европейскихъ языковъ; но сближенія эти чаще всего основываются на случайныхъ созвучіяхъ, лишены строгихъ, научныхъ основаній, и совершенно чужды всякимъ законамъ соотвѣтствія звуковъ одного языка звукамъ другого. Въ этомъ отношеніи изслѣдователь вполнѣ стоитъ еще на почвѣ прежнихъ, чисто внѣшнихъ, сближеній временъ Сумарокова, Шишкова... Историческій элементъ въ трудѣ Павскаго такъ же слабъ, какъ и сравнительный. По замѣчанію Буслаева, въ «Филол. наблюденіяхъ» нельзя найти «ни одного твердаго историческаго положенія, на сравненіи древнихъ формъ съ новѣйшими основаннаго и систематически проведеннаго по всѣмъ явленіямъ языка русскаго». Въ авторѣ «Наблюденій» часто замѣчается прямое отсутствіе основательнаго знакомства съ древними памятниками русскаго языка, а равно и съ живыми областными его нарѣчіями. Онъ «весьма часто отказываетъ въ существованіи такимъ формамъ русскаго языка, которыя не только записаны въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, но и теперь существуютъ въ областныхъ нарѣчіяхъ, гдѣ старина долѣе сберегается»... Это особенно сказывается въ ученіи автора о глаголѣ; изслѣдователь почти исключительно основывается на языкѣ книжномъ... Разсматривая русскій языкъ въ отношеніи къ другимъ языкамъ индо-европейскимъ, авторъ даетъ слишкомъ большую роль внѣшнему вліянію одного языка на другой; въ своихъ объясненіяхъ изслѣдователь слишкомъ часто прибѣгаетъ, безъ всякой нужды, къ столь легкой теоріи механическихъ заимствованій, и вообще слишкомъ много мѣста отводитъ въ жизни языка внѣшнему, искусственному; отсюда—многія, болѣе чѣмъ странныя, его объясненія различныхъ формъ языка русскаго. Такъ, по мнѣнію Павскаго «одинаковое окончаніе *оста* въ имени *ста роста* безъ сомнѣнія произошло отъ греч. и нѣм. окончаній *ист, ост*,—знака превосходной степени»..; «окончаніе *оша*

въ именахъ *юноша, святоша* произошло, кажется, отъ окончанія литовской превосходн. степени *ausas*»; «въ имени *топоръ* буква *р*, если и производственная, то чужая»..; «подражая латинамъ, которые родительному пад. даютъ *is* (*nominis, semin-is*), и мы стали говорить: *имени, сѣмени*, вм. старин. *имене, сѣмене*»..; «совѣстно показалось намъ (замѣчаетъ авторъ) винительный п. муж. именъ равнять всегда съ именательнымъ, и тѣмъ ставить муж. имена, наипаче имена одушевленныхъ существъ, наряду съ средними. Чтобы отличить имена одушевленныхъ существъ отъ прочихъ именъ, и особенно отъ именъ средняго рода, мы нынѣ согласились вмѣсто винительнаго п. употреблять родительный, когда говорится о существахъ одушевленныхъ».. Родит. пад. множ. числа былъ сходенъ съ именительнымъ ед.; такъ какъ при произношеніи между этими падежами неслышно было никакой разности,—«то придумано наконецъ такое средство, по которому бы родительный отличался отъ именит. и на письмѣ и въ произношеніи»... «Русскіе старались избавиться отъ придуманнаго и принятаго болгарами двоечленія» и т. д. и т. д. (Буслаевъ,—*Отеч. Зап.*, 1852, апр., стр. 50—76; май, стр. 21—48). Таковы были общіе, основные недостатки изслѣдованія; они не исключали многихъ частныхъ, весьма вѣрныхъ и цѣнныхъ, замѣчаній и наблюденій автора. Трудъ Павскаго вообще былъ необычайнымъ явленіемъ въ русской тогдашней наукѣ; съ его мнѣніями приходилось бороться такимъ лингвистамъ, какъ Бетлингъ и Буслаевъ,—и не могъ пройти у насъ безслѣдно. По отзыву одного изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, Павскій—«внесъ много свѣта въ теорію русскаго языка. Онъ оказалъ ей большую услугу особенно по словообразованію и словопроизводству, значительно подвинулъ пониманіе состава и свойствъ русскаго глагола». Изслѣдователь отличался «рѣдкой способностью анализа, наблюдательностью и преимуществомъ простого, яснаго изложенія»... (Гротъ, Фил. Раз., II, стр. 76).

Если «Филол. наблюденія» Павскаго отражали на себѣ переходную ступень нашего языкознанія, то вышедшее почти одновременно съ ними изслѣдованіе Каткова: *Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка (1845)* стояло уже вполнѣ на той почвѣ позднѣйшаго сравнительно-историческаго метода, на которой коренились и труды Буслаева. Какъ и послѣднія, книга Каткова была прямымъ пріобрѣтеніемъ нашей науки, и въ этомъ отношеніи сохраняетъ свое извѣстное значеніе и теперь. По отзыву акад. Грота, это изслѣдованіе—«въ большей части затронутыхъ имъ вопросовъ до сихъ поръ не утратило цѣны своей» (Фил. Раз., II, стр. 83. Ср.: Котляревскаго, Соч., I, стр. 407). Въ виду библіографической рѣдкости книги, приводимъ изъ нея, для образчика ученыхъ изысканій и взглядовъ автора, анализъ падежныхъ формъ русскаго языка и распредѣленіе русскихъ глаголовъ на разряды:

Въ основѣ флексической исторіи славяно-русскаго языка, по мнѣнію изслѣдователя, лежитъ одинъ непреложный законъ: всѣ слова въ слав. языкѣ должны были оканчиваться на гласную. Въ силу

этого закона въ старо-слав. языкѣ прежде всего долженъ былъ пропасть согласный знакъ именит. падежа,—буква *с* для именъ муж. и жен. родовъ, знакъ, общій всѣмъ языкамъ индо-европейской семьи, и буква *м*, для именъ сред. рода. Именит. падежъ остался такимъ образомъ «безъ знаменателя, съ обнаженными темами именъ». Постепенно тому же закону должны были подчиниться и самыя темы,—тѣ изъ нихъ, которыя не оканчивались на согласную: окончанія согласныхъ темъ сдѣлались гласными; послѣднее достигнуто было въ языкѣ двумя путями: согласныя темы или отказались отъ своей конечной согласной и сократились (*пламен—пламы, рамен—рамо, матер—мати, небес—небо*, и т. д.), или приняли гласную для прикрытія согласной (вм. *пламы—пламень, камы—камень, корѧ—корень* и т. д.). Такимъ образомъ слова стали оканчиваться на гласный звукъ; присоединяя сюда и окончанія гласныхъ темъ, мы имѣемъ для именъ существительныхъ церковно-славянскаго языка вообще слѣдующія окончанія именительнаго падежа: *а, и, ь, ъ, ы, о, е*.—нѣкогда, повидимому, каждое тематическое окончаніе имѣло свое особое склоненіе; позднѣе это разнообразіе мало по малу сгладилось: падежныя окончанія однихъ темъ сблизились съ окончаніями другихъ, близкихъ; у иныхъ флексіи совсѣмъ исчезли. Такъ, у насъ теперь вовсе почти нѣтъ муж. склоненія на *ь* или на *ї*; темы на *ъ* (=*у*) и *о* муж. рода совпали, тема на *ы* женск. рода перешла въ склоненіе на *ъ* муж. р. пад. окончанія на *о* и *е* средн. р. сблизились въ склоненіи съ темой на *о* и *е* муж. р.

Звательный п. въ склоненіяхъ различныхъ темъ получается различнымъ образомъ: одни темы образуютъ звательный ослабленіемъ, другія—усиленіемъ (*жена—жено, сынъ—сыноу*).

Что касается родительнаго п., то признакомъ его въ санскритѣ была буква *с*, являвшаяся въ извѣстныхъ случаяхъ съ предыдущею *а*—*ас*. Это *ас* и легло въ основу родительнаго п. именъ съ темой согласной, при чемъ «согласныя темы изъ образовательнаго слога *ас*, откинувъ наконечную *с*, удержали только гласную *а*, но измѣнили ее, по извѣстному обычаю нашего языка, въ *е* (*камен-е*, вм. *камене-с*, санскр. *асман-ас*, лат. *semen-is*; *небес-е* вм. *небес-ес*, санскр. *набас-ас* и т. д.). Тема на *ь* образовала свой родительный простымъ продолженіемъ тематической гласной. Болѣе труднымъ для объясненія является двойное окончаніе родительнаго пад. (*а* и *оу*) у темы на *ъ* (=*о, у*). Какъ объяснить здѣсь окончаніе *а*? Боппъ окончаніе это выводилъ прямо изъ тематической *а*, уже утраченной у насъ для именъ муж. рода; онъ сличаетъ род. п. *нова* отъ прилагательнаго *новъ* съ санскрит. *нава-сја*, въ которомъ суффиксъ *сја* отпалъ и тема осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ, соотвѣтствуя по своей формѣ родительному падежу; въ именительномъ же измѣнила *а* на *ъ*. Нашъ изслѣдователь не соглашается съ такимъ объясненіемъ; по его мнѣнію,—«нашему языку не было никакой нужды усѣкать собственное окончаніе родительнаго пад., *сја*, какъ оно звучитъ въ санскритѣ; не было нужды, ибо это окончаніе завершается гласною». Происхожденіе нашего родительнаго Катковъ

открываетъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ указываетъ на существованіе въ санскритѣ особаго, лишняго противъ нашего склоненія, падежа—относительнаго, ablativi, характеромъ котораго былъ слогъ *ат*. Въ санскритѣ этотъ ablativus хотя употреблялся, но по отношенію далеко не всѣхъ существительныхъ; гораздо чаще встрѣчается онъ въ языкѣ зендовъ. Слѣды его отыскались и въ другихъ европейскихъ языкахъ,—въ латинскомъ и греческомъ. Съ этимъ ablativus санскр. языка Катковъ и сближаетъ окончаніе *а* въ родительномъ нашихъ именъ существительныхъ. «Въ нашей формѣ *волка*—замѣчаетъ Катковъ—усѣченъ не суффиксъ родительнаго *сја*, или *са*, или τὸ *врікасја*, а суффиксъ ablativi *т* (*врікâ-т*)»... Звукъ *а* въ окончаніи родительнаго п. ничто иное, какъ слѣдъ давнопропавшаго санскритскаго ablativi. Что касается окончанія *у* того же падежа, то вопросъ этотъ нашъ изслѣдователь рѣшаетъ такъ: Указавъ на крайнюю сбивчивость въ древнихъ памятникахъ обѣихъ этихъ формъ (на *а* и на *оу*), Катковъ не соглашается съ мнѣніемъ Павскаго, который букву *у* н признавалъ отличительнымъ знакомъ родительнаго пад. и въ разсматриваемой формѣ видѣлъ просто пад. дательный,—который, замѣчаетъ Павскій, въ нашемъ синтаксисѣ часто ставится вм. родительнаго; Катковъ возражаетъ ему, что «спорная форма появляется въ такихъ именно случаяхъ, въ какихъ никогда нашъ языкъ не ставитъ дательнаго пад.». По мнѣнію Каткова, окончаніе *оу*—также характерное окончаніе родительнаго пад., и въ началѣ принадлежало исключительно темѣ на *у* (=ъ); но потомъ, когда склоненія темъ на ъ (=лат. *и*, *о*) и на ъ (=*у*) сблизились, и окончаніе *у* въ родительномъ пад. сдѣлалось болѣе или менѣе общимъ, потерявъ свою исключительность.—Тема на *а* въ родительномъ имѣетъ *ы* (=аналогичному ѧ отъ ѩ). Это окончаніе стоитъ въ ближайшей связи съ окнч. въ санскритѣ. Звукъ *ы* заключаетъ въ себѣ элементъ *н*, соотвѣтствующій санскритскому *с*. «Какъ *есмы*=*есм*ѧ=греч. ἐσμεν=санскр. *смас*, такъ и въ родительномъ *рабан*, *волен*, буква *н* заступила мѣсто τὸ *с*». Впрочемъ, по мнѣнію изслѣдователя, разсматриваемое явленіе (присутствіе въ *ы* и ѧ носового элемента) можетъ быть объяснено и иначе. Во всѣхъ языкахъ индоевропейской семьи играетъ видную роль буква *н*; очень часто она является между темой и падежнымъ окончаніемъ. Появленіе ея здѣсь вызывается «стремленіемъ къ удобству и легкости въ произношеніи». Съ такимъ значеніемъ она является уже въ санскритѣ; еще большее примѣненіе въ этомъ смыслѣ буква *н* получила въ позднѣйшихъ языкахъ, въ латинскомъ, греческомъ. Подъ это общее явленіе, замѣчаемое во всѣхъ языкахъ индоевропейской семьи, можно подвести, по мнѣнію изслѣдователя, и разбираемый фактъ въ языкѣ старославянскомъ. И въ оконч. *ы* и ѧ носовой элементъ можетъ быть также разсматриваемъ, какъ звукъ вставной. Буква *н* «вызывалась здѣсь, для произведенія одного имени отъ другаго, тѣмъ же началомъ, какимъ вызывалась въ другихъ языкахъ для поддержки склоненія»...

Форма дательнаго падежа уже въ древнѣйшую эпоху исторіи санскр. языка почти слилась съ формой падежа предложнаго (мѣстн.). «По-

видимому, языкъ вывелъ оба эти падежа изъ одного источника. Въ греческомъ и лат. изгладилось между ними всякое различіе; въ славянскомъ оно едва ощутительно; въ литовскомъ нѣсколько болѣе, въ санскритскомъ еще болѣе; но также мало существенно». Въ санскритѣ для дательнаго п. главнымъ характеромъ служитъ буква *ê*, для мѣстнаго—буква *i*. Изъ близости этихъ звуковъ можно видѣть, какъ близки были разсматриваемыя падежныя формы. Боппъ даже думаетъ, что въ началѣ дательный и мѣстный были тожественны, и что только позднѣе они стали нѣсколько различаться. Соотвѣтственно санскритскому, въ слав. языкѣ «главными и какъ бы природными» признаками падежей дательнаго и предложнаго служатъ буквы *ѣ* и *и*. Эти буквы одинаково употребляются для того и другого падежа: одни темы пользуются одной буквой, другія—другой. Говоря подробно объ окончаніяхъ каждой темы въ этихъ падежахъ, изслѣдователь останавливается между прочимъ на окончаніяхъ *ови* и *еви* въ дательномъ. По его мнѣнію, «собственнымъ знакомъ падежа должно считать здѣсь лишь наконечную гласную *и*; слогъ же *ов-* и *ев-* —лишь флексическій слѣдъ темъ на *у*, которыя прямо заявляютъ себя въ другой формѣ того же падежа (*сыноу*). Несравненно слабѣе эта тема пробивается въ падежѣ мѣстномъ. Изслѣдователь останавливается еще на окончаніяхъ дательнаго и предложнаго пад. нашихъ мѣстоименій (*му*, *мъ*=*тому*, *томъ*). Въ окончаніяхъ этихъ падежей онъ видитъ сохраненіе мѣстоименной санскритской частицы *сма*, хотя уже въ значительно искаженномъ видѣ. Перейдя въ нашъ языкъ, частица эта должна была или сохраниться или перейти въ *о*, *ъ*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она является дѣйствительно въ этой формѣ (*камо*, *тамо*, *тамъ*)», но въ дательномъ п. мѣстоименій она перешла въ *у* (вм. *ai*, *oi*, или даже *ы*), что, можетъ быть, объясняется сильнымъ вліяніемъ именныхъ склоненій. Правильнѣе, въ болѣе древнемъ видѣ, является эта частица въ пад. мѣстномъ: *мъ*=*мi*, а *i*—характерное окончаніе предложнаго санскритскаго.

Винительный п. темы на *а* своимъ окончаніемъ (*Ѫ*=*ом*) прямо указываетъ на свою связь съ окончаніемъ этого падежа въ санскритѣ (*—м*). Что касается до другихъ темъ, то у нихъ окончаніе винительнаго п. совпадаетъ съ окончаніемъ или именительнаго или родительнаго. Иногда можно подумать, что въ этомъ отношеніи и тема на *а* не представляетъ строгаго исключенія, и здѣсь иногда винительный п. является въ формѣ именительнаго, не принимая своего харарактернаго окончанія (*Ѫ*). Но это только повидиму. На самомъ дѣлѣ явленіе это не этимологическое, а чисто синтаксическое. Въ выраженіи напр. «дати ему на то его село и на деревни своя новая грамота жалованная».. и т. п. (выраженія такія встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ),—формы: «грамота» не есть какая либо новая форма винительнаго п., но оригинальное употребленіе именительнаго, которое въ свою очередь зависитъ отъ особаго употребленія неопр. наклоненія».

Творительный п. у именъ женск. р. суффиксомъ своимъ имѣетъ букву *м* (*ам*, *ом*=*Ѫ*); у именъ муж. р. и средн.—*мъ*. Это *мъ* въ церк.-слав.

=*мъ* и въ этой формѣ имѣло непосредственную связь съ литовск. *mi* (=*мь*). Но какъ наши (*мъ, мь*), такъ и литовск. форма (*mi*) стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ санскр. творительнымъ множ. числа *бис* (греч. φι, φιν, лат. *is*). Сюда же относится и творительный множ. числа на *ми* (конечная гласная *е* здѣсь утрачена въ силу основного закона слав. фонетики, недопускающаго на концѣ согласной).

Двойственное число теперь уже утрачено въ русскомъ языкѣ, но нѣкогда оно ему принадлежало. Формы двойственнаго числа въ старослав. языкѣ своею древностью превосходятъ даже санскритскія, различая роды муж. отъ женск. Въ теперешнемъ русскомъ яз. въ нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ (напр. *въ очію, два человѣка*) остался только слѣдъ первоначальн. формъ.

Именительн. пад. въ санскритѣ у именъ во множ. числѣ является съ признакомъ *с*; для мѣстоименій же было тамъ окончаніе *ja* (=*и*). Такъ какъ первое въ слав. языкѣ не могло появиться, то въ немъ признакомъ этого пад. сдѣлалось второе *ja*=*и*. Впрочемъ, та́къ образовался именительный пад. только у темы на *ъ*; другія темы образовали его нѣсколько иначе. Имена съ темой на *а* въ этомъ п. имѣли *ы* (=темѣ+*и*), т. е. присоединяли къ темѣ только звукъ *и*, аналогію съ *ы* (=*аи*) представляло въ этомъ случаѣ ѧ,—окончаніе въ этомъ падежѣ тойже темы, только смягченной (ѩ). Имена средн. рода имѣли въ именительномъ множ. *а*, которому въ санскритѣ соотвѣтствовало однако *i*; это *i* Боппъ считаетъ за ослабленіе изъ *а*.—Окончанія *ья, ье, іе* въ именительномъ множ. Павскій считалъ только собирательной формой того же существительнаго, которая часто употреблялась въ смыслѣ множественнаго; по мнѣнію Каткова, объясненіе это можно принять не во всѣхъ случаяхъ: не вездѣ окончанія *іе, ье, ья* были только собирательной формой, отвлеченнымъ именемъ средн. рода; часто они возникали самостоятельно отъ темъ на *і*.

Окончаніемъ родительнаго множественнаго въ санскритѣ для именъ было *âм*, для мѣстоименій—*сам*. Послѣдній суффиксъ уцѣлѣлъ и у насъ въ склоненіи мѣстоименій; отъ перваго же (*âм*) остался только слѣдъ. Характеромъ родительнаго множ. у насъ являются двѣ буквы *ъ* и *ь*. Что такое эти буквы? Какъ объяснить ихъ происхожденіе? Есть ли это—тематическіе звуки или слѣдъ чего-нибудь другого? Тематическими ихъ считать никакъ нельзя: они являются въ этомъ падежѣ у именъ всѣхъ темъ, безъ исключенія; слѣд. приходится искать имъ другое происхожденіе. По мнѣнію Каткова, эти *ъ* и *ь* есть ничто иное, какъ слѣдъ санскритскаго *âм*. Въ нашемъ языкѣ это *âм* могло бы перейти сначала въ ѫ, потомъ въ *оу* и *ŷ*; летскіе языки, столь близкіе съ нашимъ, дѣйствительно показываютъ этотъ постепенный переходъ изъ *âм*. Если тотъ же самый процессъ былъ и въ нашемъ яз., то тогда изъ *у* или *ю*, легко могли бы образоваться *ъ* и *ь*, какъ ослабленіе предшествующихъ буквъ.—Но какъ произошли формы родительнаго множ. на *овъ, евъ, ий, ей*? Въ объясненіи двухъ послѣднихъ формъ Катковъ болѣе или менѣе соглашается съ Павскимъ,—онъ указываетъ

только противорѣчіе, въ которое впадаетъ въ этомъ случаѣ послѣдній съ своей же теоріей о буквахъ *ъ* и *ь*. Формы же *овъ* и *евъ* Катковъ объясняетъ зависимостью этихъ окончаній отъ первоначальной темы *у*: «темы на *у* прямо давали это окончаніе»...; «тоже самое должно разумѣть и объ окончаніи *евъ*, т. е. производить его отъ темъ на *ю*»...—Другой мѣстоименный суффиксъ этого падежа, санскритское *сам* и *шам* у насъ уцѣлѣлъ, перейдя въ форму *хъ*: санскр. *тē-шам*, слав. *тѣ-хъ*, санкр. *ја-сам*, слав. *и-хъ*.

Характеристическимъ окончаніемъ д а т е л ь н а г о множ. въ славянск. языкѣ (а также—въ готскомъ и литовскомъ) служитъ буква *м*; эта буква вполнѣ соотвѣтствуетъ санскритской (а также — латинской и зендской) буквѣ *б*, являющейся тамъ въ томъ же падежѣ. Что касается до буквы *ъ* (въ слогѣ *мъ*), то это—не болѣе, какъ слѣдъ буквы *у*, когда-то бывшей здѣсь и соотвѣтствующей санскритскому *ја*,—такъ что наше *мъ*, окончаніе дательнаго множ., соотвѣтствуетъ литовск. *mus*, лат. *bus*, санскр. *б'јас*. Этотъ суффиксъ *мъ* въ исторіи слав. языка не потерпѣлъ никакихъ измѣненій, но повсюду утратилъ свою гласную; она удержалась только отчасти у сербовъ: *ма* (*ъ* у сербов=*а*).—Что касается до гласной, предшествующей въ склоненіяхъ этому суффиксу (*мъ*), то она стоитъ въ ближайшей зависимости отъ темы слова.

В и н и т е л ь н ы й множ. въ языкахъ индо-европейскихъ является съ характерными буквами либо *с*, либо *н*; Б о п п ъ думаетъ, что настоящимъ древнѣйшимъ окончаніемъ этого падежа были обѣ эти буквы вмѣстѣ—*нс*. Въ славянск. языкѣ, конечно, ни то ни другое окончаніе (ни *н*, ни *с*) устоять не могли, тѣмъ болѣе двѣ согласныя вмѣстѣ (*нс*); но слѣды этой санскритской флексіи сохранились и въ нашемъ языкѣ. Буква *н* сохранилась въ буквѣ ѧ, являющейся въ винительномъ п. у темъ на небную гласную; элементъ *н* скрывался, вѣроятно, и въ буквѣ *ы* у темъ съ твердымъ окончаніемъ, соотвѣтствующей здѣсь, можетъ быть, древнѣйшему Ѫ (*ы*=*у̂*, чешск. *ан*, Ѫ). Такого происхожденія, мож. быть, и буква *ы* у именъ женск. рода. Темы же на *ь* (=*ĭ*) въ этомъ падежѣ ограничивались одною тематическою гласною.

Т в о р и т е л ь н ы й множ. въ славянскомъ языкѣ представляетъ двѣ формы: на *ми* и на *ы*. Что касается до первой флексіи, то она вполнѣ понятна: *ми* отвѣчаетъ санскритскому *б'іс*, гдѣ буква *б* уже въ литовскомъ замѣнилась буквою *м*. Несравненно загадочнѣе другая форма творительнаго, на *ы*, переходящая въ извѣстныхъ случаяхъ, по звуковымъ законамъ, въ *и*. Какъ объяснить происхожденіе этой формы? Въ родственныхъ языкахъ мы встрѣчаемъ также нѣчто подобное. Тамъ также есть особая форма творительнаго множ., и форма эта—что главное—служитъ тѣмъ же самымъ числамъ, какимъ у насъ служитъ *ы*. Это форма *іс* (видоизмѣненіе полнаго *б'іс*); отбросивъ *с*, получаемъ *і*. Если (продолжаетъ авторъ) возьмемъ въ примѣръ лит. *wilka-is*, санскр. *врікā-іс*, лат. *lup-is* (вм. *lupo-is*); то предположивъ аналогическую форму для творительнаго множ. отъ нашего слова *волкъ*, именно *волко-іс* или *волкъ-іс*, мы иной формы и получить не мо-

жемъ, какъ *волкы*, когда отнимемъ наконечную *с*. Примѣру этому послѣдовали имена на *ъ* собственный и имена на *ъ*».—

Окончаніе нашего предложнаго пад. во множ. числѣ стоитъ въ непосредственной связи съ окончаніемъ того же падежа въ санскритѣ. Тамъ суффиксомъ его служитъ *су* или *шу*; у насъ ему соотвѣтствуетъ *хъ*. «Сходство не ограничивается однимъ суффиксомъ: какъ въ санскритѣ темы на *а* (=*о*) измѣняютъ здѣсь сію послѣднюю букву на *ê*, такъ точно и у насъ въ древнемъ склоненіи стоитъ *ѣ*. Всѣ прочія тематическія гласныя остаются въ санскритѣ неизмѣнными: у насъ тоже»...

Переходимъ къ анализу глагольныхъ формъ.

Указавши на систему дѣленія славянскихъ глаголовъ у Добровскаго (6 классовъ), Катковъ останавливается на архаическихъ глаголахъ, принадлежащихъ по этой системѣ къ I-му кл. (*вѣмь*, *ѣмь*, *дамь* и др.) и главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ такъ наз. неправильныхъ глаголахъ, которые нѣкогда принадлежали также къ I-му кл., но потомъ уклонились. Таковы: *иду*, *буду*, *дѣну*. Интересны его соображенія относительно перваго глагола. Корень его—очевидно *i*, сохранившійся во всѣхъ языкахъ индо-европейской семьи; въ санскритѣ, греческомъ и литовскомъ онъ усиляется: *i*=*ê*, ει, *ei*; въ усиленной формѣ является онъ, вѣроятно, и въ латинскомъ: *eo*. Въ славянск. языкѣ къ этому корню (*i*) вдругъ прибавляется *д*: *и-д-Ж*; откуда взялся этотъ суффиксъ?.. Боппъ производитъ его отъ другого глагольнаго корня,—по санскритски *д'â*, у насъ—*дѣ* (*дѣть*). Катковъ развиваетъ это мнѣніе, ставя въ связь съ санскр. корнемъ *д'â* и нашу частицу *да*, играющую немалую роль въ спряженіи славянскихъ глаголовъ. Изслѣдователь подробно разсматриваетъ корень гл. *дѣть* (*дѣ*). Являясь съ значеніемъ положить (куда дѣть? куда дѣвать?), глаголъ этотъ, соотвѣтствуя однозначащимъ глаголамъ другихъ языковъ, сближаетъ свой корень *дѣ* съ санскр. *д'â*, греческимъ θη, литовск. *де*, т. е. *дѣ*=*д'â*, θη, *де*. Употребляясь въ древнерусскихъ грамотахъ въ значеніи говорить, глаголъ этотъ получаетъ совершенно краткую форму *деи*, *де*; отсюда уже одинъ шагъ до санскритскаго *д*. Так. образ. глаголъ *дѣть* на своемъ пути до суффикса *д* (въ гл. *и-д-Ж*) проходитъ какъ бы слѣдующія ступени: санскр. *д'â*, греч. θη, лит. *де*, древнерус. *деи*, *де*, наконецъ—*д*. Съ этимъ корнемъ (*д'â*, *дѣ*) имѣетъ ближайшую связь и наша частица *да*. Въ готскомъ языкѣ гл. *д'â* (*дѣть*) является въ значеніи вспомогательнаго; съ такимъ же значеніемъ является онъ и въ языкѣ зендскомъ. Въ спряженіи славянскихъ глаголовъ также замѣчается довольно значительное участіе частицы *да* (*владѣти*=*вла-дѣть*=*волю-дѣть*=*волю-дѣть* (*полагать*=*voluntatem ponere*, *wollen thün*); поэтому можно думать, что и частица *да*—того же корня (*д'â*, *дѣ*).—Сравнивая славянскіе глаголы съ санскритскими, изслѣдователь замѣчаетъ, что I классъ (по дѣленію Добровскаго) нашихъ глаголовъ соотвѣтствуетъ бо̀льшею частью I-му же классу санскритскихъ, характернымъ признакомъ которыхъ служитъ буква *а* (эту букву изслѣдователь отыскиваетъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ глаголахъ, принадлежа-

щихъ къ I-му кл.); славянск. глаголы II-го класса съ признакомъ *н* (*нѫ*, *нъ*, *ну*) составляютъ по своему образованію и значенію особый классъ,— на немъ Катковъ останавливается подробно; что-же касается до остальныхъ классовъ нашихъ глаголовъ (III кл. признакъ *ѣ*, IV—призн. *и*, V—призн. *а*, VI—*ова*), то всѣ эти глаголы, по своему образованію, соотвѣтствуютъ X-му классу санскритскихъ глаголовъ, съ характеромъ *aja*. Этотъ признакъ *aja* далъ отъ себя въ индоевропейскихъ языкахъ многочисленные и разнообразные отпрыски; отъ него же произошли и *ѣ*, *и*, *а*, *ова*,— отличительные признаки славянскихъ глаголовъ, принадлежащихъ къ III-му, IV-му, V-му и VI-му классамъ. Признакъ V-го класса *а* есть не что иное, какъ сліяніе двухъ *а* въ *aja*, по выпаденіи *j*: *а*=*aja*=*аа*=*а*. Буква *ѣ*, признакъ глаголовъ III-го класса, можетъ быть объяснена первоначальнымъ двоегласіемъ въ суффиксѣ *aja*; если при образованіи *а* j-та выпала (*aja*—*аа*), то здѣсь она вошла въ составъ предыдущей гласной и дала вмѣстѣ съ нею долготу=санскрит. *ê*: *ѣ*=*aja*=*aj*=*ê*. Такой же точно процессъ совершился при образованіи *и* (признакъ IV-го класса): санскр. *aj* вообще=*ê*, *ѣ*, *и*. При образованіи *ова* (признакъ VI кл.), два *а* не слились, а сохранились оба, замѣнивъ *j* буквою *в* (*aja*=*ава*), при чемъ первое *а* могло перейти и въ тематическое *о* или *е* спрягаемаго глагола: *ова*=*aja*= =*ава*=*ова*=*ева*. См. Каткова, Объ элем. и форм. славяно-русск. языка, стр. 117—210.

Важное значеніе для своего времени имѣли труды:

В. Бѣлинскаго,—рецензія на «Грамматику русскаго языка» И. Ѳ. Калайдовича (ч. I., М., 1834). Молва, 1834. «Собр. соч.», I, М., 1888, стр. 132—152.

— Основанія русской грамматики, для первоначальнаго обученія. Ч. I, М., 1837.

Надеждина, — въ «Энциклопедич. Лексиконѣ» Плюшара, т. IX. Спб., 1837, въ статьѣ: Великая Россія.

— Mundarten der russischen Sprache, въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, 1841, Bd. XCV, s. 181—240 (по поводу книги Копитара: Hesychii Glossographi discipulus etc., 1840).

— Разборъ «Филологическихъ Наблюденій» Павскаго. Отеч. Зап., т. XXXIV—XXXV, 1844, стр. 33—48; 17—32.

М. А. Максимовича, *Мнѣніе о малорусскомъ языкѣ и правописаніи онаго.* Русскій Зритель, 1830, ч. VI, стр. 72—78.

— *Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ.* Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. XVII, № 3, (и отд., Спб., 1838).

— *Начатки русской филологіи.* I, Кіевъ, 1848.

— *Замѣчанія о системѣ славянскихъ нарѣчій.* Москвитянинъ, 1850, № 1.

— *Филологическія письма къ Погодину.* Рус. Бесѣд., 1856, № 3 (по поводу «Записки» Погодина о древнерусскомъ языкѣ, напечатанной въ Изв. II отд. Ак. Н., т. V) и позднѣйшія—*Рус. Бесѣда, 1857, № 2* (по поводу статьи Погодина въ Рус. Бес., 1856, кн. IV), и *День, 1863, №№ 10, 15 и 16*

(по поводу статьи Лавровскаго, въ Основѣ, 1861), относившіяся къ извѣстной полемикѣ «южанъ съ сѣверянами» (см. о ней у Пыпина, Ист. рус. этногр., III, 301—338).

Макарова *Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русскія.* Тр. и Лѣт., IV, кн. 1, стр. 184—218.

— *Нѣсколько историко-филологическихъ замѣтокъ къ «Словарю» Линде по буквѣ к.* Чтенія Моск. Общ. ист. и древ. рос., годъ первый, 1845—1846, кн. IV, стр. 37—42.

— *Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника.* Буквы А — Н. Чтенія Моск. Общ. ист. и др. росс., годъ второй (1846—1847), кн. III, 24—44; VI, 1—24; VII, 17—27; IX, 1—21. Годъ третій (1847—1848), кн. I, 1—19; II, 33—38; III, 89—120; IV, 143—154; V, 145—159.

Вл. Бурнашева, *Опытъ терминологическаго словаря сельскаго хозяйства, фабричности, промысловъ и народнаго быта.* 2 т., Спб., 1843—1844 гг.

Гуляева, *Этнографическіе очерки южной Сибири,*—Библіотека для Чтенія, т. XC, 1848 г., стр. 1—142.

Весьма своеобразнымъ характеромъ, не лишеннымъ отчасти и серьезнаго научнаго значенія, отличались филологическіе труды К. С. Аксакова:

— О грамматикѣ вообще (по поводу грамматики Бѣлинскаго). Моск. Наблюдатель, 1839, январь; позднѣе въ Полн. собр. сочиненій, т. II, М., 1875, стр. 3—21.

Буслаева,—Отеч. Зап., 1855, № 8, стр. 23—46.

— Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и языка. М., 1846; перепечат. въ «Полн. собр. сочин., II, стр. 23—388.

— О русскихъ глаголахъ. М., 1855. Объ изслѣдованіи этомъ см.:

— Критическій разборъ «Опыта исторической грамматики русскаго языка» Буслаева. Рус. Бесѣда, 1859, т. V—VI сер. 65—154; 1—122; перепеч. «въ Полн. собр. соч.», II, стр. 439—660.

— Опытъ русской грамматики. Часть I, М., 1860. Критическ. замѣтка объ этой книгѣ въ Извѣстіяхъ Ак. Н., IX, стр. 54—55.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей старой науки является Н. И. Надеждинъ (1804—1856). Его ученая дѣятельность была весьма разносторонней. «По многимъ и разнороднѣйшимъ отраслямъ науки, особенно касающимся Россіи, онъ былъ первымъ нашимъ спеціалистомъ; по многимъ другимъ, общимъ намъ съ западною Европою, равнялся съ лучшими нѣмецкими или французскими спеціалистами. Всѣ отрасли нравственно-историческихъ наукъ, отъ философіи до этнографіи, были такъ глубоко изучены имъ, какъ рѣдкому спеціалисту удается изучить одну свою частную науку. Этимъ страшнымъ запасомъ знанія располагалъ умъ необыкновенно сильный, свѣтлый и проницательный, и потому, о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ проливалъ новый свѣтъ на предметъ, какой бы науки ни касался, двигалъ ее впередъ. А писалъ онъ обо всемъ, отъ богословія

до русской исторіи и этнографіи, отъ философіи до археологіи»... (*Очерки Гоголевскаго періода* и пр., стр. 174 и sqq).. Въ области научнаго изученія русскаго языка Надеждину между прочимъ принадлежали наиболѣе раннія попытки изученія мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ живого народнаго языка,—къ сожалѣнію, оставшіяся не развитыми, остановившіяся на самыхъ первыхъ шагахъ...

«Языкъ великороссіянъ нельзя назвать нарѣчіемъ; это особая вѣтвь общей славяно-русской рѣчи. Онъ отличается отъ малороссійскаго и бѣлорусскаго не только грамматическими особенностями въ словопроизводствѣ и словосочиненіи, но даже рѣзкою своеобразностью въ самой физіологической организаціи звуковъ. Это послѣднее обстоятельство удостовѣрительно доказываетъ, что отдѣленіе великороссійскаго языка произошло не отъ случайной примѣси чуждыхъ, иноязычныхъ элементовъ, а было естественнымъ слѣдствіемъ вліянія сѣверной природы. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи лексикографическомъ, славяно-русская основа гораздо въ немъ чище; иноязычныхъ словъ несравненно больше въ западно-южныхъ языкахъ, и именно: въ малороссійскомъ татарскихъ, въ бѣлорусскомъ литовскихъ, кромѣ польскихъ, которыми тотъ и другой равно наполнены. Отдѣленіе великороссійскаго языка воспослѣдовало очень рано, вѣроятно, съ самаго поселенія русскихъ колоній на сѣверо-востокѣ, между племенами финскими. Древнѣйшіе переписчики церковныхъ книгъ, составленныхъ на особомъ южно-славянскомъ языкѣ, часто просятъ прощенія у читателей, «яко мнози пословицы ноугородскія привнидоша», это значитъ, что въ ихъ время, за долго еще до нашествія татарскаго на востокъ и литовскаго на западъ, въ Новѣгородѣ существовали особенности языка, больше несовмѣстныя съ церковно-славянскою письменностью, чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ подобныхъ извиненій не дѣлалось. Вообще русская рѣчь отличается отъ прочихъ славянскихъ языковъ тѣмъ, что занимаетъ средину между двумя обширными вѣтвями, на которыя раздѣлилъ ихъ Добровскій и вслѣдъ за нимъ Шафарикъ. По крайней мѣрѣ, отличительные признаки обоихъ родовъ славянскихъ нарѣчій, юго-восточнаго и сѣверо-западнаго, исчисленные Добровскимъ, встрѣчаются совокупно въ языкѣ русскомъ, и нигдѣ это совмѣщеніе тѣхъ и другихъ признаковъ не обнаруживается ярче, какъ собственно у великороссіянъ, которые равно говорятъ и *издать* и *выдать*, и *земля* и *земь*, и *птица* и *птаха*. Вліяніе сѣверной природы на великороссійскій языкъ, обнаруживается въ физіологическомъ отношеніи разбавкою согласныхъ звуковъ гласными и меньшимъ придыханіемъ гортанныхъ звуковъ; онъ превращаетъ: *смртъ*, *влкъ*, *градъ*, *пламя* въ *смертъ*, *волкъ*, *городъ*, *поломя*, а при употребленіи гортанной, согласной *г*, любитъ твердѣйшій ея выговоръ, соотвѣтствующій латинскому *g*, котораго южные славяне вовсе не знаютъ, для котораго въ кирилловской азбукѣ не придумано и особой буквы. Это сближаетъ его болѣе съ сѣверо-западною системою славянскихъ языковъ. Но въ отношеніи грамматическомъ, онъ много сходенъ съ системою юго-восточною, и это, безъ сомнѣнія, вслѣд-

ствіе могущественнаго вліянія церковно-славянской письменности, которая, очевидно, южнаго Дунайскаго происхожденія. По причинѣ сосредоточенія первой книжной образованности въ духовенствѣ, распространявшемся на сѣверо-востокѣ съ юга, изъ Кіева, языкъ великороссійскій долго не былъ письменнымъ. Древнѣйшіе новогородскіе памятники житейской, мірской письменности обнаруживаютъ господствующее вліяніе южно-славянскаго характера въ правописаніи и словосочиненіи, которое однако все болѣе и болѣе слабѣетъ, по мѣрѣ усиливающагося расторженія политическихъ связей восточной Руси съ Кіевомъ. Москва, сдѣлавшись средоточіемъ единства и самостоятельности для этой обширной половины Русскаго міра, съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалась и колыбелью самобытнаго, своеобразнаго развитія великороссійскаго языка, какъ въ живой рѣчи, такъ и на письмѣ. Со временъ Дмитрія Донскаго, оффиціальный языкъ грамотъ и другихъ гражданскихъ актовъ начинаетъ уже быть чисто великороссійскимъ, съ небольшими церковно-славянскими промолвками. Царствованіе Іоанна Грознаго, который самъ былъ первый словесникъ и витія своего времени, ознаменовано блестящими успѣхами народнаго языка: собственныя его посланія къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ, содержатъ въ себѣ образцы самороднаго великороссійскаго краснорѣчія. Послѣдующія смутныя времена не только не препятствовали, но еще содѣйствовали его укрѣпленію и распространенію; угрожаемая погибелью народность тѣмъ могущественнѣе сомкнулась на Москвѣ, и безпрестанныя патріотическія воззванія, разлившіяся отсюда по всѣмъ концамъ Россіи, дали органу ея, народному слову, жизнь, огонь, силу. Но къ сожалѣнію, образованіе этого слова не могло довершиться окончательно по недостатку грамматики, безъ которой языкъ не можетъ возвыситься до благоустроенной литературной организаціи. Въ эти минуты весенняго цвѣта, великороссійская рѣчь развивалась безотчетно, не сознавая вовсе грамматическихъ знаковъ, или покорялась насильственному владычеству чужихъ грамматикъ. Первый ученый, отъ котораго Москва, сердце Великой Россіи, услышала имя грамматики, былъ Максимъ Грекъ, воспитанникъ Аѳона, Рима и Парижа; онъ не зналъ духа и идіотизмовъ не только великороссійскаго, но и вообще славянскаго языка, почему и съ неумѣренною ревностію держался формъ греческихъ, прилагая всѣ ихъ утонченности къ церковно-славянскому переводу священныхъ книгъ, который смѣшивалъ съ русскимъ. Это насиліе, вѣроятно, бывшее одною изъ причинъ общей недовѣрчивости къ Максиму, какъ еретику, очень ясно понималъ ученикъ его Силуанъ, который, будучи не «грекъ, но здѣшнія персти и русинъ», говорилъ весьма основательно, что «нѣсть лѣпо всячески премудрѣйшему оному (греческому) послѣдовати языку; понеже обрящется сопротивно, ниже бо роды, ниже времена, ниже окончанія подобна ея имѣютъ, но вся премѣнена». Однако этотъ голосъ «русина», внушенный здравымъ смысломъ, не имѣлъ дѣйствія. Появившіяся вскорѣ полныя грамматики славяно-русскаго языка Зизанія (1596) и Смотрицкаго (1619), подняли его рѣшительно на греческую дыбу. Если въ первой половинѣ XVII в., при

Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, на Москвѣ великороссійская рѣчь сохраняла еще самоцвѣтную чистоту и даже шла своимъ путемъ къ самобытному литературному совершенству въ писаніяхъ умныхъ дьяковъ, то это потому, что ученыя грамматики были изданы на русскомъ западѣ, отдѣленномъ отъ Великой Россіи. Когда же Малая и Бѣлая Россія составили съ ней одно государственное тѣло, когда Кіевская академія сдѣлалась горниломъ всероссійской образованности,—западно-русскій элементъ, сопровождаемый уродливымъ смѣшеніемъ греческаго синтаксиса съ польско-латинскою фразеологіею, возобладалъ и въ московской письменности, особенно духовной. Учрежденіе въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской академіи, копіи Кіевской, довершило это покореніе великороссійской рѣчи стихіямъ чуждымъ. При Петрѣ Великомъ отворилась широкая дверь новымъ элементамъ съ отдаленнѣйшаго европейскаго запада: это нанесло рѣшительный ударъ чистотѣ великороссійскаго языка не только въ письменномъ искуственномъ употребленіи, но и въ живомъ разговорѣ. Счастье было, что великій Ломоносовъ родился въ отдаленнѣйшей глубинѣ сѣвера, куда не проникла еще новая цивилизація съ своей хаотической смѣсью. И этому самородному генію, возникшему на чисто великороссійской почвѣ, языкъ великороссійскій обязанъ тѣмъ, что сдѣлался основою нынѣшней русской словесности. Хотя собственное образованіе его началось подъ вліяніемъ грамматики Смотрицкаго и виршей Симеона Полоцкаго, продолжалось въ стѣнахъ Заиконо-Спасской и Кіевской академій, окончилось вовсе въ чужихъ нѣмецкихъ краяхъ; но великороссійскій элементъ былъ въ немъ такъ глубоко укорененъ, что совершенное имъ преобразованіе, или лучше образованіе, языка основано на его условіяхъ и законахъ. Впрочемъ, со временъ Ломоносова, языкъ, или лучше литература, господствующая нынѣ въ Имперіи, должна уже называться не великороссійскою, а всероссійскою, или просто русскою; при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, она приняла въ себя много стороннихъ, чужеязычныхъ стихій, и теперь сдѣлалась книжнымъ языкомъ всей Россіи. Собственно же великороссійскій языкъ со всѣми идіотизмами, составляющими его отдѣльную самобытность, хранится не въ книгахъ, а въ устахъ народа, возвышаясь мало по малу на степень общаго языка образованныхъ сословій всей Имперіи, но исключительно господствуя только въ великороссійскихъ ея губерніяхъ»...

«Такъ какъ первую печать образованности на живой великороссійскій языкъ положила Москва, то чистѣйшее и правильнѣйшее его нарѣчіе до сихъ поръ есть московское. Оно господствуетъ въ столицѣ и во всѣхъ великороссійскихъ городахъ между высшими образованнѣйшими классами дворянства, духовенства и купечества, но не въ деревняхъ, гдѣ простой, не бывалый нигдѣ народъ сохраняетъ еще печать мѣстныхъ различій, давшихъ происхожденіе многимъ областнымъ нарѣчіямъ. Всѣ эти нарѣчія можно возвести къ тремъ главнымъ родамъ. Первое владычествуетъ на сѣверовостокѣ отъ Москвы; его можно назвать новгородскимъ, потому что оно наполняетъ прежнія владѣнія Новагорода, распространяется отъ

Торжка до Устюга, и даже въ Сибирь, куда первая дорога лежала чрезъ эти владѣнія. Второе—на юго-западъ отъ Москвы, распространено по правому берегу Оки до Малороссіи; его можно назвать рязанскимъ, по причинѣ распространенія въ прежнихъ областяхъ Рязанскаго княжества. Наконецъ, третье, такъ называемое суздальское, господствуетъ вокругъ самой Москвы, и далѣе на юго-востокъ по древней Суздальской области, внизъ по Волгѣ. Въ новогородскомъ нарѣчіи, не смотря на вліяніе сѣвера, слѣды южнаго происхожденія всей вообще русской рѣчи сохраняются въ малороссійскомъ произношеніи буквы *ѣ*, въ рѣзкомъ выговорѣ гласной *о*, въ удержаніи согласныхъ *ч* и *щ* въ ихъ полуденной густотѣ и плотности. Нарѣчіе рязанское, напротивъ, превращаетъ *о* въ *а*, *ч* въ *ш* (*што* вм. *что*, *ешто* вм. *еще*), *ѣ* произноситъ какъ *е*; впрочемъ, и оно сохраняетъ печать юга въ томъ, что не знаетъ вовсе различія между твердымъ и мягкимъ *г* (*g* и *h*), употребляя одно только мягкое, превращаетъ *е* съ удареніемъ въ *ё*, не терпитъ твердаго окончанія *ъ* послѣ *т*: (*идетъ*, *стоитъ*, *дѣлаетъ*). Суздальское есть самое нечистое; оно, очевидно, образовалось подъ владычествомъ финскаго элемента, который не скоро проникся русскимъ; его отличительные признаки превращеніе *ч* въ *ц*, острый выговоръ гласной *é*, пристрастіе къ твердому *г* (напр. *цего* вм. *чего*, которое на Рязани произносятъ *чаво*, а въ Новгородѣ *чово*). Впрочемъ, эти различія теперь смѣшиваются между собою, заходятъ другъ въ друга. Московское нарѣчіе всего менѣе имѣетъ соприкосновеній съ суздальскимъ. Оно образовалось изъ соединенія новгородскаго съ рязанскимъ, и даже ближе къ послѣднему, особенно по превращенію *о* безъ ударенія въ *а*, что составляетъ его отличительное свойство. Рѣзкій выговоръ на *о* есть уже знакъ отъявленнаго провинціализма; онъ называется въ простонародіи «высокою рѣчью», или «рѣчью съ высока». Вообще же характеръ московскаго нарѣчія состоитъ въ возможно полномъ и кругломъ произношеніи всѣхъ согласныхъ и гласныхъ буквъ. Что касается до синтаксическихъ отмѣнъ разныхъ нарѣчій, то ихъ невозможно подвести подъ общіе законы, да и кажутся онѣ больше плодомъ своевольнаго уклоненія, безъ вліянія существенныхъ причинъ. Замѣчательно употребленіе причастія вмѣсто глагола (*я пришедши* вм. *я пришелъ*), составляющее идіотизмъ петербургскаго разговора.—Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи московское нарѣчіе признается нормальнымъ. А какъ оно наиболѣе близко къ настоящей литературной конструкціи, то должно надѣяться, что при тѣснѣйшемъ слiяніи книжнаго языка съ разговорнымъ, оно сдѣлается основою образованной всероссійской рѣчи, какъ въ простомъ общежительномъ употребленіи, такъ и въ искуственныхъ произведеніяхъ собственно такъ называемой литературы»...

Набросанная здѣсь характеристика живыхъ говоровъ русскаго языка является болѣе дополненной въ статьѣ Надеждина, помѣщенной въ «Jahrbücher der Literatur»,—названной выше. Эта статья, а также послѣдующая, написанная Надеждинымъ въ видѣ рецензіи на книгу Павскаго— вообще богаты множествомъ весьма вѣрныхъ замѣчаній и чрезвычайно тон-

кихъ наблюденій въ области русской фонетики. Для образчика последней стороны филологическихъ изслѣдованій автора отмѣчаемъ въ рецензіи слѣдующее мѣсто:

«Если пять основныхъ гласныхъ буквъ (т. е. звуковъ) каждую отдѣльно произносить такъ, какъ онѣ обыкновенно у насъ произносятся,—замѣчаетъ изслѣдователь,—то простымъ ухомъ явственно слышится, что тремъ изъ нихъ, т. е. *а*, *о* и *у*, предшествуетъ твердый оттѣнокъ чистаго придыханія, т. е. *ъ*; затѣмъ двумъ остальнымъ, т. е. *е* и *и*, предшествуетъ мягкій оттѣнокъ придыханія чистаго, т. е. *ь* (впрочемъ, при *е* превращающійся въ нёбное придыханіе *й*)... Отсюда весьма естественно произошло, что грамматики съ перваго взгляда различили въ нихъ два класса: гласныя твердыя *а*, *о*, *у*, и гласныя мягкія *е*, *и*.. Явно однако, что такимъ произношеніемъ не исчерпывается весь кругъ возможнаго произношенія пяти основныхъ гласныхъ звуковъ. Ничто не препятствуетъ три твердо-произносимые звука *а*, *о* и *у* смягчать предпоставкою мягкаго придыханія *ь*, равно какъ два мягко-произносимые звука *е* и *и* отверждать предпоставленнымъ твердымъ придыханіемъ *ъ*. Полный кругъ возможнаго произношенія всѣхъ гласныхъ звуковъ долженъ быть посему слѣдующій:

Разрядъ I.

ъа(=я)—ъо(=о)—ъу(=ю)

ъе(=э?)—ъи(=ы).

Разрядъ II.

ьа(=я)—ьо(=?)ьу(=ю)

ье(=е)—ьи(=и).

Намѣченная система звуковъ — продолжаетъ авторъ — имѣетъ особенное приложеніе въ отношеніи къ русскому языку; здѣсь она «имѣетъ гораздоболѣе важности и существеннаго, обильнаго приложеніями значенія, чѣмъ въ отношеніи къ древней церковно-славянской грамотѣ. Въ русскомъ языкѣ всѣ представленные здѣсь оттѣнки вокализаціи существуютъ налично, хотя многіе изъ нихъ выражаются на письмѣ знаками двусмысленными, а нѣкоторые и вовсе не имѣютъ соотвѣтствующихъ знаковъ. Возьмемъ—продолжаетъ изслѣдователь—первый разрядъ произношенія твердаго, предшествуемаго придыханіемъ *ъ*. Три первые относящіеся къ нему звука существуютъ у насъ явственно, и въ выговорѣ и на письмѣ, въ видѣ буквъ *а*, *о* и *у*. Они встрѣчаются и въ «чистомъ» видѣ, т. е. безъ предшествованія согласныхъ звуковъ, и въ «слитіи» со всѣми существующими у насъ согласными. Звукъ, занимающій четвертое мѣсто, т. е. твердое *е*(*ъе*), не имѣетъ въ нашей азбукѣ соотвѣтствующаго звука. Недавно придуманная буква *э* придумана собственно для освобожденія буквы *е* отъ придыханія *й*, сопутствующаго всегда ей въ «чистомъ» видѣ; почему и употребляется только въ началѣ словъ, начинающихся съ «чистою» *е* безъ придыханія *й*: а какъ такихъ словъ у насъ немного, всего три-четыре, то Павскій весьма основательно считаетъ введеніе ея совершенно-безполезнымъ. Между тѣмъ, твердое *е*(*ъе*), по сознанію самого Павскаго, слышимое и въ «чистомъ» видѣ въ тѣхъ не-

многихъ словахъ, для которыхъ принята буква *э*, весьма часто встрѣчается въ «слитіи» съ согласными, особенно съ тѣми, которыя Павскій называетъ «придыхательными», т. е. съ *ж*, *ш*, *щ*, *ч* и *ц*. Въ самомъ дѣлѣ, произносите слова: *желаю*, *шесть*, *щелкунъ*, *червь*, *церковь*, и т. п., вы услышите во всѣхъ нихъ передъ *е* твердое придыханіе *ъ*; ибо вы произнесете ихъ непремѣнно: *жъелаю*, *шъесть*, *щъелкунъ*, *чъервь*, *цъерковь*. Наконецъ, пятый относящійся сюда звукъ, твердое *и*(*ъи*), не встрѣчаясь никогда въ чистомъ видѣ, есть самый употребительный у насъ въ «слитіи» съ согласными. Для него имѣемъ мы и въ нашей азбукѣ особую букву *ы*, которая въ самомъ начертаніи носитъ печать своего твердо-придыхательнаго значенія, только по несчастію, искаженную прихотью употребленія; въ старину, эта буква писалась *ъі*, какъ слѣдовало бы писать и нынѣ, какъ дѣйствительно и пишемъ мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда звукъ *ы* образуется изъ сліянія двухъ раздѣльныхъ словъ, одного оканчивающагося твердымъ *ъ*, другого начинающагося чистою буквою *и*, напримѣръ: *возъимѣть*, *съискать*, *подъигрываться* и т. д. Второй разрядъ произношенія мягкаго, предшествуемаго придыханіемъ *ь*, представляетъ въ существованіи своемъ у насъ нѣсколько больше особенностей. Въ немъ только одинъ послѣдній звукъ, т. е. *и*, встрѣчается у насъ въ чистомъ видѣ. Всѣ прочіе являются не иначе, какъ въ «слитіи» съ тѣми или другими родами согласныхъ. Изъ этихъ послѣднихъ, для одного вовсе нѣтъ у насъ въ азбукѣ никакого знака, именно для *ьо*; мы обыкновенно выражаемъ этотъ звукъ чрезъ *е*, ставя иногда надъ нимъ двѣ точки (*ё*). Но какъ *ё*, такъ и простое *е*, а также и *я* и *ю*, которыми выражаемъ мы остальные три звука, сюда относящіеся, на самомъ дѣлѣ произносятся у насъ какъ *ьо*, *ье*, *ьа* и *ьу*, только въ такомъ случаѣ, когда имъ предшествуютъ согласныя буквы. Освободите ихъ отъ согласныхъ, дайте имъ «чистый» видъ,—и вы не можете ихъ иначе произнесть, какъ *йо*, *йе*, *йа* и *йу*; напримѣръ: *йомкій (емкій)*, *йедва (едва)*, *йаркій (яркій)*, *йуность (юность)*, *пойу (пою)*, *шейа (шея)*, *тройе (трое)*, *ружьйо (ружье)*»... Указывая на южныхъ славянъ,—«которые, тверже помня церковно-славянское происхожденіе нашихъ буквъ *я* и *ю* и будучи послѣдовательнѣе насъ, произносятъ эти буквы вездѣ и всегда, какъ *йа* и *йу*, а потому, читая наши книги, выговариваютъ: *себйа* или *себья* вм. *себя*, *творйу* или *творью* вм. *творю*, *пйать* или *пьять* вм. *пять* и т. д.», изслѣдователь продолжаетъ: «Въ церковно-славянской азбукѣ эти буквы и писались такъ, какъ ихъ произносятъ теперь на югѣ, то-есть съ предъидущею *і*(=*и*), и именно: *я* какъ ІА, *ю* какъ *юу* (у котораго отъ небрежности и невниманія писцовъ пропалъ въ послѣдствіи знакъ Ѵ). Для южныхъ славянъ тѣмъ легче было остаться вѣрными этому древнему начертанію, что въ языкахъ ихъ чистое придыханіе *ь* съ большею частью согласныхъ несоединимо: имъ неспособно выговаривать *я* и *ю*, какъ мы ихъ выговариваемъ въ словахъ *себя*, *творю*, *пять* и т. п., т. е. какъ *ьа* и *ьу*. У сербовъ, наприм., только четыре согласныя, именно *л*, *н*, *д* и *т*, допускаютъ послѣ себя придыханіе *ь*: послѣ нихъ только произносится у нихъ и *я* и *ю*, какъ *ьа* и *ьу*; наприм. *люблю*, *няня*, *дядя*, *тю-*

тюнъ, они могутъ произнесть какъ мы, и дѣйствительно произносятъ, съ тою только разницею, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, къ звукамъ *д* и *т* прибавляютъ еще зубное придыханіе, такъ что выходитъ нѣчто въ родѣ *джъ* и *тшъ*. Чтобъ согласить этотъ законъ живого произношенія съ письмомъ, въ новой системѣ азбуки, предложенной сербамъ извѣстнымъ Вукомъ Стефановичемъ, буквы *я* и *ю* вовсе отброшены. Вмѣсто нихъ пишутся соотвѣтсвующія твердыя гласныя *а* и *у* съ предъидущимъ *ъ*, который, особо-придуманными способами начертанія, отмѣчается при совмѣстимыхъ съ нимъ согласныхъ *л*, *н*, *д* и *т*. То же дѣлается и при смягченіи прочихъ гласныхъ звуковъ, когда требуется произнести *ьо*, *ье* и *ьи*. Что жъ касается до тѣхъ случаевъ, когда *я* и *ю* должно произносить, ка́къ мы произносимъ ихъ въ «чистомъ» видѣ, т. е. съ придыханіемъ *й*, то въ системѣ Вуковой принято передъ пятью основными гласными знаками ставить латинскую букву *ј*, которая и превращаетъ *ја* въ *я*, *ју* въ *ю*; наприм. *јаворъ* чит. *яворъ*, *јунак* чит. *юнакъ*. Въ слѣдствіе того, и *е* пишется чрезъ *је*, когда должно быть произносимо съ придыханіемъ *й*, наприм. *једва* чит. *едва*, *сујета* чит. *суета* и т. п.; въ противномъ же случаѣ, просто черезъ *е*, напримѣръ *ево* чит. *эво*. Все это, кромѣ предотвращенія неопредѣленности въ произношеніи буквъ, весьма много способствуетъ къ упрощенію грамматическихъ правилъ измѣненія словъ при склоненіяхъ и спряженіяхъ. Пояснимъ это примѣрами изъ собственнаго нашего языка. При употребленіи буквъ *я* и *ю*, мы принуждены принимать особыя правила склоненія для именъ, кончащихся на *ъ* и на *ь*, и какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ спряженіяхъ, допускать исключенія изъ общихъ законовъ вездѣ, гдѣ встрѣчается придыханіе *й* явно, или скрытно въ буквахъ *я*, *ю* и *е*. Такъ, напримѣръ, въ нашихъ грамматикахъ говорится, что *законъ* склоняется *закона*, *закону*, *закономъ*, *законы*, *законами*, а *конь—коня*, *коню*, *конемъ* *кони*, *конями*; при системѣ правописанія Вукова, тутъ не потребовалось-бы никакихъ оговорокъ и различеній; ибо и *конь* склонялся бы совершенно какъ *законъ*: *конъа*, *конъу*, *конъомъ*, *конъы*, *конъами* и т. д.»

Нѣкоторыя наблюденія и мысли, высказанныя въ сферѣ изученія живого русскаго говора Надеждинымъ, позднѣе были развиты въ статьѣ акад. О. Н. Бетлинга (Otto Böhtlingk, род. 1815 г.), извѣстнаго оріенталиста: *Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ*. Уч. Зап. Ак. Н., по I и III отд., I, Спб., 1852, стр. 58—124 (первоначально—въ Bulletin de la classe des sciences hist., phil. et polit. de l'Acad. Imper. des Sciences de St-Petersb., IX, 1851). Статья любопытна, впрочемъ, и сама по себѣ.

«Изслѣдованія» Бетлинга касаются исключительно фонетики русскаго языка, и въ этомъ отношеніи представляютъ большой интересъ. Оспаривая мнѣнія прежнихъ филологовъ, особенно Павскаго, изслѣдователь высказываетъ немало новыхъ взглядовъ, болѣе научныхъ. «Не разъ увѣряли, замѣчаетъ изслѣдователь, что въ русскомъ языкѣ для каждаго звука есть особенный знакъ... Но разсматривая русскій алфавитъ безъ предубѣжденій, всякій замѣтитъ, что въ немъ одинъ знакъ (ъ) стоитъ безъ вся-

каго фонетическаго значенія, другой (ъ) не имѣетъ его самъ по себѣ, а означаетъ только особенный выговоръ предыдущей согласной, и, наконецъ, нѣсколько знаковъ имѣютъ разное значеніе, смотря по тому, употребляются ли они въ началѣ слога, или послѣ согласной. Эти двусмысленныя буквы суть: *и, я, ю, ѣ* и *е* (*ё*)»... Разсматривая вопросъ, насколько точно русская графика отвѣчаетъ русской фонетикѣ, Бетлингъ приходитъ къ выводу, что «русскій алфавитъ въ отношеніи къ гласнымъ звукамъ имѣетъ слишкомъ много буквъ, а въ отношеніи къ согласнымъ слишкомъ мало». Изслѣдователь представляетъ собственную систему звуковъ русскаго языка,—съ цѣлью удобнѣйшаго его теоретическаго изученія, и присоединяетъ къ системѣ подробныя замѣчанія. Въ этихъ замѣчаніяхъ и во всей статьѣ изслѣдователь указываетъ весьма важный фактъ нашей фонетики, который, какъ мы видѣли, впервые былъ отмѣченъ Надеждинымъ,—что такъ наз. мягкія согласныя *и, я, ю, ѣ, е* (*ё*) въ сущности не составляютъ самостоятельныхъ звуковъ, и что когда онѣ слѣдуютъ непосредственно за согласной, то собственно смягчается она, и вмѣсто этихъ гласныхъ должны бы стоять твердыя,—что «въ русскомъ языкѣ нѣтъ мягкихъ гласныхъ, какъ понимаютъ ихъ грамматики»; особенность русскаго, какъ и другихъ славянскихъ языковъ, состоитъ въ смягченіи не гласной, а согласной,—согласныя выговариваются то твердо, то смягченно, а гласная въ обоихъ случаяхъ остается одинакова»... «Много упрощивается склоненіе, прибавляетъ изслѣдователь, когда вмѣсто такъ называемыхъ мягкихъ гласныхъ ставятся простыя, а смягченіе переносится на согласныя»,—мысль, которая именно и отмѣчалась Надеждинымъ... Во второй статьѣ: «О вліяніи смягченной согласной на предыдущую гласную» авторъ подробнѣе развиваетъ отдѣльныя мысли. Авторъ доказываетъ здѣсь, что «смягченною согласною видоизмѣняется не слѣдующая гласная, а предыдущая», и что «если надобно допустить мягкія гласныя, то на это названіе несравненно болѣе имѣетъ права предыдущая, чѣмъ слѣдующая гласная». Для доказательства авторъ останавливается сначала на «такой гласной, въ которой видоизмѣненіе звука отъ этого вліянія яснѣе, чѣмъ во всякой другой», именно на выговорѣ *ѣ* и *е*. Приведя подобные примѣры, какъ:

вѣкомъ—вѣки, пеку —пеки,
лѣта— лѣтѣ, летать —летѣть и др.,—

онъ замѣчаетъ: «при нѣкоторомъ вниманіи читатель тотчасъ замѣтитъ, что *ѣ* въ первомъ и *е* въ третьемъ столбцѣ выговариваются какъ *а*, т. е. ближе къ *а*, а во второмъ и четвертомъ столбцахъ—какъ *е*, ближе къ *і*. И эта разница, какъ всякій можетъ убѣдиться изъ приведенныхъ примѣровъ, вовсе не зависитъ отъ предыдущей согласной, ни отъ слѣдующей гласной; потому что какъ *а*, такъ и *е* встрѣчаются и въ замкнутыхъ конечныхъ слогахъ, гдѣ не имѣютъ послѣ себя гласной, напр. въ словахъ *мѣлъ* и *мѣль*. Всякій согласится, что различіе выговора зависитъ здѣсь прямо отъ слѣдующей согласной, именно отъ того, что въ первомъ и третьемъ столбцахъ за гласными *ѣ* и *е* слѣдуютъ несмягченныя согласныя (*к, т*,

и т. д.), а во второмъ и четвертомъ — смягченныя (*к'*, *т'*; и т. д.). Так. образ. является слѣдующій законъ русской фонетики: звукъ *ӑ* бываетъ только на концѣ словъ и предъ согласною несмягченною, звукъ *е*—только предъ смягченною». Изслѣдователь приводитъ далѣе аналогіи такого-же вліянія смягченныхъ согласныхъ на предыдущую гласную и въ языкахъ родственныхъ, въ польскомъ и чешскомъ. «Смягченныя согласныя,—продолжаетъ онъ далѣе,—оказываютъ свое дѣйствіе не только на *е*, *ѣ* и *э*, но и на другія предшествующія имъ гласныя. Буква *а* въ словѣ *бани* выговаривается мягче, чѣмъ въ словѣ *бабы*, среднее *о* мягче въ *мололи*, чѣмъ въ *мелола*, такое же различіе замѣтно въ выговорѣ *ы* въ формахъ *мыла* и *мыли*, въ выговорѣ *і* въ формахъ *била* и *били*, и наконецъ въ выговорѣ *у* въ формахъ *дула* и *дули*. Кому измѣняетъ слухъ—прибавляетъ онъ—пусть тотъ замѣтитъ положеніе рта при выговорѣ: оно весьма значительно измѣняется при выговорѣ одного и того же слога (*ба*, *ло*, *мы*, *би*, *ду*), смотря по тому, какая слѣдуетъ за нимъ согласная, смягченная или не смягченная».—Три дальнѣйшихъ статьи «изслѣдованій» Бетлинга, касаясь частныхъ, спеціальныхъ вопросовъ русской фонетики, главнымъ образомъ направлены противъ различныхъ положеній Павскаго въ его «Филол. Наблюденіяхъ».

Замѣчательнѣйшимъ трудомъ по исторіи русскаго языка изъ наиболѣе раннихъ была книжка Срезневскаго: *Мысли объ исторіи русскаго языка (Спб., 1849)*. Трудъ этотъ и до сего времени не утратилъ вполнѣ своего значенія. Вотъ послѣдовательный ходъ «мыслей» изслѣдователя:

I. У каждаго образованнаго народа должна быть своя народная наука. Главная обязанность ея—изслѣдовать свой собственный народъ, его народность, его прошлую исторію, прошлую культуру... Всего болѣе народъ выражаетъ самъ себя въ своемъ языкѣ: народъ и языкъ—одинъ безъ другого не мыслимы. Поэтому изслѣдованія о родномъ языкѣ должны занять въ народной наукѣ первое или по крайней мѣрѣ видное мѣсто. Но языкъ народа, связанный неразрывно съ самимъ народомъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ переживаетъ и его исторію, его историческія судьбы: исторія народа отражается въ его языкѣ, создавая исторію языка. Для основательнаго изученія языка—необходимо изученіе и его исторіи, необходимо его изученіе историческое.

II. Первоначальное образованіе языковъ—тайна, которая вскрывается очень медленно, болѣе угадывается, чѣмъ сознательно постигается изысканіями. Языкъ въ первомъ началѣ своемъ есть собраніе звуковъ безъ всякаго внутренняго строя. «Каждое слово стоитъ въ языкѣ отдѣльно; каждое слово есть само себѣ корень, несродный съ другими. Слова коротки и не подлежатъ измѣненіямъ. Порядокъ ихъ во фразахъ случаенъ. Темно, неопредѣленно, безотчетно выражаетъ языкъ жизнь и мысль народа, столь же темную, неопредѣленную, безотчетную. Одно и то же слово есть названіе и предмета, и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, ими производимаго въ умѣ, точно также какъ и въ умѣ народа все это остается неотдѣленнымъ». Впрочемъ, и въ этомъ

хаосѣ есть уже начала, зародышъ жизни, и въ немъ совершается развитіе. Одинъ звукъ разлагается на нѣсколько, прежнія слова (корни) умножаются новыми. Фантазія младенчествующаго народа придаетъ новыя силы возникающему языку, управляя словами его, какъ символами понятій. Присоединившись разъ къ языку, она уже не оставляетъ его во всей исторіи его развитія, продолжая увеличивать, распространять смыслъ и значеніе словъ. Число понятій народа постепенно умножается,—въ умѣ народа они слагаются и разлагаются; сложеніе и разложеніе понятій отражается въ языкѣ сложеніемъ и разложеніемъ словъ. «Слова отдѣляются отъ корней: корень слова, бывшій доселѣ словомъ, можетъ и остаться словомъ; но кромѣ словъ-корней являются во множествѣ слова не-корни, образованныя изъ разныхъ корней, слова опредѣленныя формально... Съ этой поры въ языкѣ является производительность, столь же разнообразная, сколько и сильная»... Въ языкѣ возникаютъ и развиваются его формы... Время развитія формъ языка составляетъ первый періодъ его исторіи. Этотъ періодъ долгъ, для иныхъ языковъ почти нескончаемъ; тѣмъ не менѣе онъ есть только первый; за нимъ долженъ послѣдовать второй. «Этотъ второй есть періодъ превращеній. Не всегда онъ начинается тогда, когда уже совершенно оконченъ первый: онъ можетъ начаться и гораздо ранѣе, такъ что начало его совьется въ двойную нить съ продолженіемъ перваго; но, рѣшительно отличный отъ перваго по основному началу, въ немъ господствующему, онъ всегда можетъ быть отличонъ отъ перваго. Съ самаго начала этого періода прежняя стройность формъ языка разстраивается; новая стройность касается не формъ, а самой матеріи, не матеріи языка, а мыслей, имъ выражаемыхъ. Все равно помощію той или другой формы, лишь бы выразилъ языкъ то, что онъ долженъ выразить. Въ народѣ остается надолго стремленіе поддерживать прежнюю формальную самостоятельность языка; но тѣ или другія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, потрясаютъ ее все болѣе. Связи народа промышленныя, умственныя, политическія, религіозныя, кровно-родственныя съ другими народами: это самое важное изъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Мысль о ненадобности грамматическихъ формъ, о возможности обойтись безъ нихъ, начинающая свое дѣйствіе смѣшеніемъ формъ, и доходящая постепенно до почти полнаго ихъ отрѣшенія и забвенія, мысль нерѣдко зависящая отъ трудности управиться съ богатствомъ и разнообразіемъ формъ, эта мысль есть самое важное обстоятельство внутреннее. Эта мысль и зараждается и крѣпнетъ въ умѣ народа безъ всякой зависимости отъ его сознанія, часто наперекоръ ему, безотчетно и непроизвольно; но крѣпнетъ по времени все болѣе, все болѣе получаетъ силу закона. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія дѣйствуютъ на языкъ заодно,—и измѣняютъ языкъ иногда до того, что онъ возвращается, во внѣшнемъ своемъ видѣ, къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ былъ сначала. Онъ уже, конечно, не тотъ, но почти таковъ же по своей безсвязности, по раздѣльности своихъ составныхъ частей, и можетъ начать сызнова путь своего развитія... Впрочемъ, только во внѣшнемъ своемъ видѣ: по со-

держанію, если только народъ не огрубѣетъ, отрекшись отъ просвѣщенія, онъ можетъ остаться вполнѣ выразительнымъ, богатымъ и сильнымъ орудіемъ мысли»... Таковъ въ языкѣ второй періодъ его жизни—періодъ превращеній. Все это можетъ идти въ разныхъ языкахъ до нѣкоторой степени различно и доходить не къ совершенно одному и тому же концу; но направленіе всегда одно и то же: сначала накопленіе корней, словъ, постепенное образованіе формъ, затѣмъ превращеніе, ослабленіе послѣднихъ...—Каждый народъ начинаетъ свою культуру не вполнѣ самостоятельно: долгое время онъ живетъ общею жизнью всего своего племени, прежде чѣмъ начнетъ свою собственную единичную исторію; въ послѣднюю привноситъ уже много такого, что принадлежало общему умственному запасу прежней племенной жизни. Языкъ извѣстнаго народа не принадлежитъ ему вполнѣ своимъ развитіемъ: корни его теряются въ прежнемъ общемъ языкѣ всего племени. «Только со времени отдѣленія отъ племени своего, народъ начинаетъ свою отдѣльную жизнь, но не съ самаго начала, а продолжая жизнь прежде уже бывшую, и отражаетъ ее въ языкѣ уже готовомъ къ этому, уже до нѣкоторой степени образованномъ»... Поэтому здѣсь передъ изслѣдователемъ прежде всего возникаетъ два вопроса: Во первыхъ,—что̀ былъ языкъ народа въ то время, когда народъ, какъ часть племени, отдѣлился сначала вмѣстѣ со всѣмъ племенемъ своимъ отъ семьи племенъ, и потомъ когда, какъ отдѣльный народъ, отдѣлился отъ другихъ народовъ своего племени? Во вторыхъ,—ка̀къ постепенно измѣнялся языкъ въ народѣ, примѣняясь къ его собственному положенію, къ его личной народности, къ успѣхамъ его образованности, внѣшней и внутренней, ка̀къ сохранялъ и распространялъ ее?—Оба вопроса только двѣ половины одной и той же задачи.

III. Русскій народъ, принадлежа прежде всего къ племенамъ славянскимъ, вмѣстѣ съ ними принадлежитъ къ общей отрасли народовъ индо-европейскихъ. «Что̀ былъ языкъ русскій въ то время, когда онъ только что отдѣлился—прежде какъ мѣстная доля языка, общаго всѣмъ славянамъ, отъ языковъ другихъ племенъ индо-европейскихъ,—а потомъ какъ одно изъ нарѣчій славянскихъ, отъ другихъ нарѣчій своего племени?»—вотъ первый вопросъ, который предлежитъ историку русскаго языка. Не останавливаясь на рѣшеніи первой половины вопроса, Срезневскій непосредственно переходитъ къ его второй части, и указываетъ черты древнѣйшаго русскаго языка въ ту пору его исторіи, когда онъ только что выдѣлился изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ русскаго народа. Вотъ главныя черты русскаго языка въ эту отдаленную эпоху:

Между звуками гласными въ немъ рѣзко отличались широкіе и тонкіе, чистые или полные и глухіе (ъ и ь). Послѣдніе (ъ и ь), впрочемъ, не были исключительной принадлежностью одного русскаго языка; глухіе гласные звуки были «древней коренной принадлежностью звучности языка всѣхъ славянъ». Присматриваясь къ правильности соотвѣтствія гласныхъ глу-

хихъ съ гласными чистыми, въ каждомъ изъ нарѣчій славянскихъ, отдѣльно и во всѣхъ вмѣстѣ, нельзя не видѣть, что не глухіе произошли изъ чистыхъ, а чистые изъ глухихъ, и что отъ этого одинъ и тотъ же глухой звукъ измѣнялся, сообразно съ мѣстными требованіями звучности, въ различные чистые; напр. вмѣсто древняго *тръгъ* стали говорить *торг*, *тарг*, *терг* и т. д. Что касается до гласныхъ носовыхъ (Ѫ и Ѧ), то хотя ихъ выговоръ и утратился, вѣроятно, съ самаго начала отдѣленія русскаго языка отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, но сознаніе ихъ кореннаго значенія, отличнаго отъ значенія тѣхъ гласныхъ чистыхъ (*у* и *а*), звуки которыхъ они приняли, оставалось еще долго: и въ новомъ своемъ видѣ они сохранили свою характеристическую особенность превращаться въ согласные *м* и *н* (*дути—дъму*, *жати—жьну* и т. д.). Къ числу особенностей древней звучности русскаго языка нельзя не причислить стремленія къ перемѣнѣ кореннаго *е* въ *о* въ началѣ словъ (*одинъ*, *олень*) и къ перемѣнѣ *ѣ* и *а*, послѣ *р* и *л*, при соединеніи съ другой согласной, въ два *о* или два *е* (*берегъ*, *серебро*, *ворогъ*, *поровъ* и т. п.). Какъ быстро проникло въ языкъ это стремленіе, рѣшить трудно; можно, впрочемъ, думать, что хотя оно и обнаружилось съ рѣшительною силою при началѣ отдѣленія русскаго языка отъ другихъ нарѣчій, однако не разомъ разошлось по всему составу языка, и потому могло не тронуть нѣкоторыхъ корней, оставивши ихъ при прежнемъ, обще-славянскомъ ихъ произношеніи (*блѣдьнъ*, *плѣсти*, *слѣпъ*, *слѣдъ*, *хлѣбъ*, *трава* и мн. др.). Гласные звуки долгіе и короткіе не смѣшивались одни съ другими; оттѣняя смыслъ рѣчи тѣ и другіе употреблялись отдѣльно по своему, и долгота гласнаго звука отличалась отъ ударенія, съ которымъ смѣшалась впослѣдствіи. Звуки согласные удерживали правильно свою твердость и столь же правильно смягчались. Древняя переходная смягчаемость (*г*—въ *ж*, *з*, *к*—въ *ч* и т. д.) не была смѣшиваема съ смягчаемостью непосредственною (*лъ* въ *ль*, *дъ—дь* и т. д.). Прилагательныя и причастія краткія удерживали склоненіе существительное (*чистъ*, *чиста*, *чисту*, *чистомь*, *чистѣ*,—*веды*, *ведуча*, *ведучу* и т. д.), между тѣмъ какъ полные удерживали свое особенное (*чистыи*, *чистаaго*, *чистуўму*, *чистымь*, *чистѣемь*,—*ведый*, *ведучаaго* и т. д.), а мѣстоименія свое отдѣльное (*тъ*, *того*, *тому*, *томь* и пр.). Неопредѣленное наклоненіе имѣло двѣ формы: на *и* и на *ъ* или *ь* (*нест-и*, *нест-ъ*; *печи*, *печь*). Особенную опредѣленность выраженіямъ придавало употребленіе падежей, изъ которыхъ ни одинъ не требовалъ передъ собою предлога непремѣнно, и между тѣмъ каждый могъ съ нимъ соединяться: понятіе принадлежности выражалось родительнымъ и дательнымъ (*рабъ господа*, *кънѧзь Кыеву*), орудіе—родительнымъ, дательнымъ, творительнымъ (*плънъ духа*, *бысть чуду*, *клънеться небомъ*), время—винительнымъ, творительнымъ, предложнымъ (*зимусь*, *зимою*, *зимѣ*), мѣсто—дательнымъ и предложнымъ (*идеть Кыеву*, *бысть Кыевѣ*).

IV. Таковы главныя отличительныя черты древнѣйшаго русскаго языка... Какова же была дальнѣйшая судьба этихъ особенностей,—какова была дальнѣйшая исторія русскаго языка? «Какъ языкъ русскій измѣнялся

съ тѣхъ поръ, какъ народъ русскій занялъ свое опредѣленное мѣсто между народами Европы? Какимъ путемъ достигъ своего нынѣшняго положенія подъ вліяніемъ своебытной дѣятельности духа русскаго народа и подъ вліяніемъ обстоятельствъ внѣшнихъ?»—Въ рѣшеніи этого вопроса состоитъ задача исторіи русскаго языка. Задача—безъ сомнѣнія трудная, но она еще болѣе усложняется со введеніемъ у русскихъ письменности. Языкъ священныхъ книгъ, столь близкій къ народной рѣчи вначалѣ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе удалялся отъ нея и наконецъ совершенно отдѣлился. Въ русскомъ языкѣ образовалось какъ бы два отдѣльныя нарѣчія: языкъ книжный, письменный, и языкъ простонародный, языкъ живой устной рѣчи. Причина такого явленія была понятна: она заключалась, съ одной стороны, въ естественной необходимой жизненности устнаго языка, въ его постоянномъ развитіи, съ другой—въ неподвижности, мертвенности языка церкви: какимъ бы измѣненіямъ ни подвергался въ своемъ теченіи языкъ народа—языкъ церковныхъ книгъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, оставаться тѣмъ же самымъ, какимъ былъ сначала. Изъ церкви онъ перешелъ въ науку, стоявшую подъ покровительствомъ церкви, и сдѣлался языкомъ литературнымъ, языкомъ образованныхъ, книжныхъ людей. Правда, здѣсь онъ не могъ не подвергнуться вліянію живой народной рѣчи; но въ принципѣ онъ очень долго чуждался ея и шелъ совершенно особой дорогой, предпочитая часто прямыя заимствованія изъ иностранныхъ языковъ—обращенію къ родному источнику. Обѣ эти вѣтви одного языка въ своемъ развитіи шли отдѣльно; не должна ихъ смѣшивать и исторія языка.

V. Что народный русскій языкъ теперь далеко не тотъ, какимъ былъ въ древности, это достаточно видно изъ разнообразія его нынѣшнихъ мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ; такого разнообразія, конечно, никакъ нельзя предполагать для языка древняго. При всей внутренней близости, каждое изъ этихъ нарѣчій имѣло и свои отличія: у каждаго изъ нихъ была своя собственная судьба, болѣе или менѣе отличная отъ судьбы другихъ. Каждое нарѣчіе отличалось отъ другихъ не только особенными словами и выраженіями, но и формами образованія, измѣненія и сочетанія словъ, болѣе всего, впрочемъ, выговоромъ, и народный говоръ отъ другихъ близкихъ почти исключительно однимъ выговоромъ. Въ русскомъ языкѣ только два главныхъ нарѣчія: великорусское и малорусское; бѣлорусское можно присоединить къ великорусскому: рѣзкой границы между этими нарѣчіями провести нельзя. Отличительными признаками малорусскаго нарѣчія можно считать главнымъ образомъ сжатость выговора согласныхъ твердыхъ и переходъ разныхъ гласныхъ широкихъ изъ кореннаго звука въ другой (*говориу, поуный; мило, мыло; лисъ, лысъ; биъ* (*богъ*), *буг, бјуг* и т. п.). Кромѣ этого въ малорусскомъ нарѣчіи нужно отмѣтить бо́льшее сохраненіе переходной смягчаемости согласныхъ (*на рици, на порози*) и сохраненіе коренныхъ *ы* и *о*, которые въ великорусскомъ въ иныхъ случаяхъ переходятъ въ *о* и *е* (*крыю, крый—крою, крой; лити, лій—*

лей и т. п.) Наконецъ въ немъ сохранились нѣкоторыя древнія формы склоненія (наприм., зват. п: *сестронько, козаче, братику*) и спряженіе будущаго сложнаго съ гл. *иму—имешь* (*знат иму, знат имешь, знат иметь* и т. д. Измѣненіе *ѣ* въ *и* Срезневскій не считаетъ особенностью малорусскаго нарѣчія: «это повторяется и въ говорахъ великорусскихъ».—Вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ языка на мѣстныя нарѣчія идетъ и его общее постепенное удаленіе отъ первоначальнаго его вида на всемъ пространствѣ. Разбиваясь все болѣе и болѣе на мѣстныя нарѣчія и говоры, русскій языкъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялся и въ своемъ общемъ составѣ. Идя путемъ превращеній, древній русскій языкъ всюду терялъ, хотя не всюду въ одно и тоже время, свои древнія формы и слова, и вмѣсто ветшающихъ принималъ новыя, хотя и не всюду совершенно одни и тѣ же, но всюду сходныя, и въ этомъ ходѣ превращеній зависѣлъ не отъ мѣстныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ образовывались нарѣчія, а отъ общихъ законовъ измѣняемости языковъ. На каждомъ изъ нарѣчій отпечатлѣлся общій ходъ измѣненій языка,—но только отчасти; и такъ, что многое, что было въ языкѣ прежде, не сохранилось ни въ одномъ изъ нихъ». Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи исторія русскаго языка, сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями, представляла слѣдующіе основные факты. Въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій—измѣнялась постепенно вся система звуковъ гласныхъ. Одни изъ нихъ (носовые Ѫ и Ѧ, глухіе ъ и ь, широкое *ы*) постепенно выходили изъ употребленія, сначала ограничивая кругъ своего значенія, а потомъ и вовсе пропадая; вмѣстѣ съ этимъ являлись другіе звуки вновь (двугласные и средніе), все болѣе умножаясь числомъ и расширяя кругъ значенія. Удаленіе гласныхъ звуковъ отъ первоначальнаго своего значенія выразилось переходомъ ихъ однихъ въ другіе, превращеніемъ въ согласные, выпущеніемъ изъ словъ и приставкою къ словамъ, гдѣ ихъ требуетъ не смыслъ, а понятіе народа о гармоніи или нужда облегчить выговоръ слова. Кромѣ всего этого, звуки гласные долгіе тратили свой характеръ, смѣшивались съ удареніемъ; ударенія тоже теряли свое прежнее значеніе, подчиняясь условіямъ внѣшнимъ, независимымъ отъ значенія слова... Подобныя же превращенія происходили и въ системѣ звуковъ согласныхъ: одни изъ согласныхъ пропадали, другіе вновь появлялись, пропадали болѣе согласные простые, появлялись вновь согласные сложные и средніе; терялось равновѣсіе между согласными твердыми и мягкими; въ употребленіи согласныхъ мягкихъ смѣшивались взаимно двѣ различныя формы смягченія; нѣкоторыя изъ согласныхъ стали употребляться какъ евфоническія придыханія къ гласнымъ все чаще... Формы словообразованія и словоизмѣненія тратили постепенно свой видъ, значеніе и употребленіе. Видъ этихъ формъ измѣнялся отъ произношенія, въ однихъ случаяхъ сокращался, въ другихъ растягивался. Значеніе формъ измѣнялось такъ, что слова, уже опредѣленныя какою нибудь формою, для того, чтобы сохранить свою прежнюю опредѣленность, принимали къ прежней формѣ еще другую: слова опредѣленныя безъ

члена стали требовать члена; падежъ, ясно выражавшій свое значеніе безъ предлога, сталъ требовать предлога и т. п. Употребленіе нѣкоторыхъ формъ все болѣе тратилось: вездѣ утрачивались постепенно прилагательныя опредѣленныя, неокончательное достигательное, нѣкоторые изъ падежей во многихъ нарѣчіяхъ простыя прошедшія, двойственное число; мѣсто причастій стали заступать вновь явившіяся дѣепричастія и т. д... Столь же значительныя потери въ отношеніи къ опредѣленности формъ потерпѣли славянскія нарѣчія и въ формѣ словосочиненія. Между явленіями, происшедшими вслѣдствіе превращенія древняго строя, особенно замѣчательны: опущеніе управляющихъ глаголовъ, необходимость сочетанія падежей съ предлогами, потеря падежей самостоятельныхъ.—Составъ всѣхъ нарѣчій славянскихъ въ томъ числѣ и русскаго языка, измѣнялся постепенно все болѣе—съ одной стороны отъ утраты старыхъ корней и отъ замѣненія словъ, произведенныхъ отъ нихъ, новыми словами, произведенными отъ корней, болѣе обычныхъ,—съ другой стороны, отъ заимствованій изъ языковъ иностранныхъ. Утраты, впрочемъ, вовсе не были такъ велики, какъ можно думать, не обращая вниманія на богатства народнаго языка. Съ другой стороны, и словъ иностранныхъ, заимствованныхъ, было въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ какъ представляется это нѣкоторымъ. Возвращаясь отъ современнаго состоянія языка все далѣе назадъ въ вѣка минувшіе, наблюдатель видитъ въ немъ тѣмъ менѣе признаковъ превращенія, чѣмъ онъ древнѣе. Въ первыя времена отдѣленія нарѣчій славянскихъ этихъ признаковъ было мало, съ тѣмъ вмѣстѣ мало было и чертъ различія между нарѣчіями. Еще одинъ шагъ назадъ, и всѣ нарѣчія не могутъ не представляться наблюдателю однимъ нераздѣльнымъ языкомъ...

VI. Къ этой отдаленной порѣ, когда славянскія нарѣчія отличались одно отъ другого еще очень немногимъ, принадлежатъ первые памятники славянской письменности и первое начало образованія книжнаго языка. На почвѣ взаимной близости славянскихъ нарѣчій, переводъ св. Писанія, совершенный св. Кирилломъ и Меѳодіемъ—сталъ общимъ достояніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Легче всего могъ утвердиться этотъ старо-славянскій переводъ въ русской письменности, такъ какъ «русскій языкъ къ старо-славянскому нарѣчію былъ гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій славянскихъ и по составу, и по строю». Вотъ почему такъ тѣсно слились эти элементы. Нѣкоторыя уклоненія отъ правилъ обще-славянскаго языка, принесенныя къ намъ вмѣстѣ съ переводной письменностью,—положили первое начало отдѣленію языка письменнаго, литературнаго, отъ языка народнаго. Введеніе въ языкъ письменности словъ чисто греческихъ или буквально переведенныхъ—для выраженія новыхъ понятій христіанства и образованности—еще болѣе увеличили эту рознь. Впрочемъ, пока въ языкѣ народа сохранялись древнія формы, до тѣхъ поръ языкъ книжный не представлялъ еще рѣзкихъ различій съ живымъ, устнымъ: рѣшительное отдѣленіе между тѣмъ и другимъ

началось съ того момента, когда древнія формы языка стали рушиться въ живомъ говорѣ, когда въ народномъ языкѣ начался періодъ превращеній. Народный языкъ на всемъ своемъ пространствѣ сталъ измѣняться, разнообразясь по различнымъ мѣстностямъ, выдѣляя изъ себя нарѣчія и говоры; между тѣмъ языкъ книгъ, языкъ церкви, оставался чуждымъ этому общему движенію, совершавшемуся вокругъ него,—постепенно застывая, пока окончательно не окаменѣлъ. «Прочное начало образованію книжнаго языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV в., когда русскій народный языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. До XIII в. языкъ собствено книжный—языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи—былъ одинъ и тотъ же, до того, что и *Слово* Луки Жидяты и *Поученіе* Иларіона, и *Русскую правду*, и *Духовную* Мономаха, и *Слово* Даніила Заточника, и *Слово о полку Игоревѣ*, и *грамоту* Мстислава Новгородскаго нѣкоторые позволяли себѣ считать написанными одинаково на нарѣчіи не русскомъ, а старо-славянскомъ... Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ элементъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлить»... Такъ въ своемъ постепенномъ развитіи, литературный языкъ окончательно отдѣлился отъ народнаго; между языкомъ письменнымъ и живымъ говоромъ народа порвалась тѣсная связь,—только изрѣдка, и то ненарокомъ, случайно, по забывчивости писца, живая рѣчь иногда пробивалась въ книгу... Это былъ первый періодъ въ исторіи литературнаго языка; прежде окончанія этого періода въ его развитіи начался второй періодъ, періодъ его возвратнаго сближенія съ языкомъ народнымъ,—періодъ, продолжающійся до настоящаго времени...

VII. Съ исторіею и судьбою языка тѣсно связывается и судьба литературы... «Тѣ же періоды, которые рѣзко отдѣляются въ исторіи русскаго языка, нельзя не отдѣлить и въ исторіи русской литературы. Періоду образованія русскаго народнаго языка въ его древнемъ, первоначальномъ видѣ соотвѣтствуетъ періодъ первоначальнаго образованія народной словесности; періоду отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго соотвѣтствуетъ періодъ отдѣленія книжной литературы отъ народной словесности; а періоду возвратнаго сближенія книжнаго языка съ народнымъ—періодъ сближенія книжной литературы съ народной словесностью»...

«Мысли» Срезневскаго сдѣлались программой для дальнѣйшихъ трудовъ по историческому изученію русскаго языка,—не выполненной и до сихъ поръ...

Болѣе поздними статьями и изслѣдованіями Срезневскаго въ области русскаго языка и его исторіи были:

— Договоры съ греками. Извѣстія II отд. И. Ак. Н., III, 1854, 257—295.

— Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей. ib., III, 145—164. 177—187. 235—248.

— Слова Григорія Богослова. Чтеніе и объясненіе X-го слова. ib., IV, 1855, 294—312.

— О древнемъ русскомъ языкѣ. ib., V, 1856, 65—70.

— О первоначальномъ курсѣ русскаго языка. ib., VII, 1857 г., 374—387. VIII (1859—1860), 131—143.

— Русское населеніе степей и пр. ib., VIII, 313—320.

— Грамота в. к. Мстислава и Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года, съ приложеніемъ двухъ другихъ грамотъ кн. Всеволода и извѣстій о Юрьевскомъ Евангеліи 1120—1128 гг. ib., VIII, 337—360.

— Замѣтки по поводу мнѣній Я. Гримма о словарѣ, ib., VIII, 214—217.

— Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. ib., IX, 1860—1861, 1—51. 273—332.

— Новый пространный словарь француз. языка. ib., IX, 80—93.

— Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV в.). Общее повременное обозрѣніе и дополненія, съ палеографическими указаніями, выписками и указателемъ. X (1861—1863), 1—36. 81—109. 161—234. 273—373. 417—583. 595—704. 705—753. Отдѣльное изданіе, Спб., 1863; новое изданіе, безъ выписокъ изъ памятниковъ,—Спб., 1882.

Съ «Мыслями объ исторіи русскаго языка» Срезневскаго тѣсно связано изслѣдованіе П. А. Лавровскаго: *О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей (1852).* Изслѣдованіе является непосредственнымъ дополненіемъ къ «Мыслямъ». Основной взглядъ и выводы—тѣ же; но болѣе поздній изслѣдователь даетъ имъ новыя научныя основанія въ болѣе подробномъ, детальномъ изученіи памятниковъ.

Авторъ начинаетъ съ вопроса о древнихъ русскихъ нарѣчіяхъ. Останавливаясь на историческихъ обстоятельствахъ, содѣйствовавшихъ отдѣленію сѣверной Руси отъ южной, а вмѣстѣ и нарѣчія великорусскаго отъ малорусскаго, и указывая вмѣстѣ съ этимъ на отсутствіе въ спискахъ русскихъ лѣтописей XIV—XV ст. очевидныхъ признаковъ современнаго нарѣчія малорусскаго,—изслѣдователь приходитъ къ выводу, уже высказанному Срезневскимъ, что «русскій языкъ до XIII—XIV вѣка былъ одинъ, нераздѣльный», что «кромѣ мѣстныхъ отличій въ немъ вовсе не было замѣтно распаденія на отдѣльныя нарѣчія»... Повторяя слова Срезневскаго, изслѣдователь говоритъ: «Давни, но не испоконны черты, отдѣляющія одно отъ другого нарѣчія сѣверное и южное—великорусское и малорусское; и если трудно опредѣлить точно и положительно время перваго появленія этихъ чертъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно не восходитъ выше XIII—XIV столѣтія, что оно близко къ политическому отдѣленію южной Руси отъ сѣверной, и всеконечно, не мало зависитъ отъ послѣдняго»... Впрочемъ, прибавляетъ изслѣдователь, — «при всемъ единствѣ языка отечественнаго, обща-

го, до указанной эпохи, и для сѣвера и для юга, нельзя однакожъ не отличить въ немъ, уже и въ древности, оттѣнковъ, болѣе или менѣе отступающихъ отъ чертъ языка общаго и свидѣтельствующихъ о существованіи и въ древнее время говоровъ мѣстныхъ, областныхъ»... Изслѣдователь переходитъ далѣе къ опредѣленію отличительныхъ свойствъ древняго русскаго языка (т. е. языка до XIII—XIV ст.), опредѣленію свойствъ его фонетики, этимологіи и синтаксиса. Въ фонетикѣ эти свойства слѣдующія:

1) въ древне-славянскомъ языкѣ глухіе *ъ* и *ь* «были звуками гласными, отличавшимися отъ другихъ гласныхъ только своею неясностью, глухостью; съ этимъ же характеромъ жили онѣ въ устахъ и въ письменности народа русскаго приблизительно до второй половины XIV ст., оставаясь въ послѣдніе годы своей жизни преимущественно, а подъ конецъ и исключительно при звукахъ *л* и *р*, какъ имѣющихъ сродство, болѣе другихъ согласныхъ, съ звуками гласными. Съ остатней четвертью XIV вѣка, *ъ*—*ь* въ гражданской письменности потеряли совершенно свое гласное мѣсто, уступивъ его буквамъ *о* и *е*, и удержавшись сами единственно какъ значки для твердости и мягкости согласныхъ...»

2) Замѣтивъ, что «носовые звуки (Ѫ, Ѭ, Ѧ, Ѩ) составляли столь-же существенную принадлежность всего древняго языка славянскаго, какъ составляли они ее въ нарѣчіи старо-славянскомъ и составляютъ донынѣ въ нарѣчіи польскомъ»,— изслѣдователь послѣ нѣкоторыхъ соображеній, относительно собственно древняго русскаго языка, замѣчаетъ: «аналогія со всѣми слав. нарѣчіями и живущіе бѣдные остатки ринезма въ нынѣшнемъ языкѣ русскомъ (авторъ приводитъ такіе примѣры, какъ: *вымѧ—вымъня, имѧ—имъня, начѧти—начьнѫ, мѧсо—мънясо* и т. п.) едва ли не даютъ права положительно утверждать, что онъ въ одинаковой степени былъ собственностью нашего языка, какъ былъ ею и для другихъ славянъ. Различіе состоитъ только во времени потери этой собственности: въ остальныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ ринезмъ держался долго, оставшись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и донынѣ; на Руси онъ сталъ неизвѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ Русское Государство»...

3) Къ числу отличительныхъ чертъ древняго русскаго языка, общихъ церк.-славянскому и другимъ нарѣчіямъ славянскимъ, въ періодъ до XIV вѣка, принадлежитъ и твердость звуковъ гортанныхъ, совершенно измѣнившихъ характеръ свой въ современномъ русскомъ языкѣ. По мнѣнію изслѣдователя, начало потери переходной смягчаемости гортанныхъ замѣчается только съ конца XIII или начала XIV вѣка; оканчивается процессъ лишь къ самому концу XV в.

4) Что касается до шипящихъ: *ж, ч, ш, щ, ц*,—то «онѣ въ первыхъ памятникахъ письменности никогда не соединялись съ гласными широкими, требуя послѣ себя постоянно звуковъ *и, я, ю, ь* (*въспріяша, большюю, чюдный, чародѣйцю* и т. д.)».

5) Относительно полногласія изслѣдователь между прочимъ замѣчаетъ: «всѣ памятники русскіе, чѣмъ далѣе отстоятъ отъ нашего време-

нии, тѣмъ болѣе заключаютъ въ себѣ формъ полногласныхъ»... Вопросу этому Лавровскій позднѣе посвятилъ особое изслѣдованіе, — которое мы отмѣтимъ ниже.

Переходя отъ фонетики къ грамматическимъ формамъ древняго русскаго языка, изслѣдователь замѣчаетъ: «Въ словоизмѣненіи, въ склоненіи и спряженіи древній русскій языкъ представляетъ еще болѣе чертъ, отдаляющихъ его отъ языка позднѣйшаго и сближающихъ съ нарѣчіемъ старо-славянскимъ. Всѣ главныя свойства послѣдняго существуютъ и въ первомъ... Были, конечно, и особенности; но они «не выходили изъ предѣловъ существенныхъ свойствъ всего языка древне-славянскаго, ограничиваясь лишь немногими отступленіями, характеризующими мѣстность русской націи, отдѣльную отъ другихъ ея соплеменниковъ»... Изслѣдователь далѣе подробно характеризуетъ «отличительныя черты формъ грамматическихъ въ древнемъ языкѣ русскомъ» (стр. 56—99) и его синтаксическія особенности (стр. 99—114); не отмѣчаемъ этихъ особенностей. Общіе результаты своихъ изысканій изслѣдователь формулируетъ такъ: «Начало потерь въ языкѣ восходитъ къ до-исторической эпохѣ. Уже въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ нашей письменности, замѣчая полноту и богатство формъ, разнообразіе и опредѣленность въ звукахъ, мы не все, однакожь, видимъ изъ того, что, несомнѣнно, составляло его собственность когда-то, вмѣстѣ съ другими соплеменниками древнѣйшаго времени. Потери начались съ звуковъ, какъ и должно ожидать. Форма вкореняется глубже въ память народа, удерживается крѣпче въ его разговорѣ, менѣе подвергается вліянію чуждому, оттого и въ наше время слышатся еще нерѣдко такія формы, которыя давно погибли не только въ языкѣ литературы современной, но и въ памятникахъ XV, XVI и слѣдующихъ вѣковъ. Другое происходитъ съ звукомъ: завися гораздо болѣе отъ условій природы физической, отъ говора сосѣдей, онъ подлежитъ большимъ колебаніямъ, періоды его превращеній совершаются быстрѣе, и вотъ почему въ то время, когда всѣ древнѣйшія формы представляются въ полной еще жизни,—какъ въ памятникахъ славянскихъ XI—XII столѣтій, нѣкоторые изъ звуковъ потеряны уже окончательно; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не осталось и видимыхъ слѣдовъ въ письменности отечественной, такъ что невольно приходишь къ заключенію, что время погибели ихъ не принадлежитъ эпохѣ исторической. Сюда относятся звуки носовые, прежде всѣхъ другихъ свойствъ первобытнаго языка славянскаго изчезнувшіе въ языкѣ народа русскаго. Позже, но также давно, обнаружилось смѣшеніе звуковъ *ѣ* и *е*, такъ строго различаемыхъ въ памятникахъ литературы старо-славянской. Уже въ первыхъ годахъ XIII столѣтія мы встрѣчаемъ совершенное ихъ равенство, какъ напр. въ *грамотахъ смоленскихъ* (1229 г); это даетъ право заключать, что отсутствіе различенія обоихъ звуковъ утвердилось никакъ не позже XII вѣка. Непосредственно за смѣшеніемъ *ѣ* и *е* стало обнаруживаться колебаніе въ звукахъ глухихъ и гортанныхъ; первые слѣды потери глухихъ являются не ранѣе XIII столѣтія: ихъ превращеніе происходило быстро, такъ что къ концу

XIV столѣтія исчезли они вовсе. Медленнѣе совершалось измѣненіе древняго характера гортанныхъ, начавшееся въ одно время съ гласными глухими, но и онъ во второй половинѣ XV вѣка сдѣлался анахронизмомъ, могшимъ существовать только на письмѣ, будучи совершенно забытъ въ народѣ, а посредственная смягчаемость *г*, *к*, *х* не сознаваема была болѣе и въ первыхъ годахъ XV столѣтія. Изъ формъ прежде всего началась потеря достигательнаго вида, прошедшаго простаго и двойственнаго числа. Первые признаки погибели достигательнаго явились съ началомъ XIII вѣка, и съ его концомъ эта форма исчезла совершенно: 1300 годъ—послѣдній, въ которомъ однажды попадается *гонитъ* вм. позднѣйшаго неопредѣленнаго *гонити*. Раньше началось забвеніе прошедшаго простаго (съ XII вѣка), но за то нѣсколько долѣе оставалось въ памяти народной, хотя уже и рѣдко въ XIII—XIV столѣтіяхъ употреблялось въ письменности. Что касается до двойственнаго числа, то начатки неправильнаго употребленія его восходятъ къ концу XIII вѣка; но и послѣ, хотя безсознательно, формы его продолжали жить во весь XIV вѣкъ и даже XV. Современно съ двойственнымъ числомъ произошла потеря и древнихъ причастій неопредѣленныхъ, обратившихся въ дѣепричастія. Вотъ, въ немногихъ словахъ періоды превращенія главныхъ чертъ древняго языка отечественнаго, извлеченные изъ разсмотрѣнія памятниковъ сѣверной Россіи. Всматриваясь въ нихъ внимательно, нельзя не видѣть, что XIII—XIV столѣтія составляютъ приблизительно эпоху, въ которую по преимуществу происходили эти превращенія; что въ пространствѣ этого времени бо́льшая часть формъ обнаружила свои потери и окончательно совершила ихъ».... Дальнѣйшія двѣ части труда Лавровскаго посвящены характеристикѣ свойствъ языка «стариннаго рускаго»,—подъ которымъ изслѣдователь разумѣетъ «языкъ, образовавшійся послѣ забвенія формъ и оборотовъ древнихъ и господствовавшій въ произведеніяхъ письменности отечественной съ XV вѣка» (стр. 117—128), и характеристикѣ мѣстнаго нарѣчія новгородскаго (стр. 129—148).

Что касается до упомянутой спеціальной статьи Лавровскаго, посвященной вопросу о полногласіи (*О русскомъ полногласіи.* Матеріалы для слов. и грамматики, V, 1861, стр. 193—340), то статья эта хотя, вскорѣ по появленіи, и вызвала радикальное опроверженіе со стороны Потебни (*О полногласіи.* Филол. Зап., 1864, стр. 200—252), но позднѣе взглядъ Лавровскаго возобновленъ былъ Колосовымъ, по мнѣнію котораго, названная статья «составляетъ, безъ сомнѣнія, эпоху въ ходѣ разработки этого вопроса» (*Очеркъ звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XV ст.* Варшава, 1872, стр. 28).—Статья Лавровскаго распадается на три части: сначала авторъ разсматриваетъ слова, употребительныя въ рус. языкѣ въ формѣ полногласной, сравнивая ихъ съ соотвѣтствующими формами въ родственныхъ нарѣчіяхъ; затѣмъ переходитъ къ словамъ русск. языка, въ которыхъ, повидимому, также могло бы развиться полногласіе, и однакоже почему-то не развилось, наконецъ—останавливается на такихъ

словахъ, которыя имѣютъ какъ будто и полногласіе и форму сокращенную. Сравнивая слова, употребляемыя въ русскомъ языкѣ въ формѣ полногласной, съ соотвѣствующими въ нарѣчіяхъ сербскомъ, чешскомъ, польскомъ (онъ принимаетъ ихъ представителями всей совокупности слав. нарѣчій),—авторъ отмѣчаетъ прежде всего слѣдующее: Корни *ла—ра* удерживаются въ наибольшей половинѣ нарѣчій (болг., серб., чешс. и др.); въ русскомъ они переходятъ въ *оло—оро*; въ польскомъ въ *ло—ро*. Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія всѣ слав. нарѣчія распадаются на три части: въ одной господствуютъ *ла—ра*, въ другой *оло—оро*, въ третьей *ло—ро*. Что касается до слога *лѣ*, то въ рус. языкѣ не видно единства въ замѣнѣ буквы *ѣ*: при сочетаніи съ *л* она замѣняется въ немъ въ большей части случаевъ посредствомъ *оло*, съ *р* единственно посредствомъ *ере*. Вмѣстѣ съ русскимъ раздѣляетъ такое несоотвѣтствіе и нарѣчіе польское. Наконецъ, четвертый слогъ *рѣ* (съ предыдущею согласною) въ рус. языкѣ неизмѣнно раздвояется на *ере*; въ другихъ нарѣчіяхъ онъ или остается (=*ре*, въ сербскомъ), или замѣняетъ *е* гласными *і*, *о* (въ чешскомъ, польск.) Разсмотрѣвши полногласныя слова рус. языка, авторъ указываетъ при этомъ на связь удареній въ этихъ словахъ съ подобнымъ же явленіемъ въ соотвѣтствующихъ словахъ другихъ нарѣчій,—съ долготою чешскихъ словъ и съ признакомъ долготы сербскихъ. Затѣмъ авторъ обращается къ словамъ, которыя, повидимому, должны бы были имѣть въ русс. языкѣ форму полногласную и однако являются въ краткой (*глаголъ*, *хламъ* и др.), и сравниваетъ ихъ также съ соотвѣтствующими словами другихъ слав. нарѣчій. При самомъ бѣгломъ сравненіи этихъ словъ, невольно бросается въ глаза неизмѣняемость гласнаго звука послѣ *л* и *р*: во всѣхъ нарѣчіяхъ коренной звукъ *а* или *ѣ* (*ла*, *ра*; *лѣ*, *рѣ*) сохранился въ цѣлости. «Такая твердость гласной (замѣчаетъ авторъ), такая повсюдная одинаковость ея въ нарѣчіяхъ славянскихъ должны непремѣнно имѣть какое нибудь прочное основаніе»... Итакъ, сравнивая полногласныя слова русскаго нарѣчія, съ соотвѣтствующими другихъ нарѣчій, авторъ указалъ, въ какомъ отношеніи они находятся между собою; съ другой стороны, онъ указалъ и ту коренную черту, которая,—объединяя слова, лишенныя полногласія,—проходитъ по всѣмъ нарѣчіямъ. Таковы факты. Чтобы понять ихъ смыслъ, авторъ обращается къ сравненію всѣхъ взятыхъ имъ славянскихъ словъ — съ соотвѣтствующими словами остальныхъ индо-европейскихъ языковъ: «такое сравненіе (замѣчаетъ онъ) предлагаетъ надежнѣйшее средство для уясненія и вообще причины происхожденія полногласія русскаго, равно и условій, въ слѣдствіе которыхъ не развилось полногласіе въ такихъ словахъ, гдѣ, повидимому, вызывало его такое же сочетаніе *л* и *р* съ пред. согл.»—Онъ сравниваетъ съ словами этихъ языковъ оба указанные имъ разряда русскихъ словъ (въ полногласной и краткой формѣ) и такое двойное сравненіе помогаетъ наконецъ ему открыть «путеводную нить» для объясненія разсматриваемыхъ фактовъ. Изъ сравненій открывается слѣдующее: «полногласной формѣ русской соотвѣтствуетъ въ родственныхъ языкахъ форма сокращенная, но такъ, что

гласный звукъ (чаще всего *а*) находится впереди звука *л* и *р*, т. е. русскимъ *оло—оро,—ере* равняются слоги *al-ar*; съ другой стороны, отсутствіе полногласія въ языкѣ отечественномъ, при сочетаніи *ра—ла, рѣ—лѣ*, съ предыд. согласной,—сопровождается въ нихъ также помѣщеніемъ согласной послѣ *р—л*, т. е. русскимъ *ра—ла, рѣ—лѣ* равны: *ra-la, ro-lo, ri-li*, — санскритскимъ *ar-al*.. Но что же это за первобытные слоги *ar-al, ra-la*, отъ которыхъ зависитъ полногласіе и неполногласіе словъ русскаго языка? Что за связь между санскр. *ar-al* и русскими: *оро,—оло, ере*?.. Замѣтивши, что санскр. слоги *ar-al* суть позднѣйшее видоизмѣненіе болѣе древнихъ гласныхъ *r—l*, Лавровскій продолжаетъ: «Не касаясь пока вопроса о происхожденіи въ санскритѣ этихъ гласныхъ *r—l*, можемъ только припомнить, какъ доказанный уже фактъ, соотвѣтствіе санскритскихъ *r—l* тѣмъ же гласнымъ слав. языка, въ немъ одномъ замѣтнымъ въ древности, продолжающимъ жить и донынѣ въ нѣкоторыхъ его нарѣчіяхъ и изображавшимся въ старо-слав. письменности посредствомъ *ръ—лъ, рь—ль*. И въ то время, какъ остальные родственные языки предлагаютъ, въ соотвѣтствіе санскритскимъ *r—l*, или *ar—al*, или *ra—la*, съ измѣненіемъ иногда гласнаго *а* въ другія гласныя, языкъ славянскій, удержавши въ историческое еще время тожественныя имъ *ръ—лъ*, сохранилъ въ огромной массѣ случаевъ и то же поднятіе ихъ въ *ор—ол, ер—ел*, какое столь правильно и послѣдовательно развито въ языкѣ санскритскомъ». И далѣе повторяетъ: «первое *о* или *е*, передъ *р* и *л*, въ русскомъ полногласія есть несомнѣнный остатокъ древнѣйшаго поднятія гласныхъ *р—л*, распространеннаго и въ санскритѣ въ тѣхъ же словахъ». Итакъ русское полногласіе соотвѣтствуетъ поднятію санскритскихъ *r—l*... Вотъ основная мысль излагаемой статьи, мысль, которую авторъ въ дальнѣйшей части статьи старается разсмотрѣть и доказать съ большими подробностями...

Изъ другихъ изслѣдованій П. А. Лавровскаго отмѣтимъ:

— Замѣчанія объ особенностяхъ словообразованія и значенія словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ. Извѣстія, II, 273—291.

— Выборъ словъ изъ лѣтописей новгородскихъ и псковскихъ. Матеріалы для слов. и грам., II, 1—32.

— Замѣчательныя слова изъ Переяславской лѣтописи. Матеріалы и пр., II, 126—128.

— Замѣчанія о полногласіи. Извѣстія, VIII, 330—336.

— Описаніе семи рукописей Имп. Публичной Библіотеки. Чтенія Моск. Общ. ист. и древн., 1858, кн. 4.

— Записка о 2-мъ изд. перв. части «Ист. Грам.» Буслаева. Зап. А. Н., VIII, приложеніе, Спб., 1865, стр. 1—52.

— Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ. Сборникъ II отд. А. Н., II, Спб., 1867, стр. 1—118.

По поводу выводовъ, къ которымъ пришли Срезневскій и Лавровскій въ вопросѣ о древне-русскихъ нарѣчіяхъ, отмѣтимъ возраженія,

сдѣланныя противъ этихъ выводовъ В. И. Ламанскимъ въ трудѣ: *О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ (Спб., 1864).* Приводя множество выписокъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ XI—XII (*Супрасл. рук., Сборн. 1073 г., Псалт. Евген., XIII сл. Гр. Богосл.* и др.), Ламанскій замѣчаетъ: «Вышеприведенные примѣры достаточно опровергаютъ мнѣніе, изложенное особенно въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», принятое и повторенное въ особомъ сочиненіи Лавровскаго, о томъ, что будто-бы періодъ превращенія формъ начинается для славянскаго языка только съ конца XIII и нач. XIV вѣка. Основательное изученіе памятниковъ отодвигаетъ начало этого періода ко временамъ доисторическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія (IX—XI в.) застаетъ уже обособленность главнѣйшихъ нарѣчій славянскихъ, которыя отличаются между собою не только системою звуковъ, но и грамматическими формами. Сравните *Судъ Любуши*, древнѣйшіе памятники церковно-славянскаго и русскаго языка, *Serbische Lesekörner* Шафарика. Разумѣется, съ теченіемъ времени число этихъ отличій возрастало, обособленіе нарѣчій славянскихъ увеличивалось. Тѣмъ не менѣе это обособленіе восходитъ ко времени до-историческому, а слѣдовательно тогда же зачалось и разрушеніе строгой формальности славянскаго языка, превращеніе и смѣшеніе формъ, ибо иначе не могли возникнуть и особенныя нарѣчія славянскія. Церковно-славянскій языкъ, продолжаетъ изслѣдователь, изъ всѣхъ нарѣчій славянскихъ наиболѣе, единственно богатый древними письменными памятниками, въ XI—XII вѣкѣ представляется уже совершенно вступившимъ въ этотъ періодъ превращенія формъ: для одной грамматической формы употребляются разныя окончанія, древнѣйшія и новѣйшія, однѣ рѣже, другія чаще, или для разныхъ формъ окончанія одинакія, указывающія на исчезновеніе изъ языка нѣкоторыхъ особенныхъ прежде бывшихъ флексій,—и притомъ обиліе, т. е. смѣшеніе окончаній, оскудѣніе формальности представляется въ церковно-славянскомъ языкѣ явленіемъ уже столь развитымъ, что его начало никакъ не относится только къ X в., но гораздо ранѣе, тѣмъ болѣе, что извѣстно, съ какою медленностью совершается этотъ процессъ превращенія формъ въ языкахъ народовъ, не испытывающихъ какихъ-нибудь особенныхъ чрезвычайныхъ погромовъ, напр. завоеваній, переселеній въ чуждыя области и т. д. Эта медленность очень легко обнаруживается при сличеніи напр. памятниковъ русскаго, чешскаго, сербскаго, польскаго нарѣчій XIII, XV, XVII в.» (*О нѣкоторыхъ рукописяхъ* и пр., стр. 78—79).

Первымъ капитальнымъ трудомъ по изученіи областного русскаго языка, по обширности и цѣнности собраннаго матеріала, далеко оставившимъ за собою все сдѣланное здѣсь ранѣе,—былъ *Опытъ областнаго великорусскаго словаря (Спб., 1852)*, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ И. Ак. Наукъ. Вскорѣ къ «Опыту» послѣдовало *Дополненіе (Спб., 1858)*. Содержаніе «Опыта», впрочемъ, несовсѣмъ отвѣчаетъ заглавію: съ одной стороны, въ словарѣ много лишняго; съ другой—онъ страдаетъ значительной

неполнотой. Въ словарь отчасти внесены не только слова собственно о б л а с т н ы я, слова принадлежащія дѣйствительно одной только или нѣсколькимъ мѣстностямъ; но и слова вообще народныя, или вѣрнѣе, п р о с т о н а р о д н ы я, употребляемыя великорусскимъ народомъ по всему или почти по всему пространству Россіи, и, наконецъ, слова общеупотребительныя, не чуждыя и языку образованныхъ сословій въ Великороссіи. Такимъ образомъ, изданный «Опытъ»—въ собственномъ смыслѣ не областной словарь, а словарь народнаго языка, или еще вѣрнѣе, народнаго великорусскаго языка и областныхъ его различій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, словарь—неполонъ, не только самъ по себѣ, въ отношеніи ко всему богатству областныхъ говоровъ русскаго языка,—но и въ отношеніи къ предшествовавшей, существовавшей у насъ до него, печатной литературѣ предмета. Въ него не вошли, по плану самихъ издателей—какъ это видно изъ предисловія—многія слова и реченія, уже прежде обнародованныя въ различныхъ спеціальныхъ этнографическихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, въ журналахъ, въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и т. п. Такъ напр. «Опытъ» не пользуется названными выше трудами М а к а р о в а, Г у л я е в а и др. Вошедшіе въ него матеріалы—преимущественно собраны вновь, соотвѣтственно той программѣ, которая разсылалась отъ Академіи къ директорамъ училищъ, сельскимъ учителямъ и другимъ близко стоящимъ къ народу лицамъ,—или сборники, ранѣе нигдѣ не обнародованные; исключеніе сдѣлано лишь для «Сочиненій» и «Трудовъ» Моск. Общества любителей россійской словесности. Неполнота «Опыта» относительно прежде-изданныхъ матеріаловъ, так. образомъ, по сраведливому замѣчанію Б у с л а е в а, «съ избыткомъ вознаграждается свѣжестью доселѣ нетронутыхъ и необнародованныхъ»,—такъ что «чѣмъ погрѣшилъ бы полный словарь, тѣмъ о п ы т ъ словаря умѣлъ выиграть»... Несмотря на значительную неполноту «Опыта»,—совершенно избѣжать которую, при обширности, съ одной стороны, плана, обнимающаго всѣ великорусскія нарѣчія, съ другой, обширности географическаго пространства, въ которомъ они живутъ въ устахъ народа, не только трудно, но едвали и возможно,—его появленіе «всегда будетъ составлять эпоху въ исторіи разработки русскаго языка». Изданіе это—въ области изученія собственно областныхъ говоровъ — до сихъ поръ остается единственнымъ: одно это достаточно говоритъ о его неоцѣнимой научной важности, не смотря на всѣ недостатки. Изученіе о б л а с т н ы х ъ и м ѣ с т н ы х ъ нарѣчій—существенное условіе для полнаго и основательнаго изученія всего языка народа. Областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе; въ этомъ отношеніи областныя слова являются богатымъ и неисчерпаемымъ источникомъ. Посредствомъ областныхъ словъ часто объясняются многія имена собственныя, совершенно непонятныя безъ сличенія съ областными, многія изъ этихъ собственныхъ именъ оказываются нарицательными или по крайней мѣрѣ имѣющими корень въ языкѣ. Съ другой стороны, областныя слова дополняютъ и поясняютъ дру-

гія славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. Въ общеупотребительномъ языкѣ нѣтъ многихъ корней, которые отыскиваются въ его нарѣчіяхъ. Областныя слова служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіеся въ этихъ письменныхъ памятникахъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи: живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе. Иногда областныя слова указываютъ на искаженіе, которому подвергалось то или другое слово въ языкѣ общеупотребительномъ, возстановляютъ его первоначальную, болѣе правильную форму. Помимо всего этого, областныя слова являются весьма существеннымъ пособіемъ при изученіи законовъ просодіи русскаго языка,—представляя здѣсь изслѣдователю ударенія, то сходныя съ удареніями общеупотребительныхъ словъ, то весьма отъ нихъ отличныя. Не говоримъ о томъ, что областныя нарѣчія могутъ служить неисчерпаемымъ источникомъ къ обогащенію общеупотребительнаго языка, давая часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ не достаетъ соотвѣтствующихъ словъ (см. подробнѣе у Грота, Фил. Раз., I, 144—150; ср. Буслаева, Ист. Оч., I, 151—156 sqq.). Помимо значенія филологическаго и лингвистическаго, областныя слова имѣютъ необыкновенную важность въ отношеніи этнографическомъ: представляютъ очень часто драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа, особенностей края и населенія. Въ этомъ отношеніи, при самомъ своемъ появленіи, «Опытъ областнаго словаря» далъ Буслаеву богатые матеріалы для новыхъ изученій и разысканій въ превосходной статьѣ: *Областныя видоизмѣненія русской народности* (Ист. Оч., I, 151—209).

Вмѣстѣ съ Надеждинымъ, первые, болѣе ранніе опыты изученія мѣстныхъ говоровъ русскаго народнаго языка принадлежали В. И. Далю (1801—1872).

Этими опытами были:

— *Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ.* Москвитянинъ, 1842, №, 2, стр. 532—566.

— *Недовѣсокъ къ статьѣ: „Полтора слова“.* Ib., 1842, № 9. стр. 81—103.

— *О нарѣчіяхъ русскаго языка.* По поводу «Опыта областнаго великорусскаго словаря», изданнаго Вторымъ отдѣленіемъ И. Ак. Наукъ, 1852. Вѣстн. Имп. Русскаго Геогр. Общества, 1852, кн. 6, библіогр., стр. 1—72 (и отдѣльно, Спб., 1852).—Капитальный трудъ Даля: *Толковый словарь живаго великорусскаго языка*, принадлежалъ уже къ болѣе позднему времени (первое изданіе «Словаря» относится къ 1861—1868 гг., второе—къ 1880—1882).

Какъ извѣстно, первые литературные труды Даля были этнографическо-беллетристическіе. На литературное поприще Даль выступилъ книжкой: *Русскія сказки, изъ преданія народнаго изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ дѣлу житейскому приноровленныя и поговорками ходячими разукрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ. Пятокъ первый. Спб., 1832.* За ней послѣдовали: *Были и небылицы (1834)*,—позднѣе

Сочиненія Казака Луганскаго (*1846*) и т. д. Уже на первыхъ порахъ, въ сферѣ полу-беллетристическихъ произведеній, Далемъ высказаны были мнѣнія довольно оригинальныя. «Стараясь быть вѣрнымъ пересказщикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. И прежде, конечно, были писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей: Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ. Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ Даль выставлялъ такимъ исключительнымъ источникомъ языкъ народный. «Если, говорилъ онъ, въ книгахъ и высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ—родникъ или рудникъ—но онъ за то не исчерпаемъ. Это—живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. Источникъ одинъ языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства—старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія» (*Полтора слова* и пр. Москвит., 1842, ч. I, стр. 540). Подобно Шишкову, Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ,—и въ этомъ не всегда былъ счастливѣе Шишкова»... Впрочемъ, между Далемъ и Шишковымъ было и существенное различіе: «Путь, избранный Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе. Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другого писателя цѣлью своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованные у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. «Не сказки сами по себѣ, говоритъ онъ, «были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода—и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ» (*Полтора слова* и пр., стр. 549—550)... «Словарь» Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство (Гротъ, Фил. Раз., I, 1876, стр. 8—9). Всѣ болѣе ранніе литературные труды Даля были лишь подготовительными къ основному, главному дѣлу всей его жизни—*Толковому словарю живаго великорусскаго языка.*

Научное достоинство капитальнаго труда Даля давно уже сознано и опредѣлено. «Толковому словарю» посвящена была обширная статья акад.

Я. К. Грота (въ Сборникѣ II отд. Ак. Н., III, 1870),—мы напомнимъ лишь главные ея выводы.

«Словарь» Даля представляетъ собою самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ. Даль, «переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей»,—прибавилъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ. «По собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя, второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ простираться отъ 70 до 80-ти тысячъ»... Къ сожалѣнію, стремленіе къ полнотѣ не всегда сопровождалось научнымъ, теоретическимъ принципомъ. «Если мы спросимъ, какимъ собственно правиломъ руководствовался Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли найдемъ такое правило». Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія, или даже и вовсе не-русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п. Вообще въ «Толковомъ словарѣ» не всегда соблюдаются точныя границы между словаремъ общеупотребительнаго языка и словарями областными,—хотя такихъ мѣстныхъ словъ у Даля все же сравнительно не много... Въ «Словарь» Даля попало также нѣсколько словъ церковно-славянскихъ и старинныхъ русскихъ, уже вышедшихъ изъ употребленія,—хотя, «при тѣсной, неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, лексикографу живого языка, конечно, трудно, даже иногда совсѣмъ невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ». Болѣе существеннымъ упрекомъ автору «Толковаго словаря» можетъ быть тотъ, что—въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя, и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. По поводу этого упрека, Даль самъ признаетъ, что «при толкованіяхъ, а иногда и въ числѣ производныхъ словъ могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а, можетъ быть, даже и не говорились»... «Въ переводахъ чужихъ словъ, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ сочиненныхъ мною словъ нѣтъ: въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читанныя или слышанныя имъ»...—Съ внѣшней стороны, въ отношеніи расположенія, порядка словъ, «Словарь» Даля представляетъ значительную особенность: чисто азбучный порядокъ, въ которомъ каждое слово объясняется само по себѣ, казался автору «тупымъ и сухимъ», а корнесловный, «подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень», слишкомъ труднымъ и неизбѣжно ведущимъ къ произволу. Даль придумалъ поэтому средній путь: онъ рѣшился собрать по семьямъ или гнѣздамъ всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однакоже предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы. «Нельзя не отдать полной справедливости этой ра-

зумной и удобной системѣ, замѣчаетъ Г р о т ъ,—но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія»... Задуманная система оказалась далеко не по силамъ и такому отличному практическому знатоку языка, какимъ былъ Даль. Онъ нерѣдко ошибается какъ въ распредѣленіи «гнѣздъ», такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или другомъ «гнѣздѣ». Слова различнаго происхожденія иногда относятся имъ къ одному и тому же гнѣзду, и наоборотъ, слова близкія по корню и составу—разбрасываетъ по разнымъ «гнѣздамъ»... Вообще словопроизводство, или корнесловіе (этимологія въ обширномъ смыслѣ) составляетъ самую слабую сторону «Словаря» Даля. Въ «предисловіи» Даль, указывая на важность и трудность этимологическихъ изученій, замѣчаетъ: «Знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ... Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слова природной связи и жизни»... И не смотря на это ясное пониманіе важности и трудности дѣла, авторъ нерѣдко, и часто безъ всякой надобности, высказываетъ по этому предмету догадки, «которыхъ не можетъ одобрить наука»... Подобно корнесловію, и грамматика, по замѣчанію акад. Г р о т а, «не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею Даля». Свой взглядъ на нее авторъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, «онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*), не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не школярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта, прибавляетъ онъ, основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латынскую и нѣмецкую, а русской не находилъ»... Отношеніе Даля къ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную орѳографію,—между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ акад. Г р о т ъ, въ словарѣ менѣе удобно, чѣмъ гдѣ-либо, вводить новую орѳографію.

Относительно самого т о л к о в а н і я словъ авторъ «Словаря» въ предисловіи говоритъ: «При объясненіи и толкованіи слова вообще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова д р у г и м ъ, а тѣмъ паче д е с я т к о м ъ д р у г и х ъ, конечно вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а п р и м ѣ р ы еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово либо содержитъ болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя»... Так. образ. при объясненіи словъ Даль особенно заботится о простотѣ и наглядной ясности толкованій и о подборѣ возможно

большаго числа синонимовъ; эти стремленія, однако, не всегда имъ достигаются... Въ ряду «толкованій» особенно важны и цѣнны реальныя или вещественныя толкованія—при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ, къ естественнымъ наукамъ. Рядомъ съ общимъ богатствомъ запаса собранныхъ въ «Словарѣ» словъ и примѣровъ, эти реальныя толкованія составляютъ наиболѣе важную и цѣнную сторону разсматриваемаго труда. Вообще, подводя общій итогъ, Гротъ признаетъ, что—трудъ Даля поражаетъ своимъ богатствомъ содержанія, и лексическаго и вещественнаго. «Собранныя Далемъ сокровища языка и ума народнаго—говоритъ въ заключеніе своего разбора акад. Гротъ—даютъ цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи... Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы то ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ»... (*Фил. Раз.*, I, 1876, стр. 1—60).

Мы выше уже упоминали объ особой научной важности, въ дѣлѣ изученія русскаго языка и литературы, академическихъ изданій—*Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности* (вышло десять томовъ, in 4°, Спб., 1852—1863, и при нихъ, въ видѣ особыхъ приложеній, шесть томовъ *Матеріаловъ для сравнительнаго словаря и грамматики*, Спб., 1852—1861) и *Ученыхъ Записокъ II отд. Академіи Наукъ* (семь томовъ, Спб., 1854—1861). Позднѣе (съ 1867 г.) вмѣсто «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ» сталъ выходить *Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. Ак. Наукъ*,—продолжающійся до сихъ поръ. Большая часть помѣщенныхъ въ этихъ изданіяхъ изслѣдованій и статей уже названа нами, при перечисленіи трудовъ различныхъ ученыхъ; изъ не названныхъ отмѣтимъ:

А. Н. Аѳанасьева, О соотношеніи языка съ народными повѣрьями. Извѣстія, II, 313—321.

Аѳанасьева-Чужбинскаго, Словарь малорусскаго нарѣчія. Матеріалы, III, Спб., 1856, стр. 1—176.

Архим. Амфилохія, Выписки изъ Пандекта Антіоха, XI вѣка. Матеріалы, V, 1861, стр. 161—190. Извѣстія, VII, 41—48. 147—155.

Э. Э. Балліона, Опытъ изслѣдованія о русскихъ названіяхъ (простонародныхъ и книжныхъ) животныхъ, водящихся въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Матеріалы, V, стр. 273—336. 337—360.

И. Н. Березина, Замѣчанія о восточныхъ словахъ въ областномъ великорусскомъ языкѣ. Матеріалы, I, 1854, стр. 186—192.

Я. И. Бередникова, Проэктъ Бакмейстера составить многоязычный словарь. Извѣстія А. Н., II, 365—367.

П. С. Билярскаго, Беккеръ и Гумбольдтъ. Извѣстія, X, 37—55. 388—410. 583—592.

А. А. Бобровникова, Областныя великорусскія слова, заимствованныя отъ монголовъ и калмыковъ. Матеріалы, 1. 193—197.

А. Гильфердинга, О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. Мат. для слав. и грам., I, 209—252. 273—323. 337—355, 401—489.

Голотузовъ, Замѣтки касательно бѣлорусскаго нарѣчія. Извѣстія, II, 102.

В. В. Григорьева, Областныя великорусскія слова восточнаго происхожденія. Матеріалы, I, 14—21.

И. И. Давыдова, Взглядъ на грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ. Извѣстія, III, 113—124.

— Изъ словаря русскихъ синонимъ. Извѣстія, V, 289—305. 337—350. VI, 193—208. VIII, 18—40.

Г. С. Дестуниса, Матеріалы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ. Матеріалы, III, 354—361; V, 1861, стр. 73—80 147—160. 241—258.

Дубровскаго, Областныя русскія слова, сходныя съ польскими. Матеріалы, I, 49—65.

— Замѣчательныя слова изъ Псалтыря кор. Маргариты. Матеріалы, I, 165—186.

— Нѣсколько замѣчаній о русскомъ глаголѣ сравнительно съ польскимъ. Матеріалы, II, 429—432.

Архим. Макарія. О надписяхъ на древнихъ новгородскихъ антиминсахъ. Извѣстія, VI, 86—92.

— О новгородскихъ надписяхъ. ib., 376—381.

С. П. Микуцкаго, Сравненіе словъ славянскихъ съ нѣмецкими Мат., I, 3—14.

— Сравненіе корней и словъ санскритскихъ со славянскими. Матер., I, 92—103.

— Областныя слова Бѣлорусскихъ старцевъ. Матеріалы для слов. и грам., I, 400.

— Проба литовско-русскаго словаря. Матеріалы и пр., II, 170—176.

— Бѣлорусскія слова изъ пословицъ и поговорокъ. Матеріалы и пр., II, 176—192.

— Отчеты и пр. Извѣстія, IV, 86—112. 330—336. 360—368. 400—414. V, 50—61. 103—122. 277—284.

П. Я. Петрова, Великорусскія слова, сходныя съ восточными. Мат., I, 81—92.

М. П. Погодина, Опытъ историческаго объясненія древнихъ словъ: *дань, путь, полюдье, погородье, даръ, ходить.* Извѣстія, II, 328—341.

— О древнемъ русскомъ языкѣ. Извѣстія, V, 70—82. 97—102.

Протопопова, Сборникъ словъ изъ столбцовъ яренскаго архива. Мат., I, 120—144. Мат, II, 198—209.

Пыпина, Словарь къ I Новгородской лѣтописи. Матеріалы, II, 33—126.

С. К. Сабинина, Матеріалы для сравненія русскаго языка съ скандинавскими. Матеріалы для слов. и грам., II, 129—170.

С. М. Соловьева, Замѣчанія по поводу областнаго великорусскаго словаря. Мат., I, 107—113.

М. Стаховича, Народныя техническія выраженія. Мат., III, 366—368.

А. С. Хомякова, Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими. Матеріалы и пр., II, 385—429.

С. Черепанова, Кяхтинское китайское нарѣчіе русскаго языка. Извѣстія, II, 370—377.

Н. Г. Чернышевскаго, Опытъ словаря изъ Ипатьевской лѣтописи. Мат., I, 512—578.

А. М. Шогрена, Матеріалы для сравненія областныхъ великорусскихъ словъ съ словами языковъ сѣверныхъ и восточныхъ. Мат., I, 145—165.

Изъ трудовъ, помѣщенныхъ въ *Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ*, не названныхъ выше и относящихся къ области изученія русскаго языка, отмѣтимъ:

А. Ѳ. Бычкова, Слова валдайскаго уѣзда и владимирской губерніи, извлеченныя изъ доставленныхъ во II Отдѣленіе Академіи Наукъ матеріаловъ. VIII, стр. XLIII—XLVIII.

— Отзывъ о русско-нищенскокъ словарѣ Ф. Сцепуры. XXI, стр. XXXIII—XXXIV.

Н. Я. Данилевскаго, Дополненіе къ «Опыту областнаго великорус. словаря» VII, стр. 1—17.

А. Мотовилова, Симбирская молвь. Къ матеріаламъ для изученія областныхъ нарѣчій русскаго языка. XLIV, стр. 1—34.

I. И. Наумова, Дополненія и замѣтки къ «Толковому Словарю» Даля. XI, стр. 1—46.

И. И. Носовича, Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю. XXI стр. 1—22.

Ф. И. Рупрехта, О ботаническихъ названіяхъ въ «Словарѣ» Даля. VII, стр. 87—88.

Ф. Сцепуры, Русско-нищенскій словарь. XX, стр. XXIII—XXXIV.

П. В. Шейна, Дополненія къ «Словарю» Даля. X, стр. 1—52.

— Бѣлорусскій Сборникъ. XLI, стр. 3—585.

Л. И. Шренка, О зоологическихъ названіяхъ въ «Словарѣ» Даля. VII, стр. 61—86.

Я. К. Эрбена, Объясненіе и исправленіе нѣкоторыхъ темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи. VII. стр. 1—16.

Въ самое послѣднее время Вторымъ Отдѣленіемъ Ак. Н. предприняты два новыхъ изданія по русскому языку: *Словарь русскаго языка* (вышло два вып., Спб., 1891—1892) и *Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ*, Срезневскаго (вышло три выпуска, Спб., 1890—1894).

Съ 1860 года, въ провинціальномъ городѣ, въ Воронежѣ, подъ редакціей А. И. Хованскаго, начали издаваться *Филологическія Записки*,— продолжающіяся до сихъ поръ. Всего вышло ок. 30 томовъ (1860—1893;

Указатель изданъ въ 1888 г.). Изданію этому русская наука языкознанія обязана цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ трудовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, въ видѣ спеціальныхъ трактатовъ, статей, критическихъ замѣтокъ (въ своемъ мѣстѣ они указываются нами),—не упоминая множества помѣщенныхъ здѣсь важныхъ трудовъ въ области славяновѣдѣнія, исторіи русской и иностранной литературъ, и т. п. Изъ не названныхъ нами раньше отмѣтимъ здѣсь:

А. Анастасіева, Отношеніе звуковъ русскаго языка къ буквамъ русской азбуки. Фил. Зап., 1879. IV—V.

В. В. Боголюбова, Дательный съ неопредѣленнымъ въ русскомъ языкѣ. Фил. Зап., 1879.

А. А. Дмитріевскаго, Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ. Фил. Зап., 1877—1878.

В. Добровскаго, Къ ученію о русскомъ глаголѣ. Фил. Зап., 1880—1881.

А, А. Кочубинскаго, Какъ долго жилъ русскій супинъ? Фил. Зап., 1872.

А. В. Попова, Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, звательный и винительный, въ связи съ исторіей развитія заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, зендѣ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, литовскомъ, латышскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ. Воронежъ, 1881 (первонач. въ Фил. Зап., 1879—1881). Ср. рецензію проф. Фортунатова,—Отч. о XXVI прис. нагр. гр. Уварова, Спб., 1884, стр. 81—121.

С. Прядкина, Краткій очеркъ говора села Сергѣевки бобр. у. ор. губ. Фил. Зап., 1885.

I. Ѳ. Шарловскаго, Русское слогоудареніе. Разысканія и выводы о законахъ ударенія. Фил. Зап., 1884—1886.

— Русская просодія. Изслѣдованія объ акцентѣ вообще и значеніе а равно законы русскаго ударенія въ особенности. Одесса, 1890.

Очень рано начинаются изслѣдованія въ области русскаго языка и его исторіи Я. К. Грота, позднѣе академика и вице-президента Акад. Наукъ († 1893). Приводимъ перечень его трудовъ въ области изученія русскаго языка, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія:

— Объ основныхъ формахъ русскаго глагола. Современ., 1845, т. XXXVIII, стр. 259—363.

— О произношеніи буквъ, *е, ѣ, э*. Спб. Вѣд., 1847, № 173.

— О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка. Ж. М. Н. Пр., 1852, т. LXXIV, № 6, стр. 97—137. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Областныя великорусскія слова, сродныя съ скандинавскими. Матеріалы для слов. и грам., I, стр. 38—48.

— Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія. Мат. для слов. и грам., I, 65—68. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Замѣчанія по поводу «Опыта областнаго великорусскаго словаря». Мат. и пр., I, 113—120. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря. Извѣстія А. Н. II, 1852, стр. 9—15.

— Замѣчанія о спряженіи русскаго глагола. Мат. и пр., I, стр. 391—399.

— Дополнительное замѣчаніе о спряженіи русскаго глагола. Извѣстія А. Н., III, 141—144.

— О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ. Матеріалы и пр., III, 1856, стр. 337—348.

— Сравнительныя замѣчанія о русскихъ словахъ. ib., III, 348—354. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка. Извѣстія, VI, 1855, стр, 19—34. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Словари областныхъ нарѣчій. Извѣстія, VII, 1858, стр. 81—95. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія. Извѣстія, VII, 1858, стр. 161—200. VIII. 361—373. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря. Извѣстія, VII, 241—256; VIII, 203—214. 260—290. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— По поводу вопроса о признакахъ спряженіи русскихъ глаголовъ. Отвѣтъ на письмо П. С. Билярскаго. Извѣстія, IX, 261—264.

— По поводу толковъ о правописаніи. Соврем. лѣтоп., 1862, № 28, стр. 1—4.

— Откуда слово *кремль*? Зап. Ак. Н., VI, 1864. кн. I, стр. 203—211.

— Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка. Ж. М. Н. Пр., 1867, № 4, т. CXXXIV, стр. 20—76. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Замѣтка о топографическихъ названіяхъ вообще. Ж. М. Н. Пр., 1867, ноябрь, т. CXXXVI, стр. 617—628. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Разборъ брошюры: «Die Lehre vom russischen Accent, von Dr. L. Kaussler. Berlin, 1866». Ж. М. Н. Пр., 1868, янв., т. CXLI, стр. 239—251. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Разборъ «Толковаго Словаря» Даля. Сборн. Отд. рус. яз. и слов., VII, № 10, 1870, стр. 1—60.

— Дополненія и замѣтки къ «Толковому Словарю» Даля. ib., 1870, № 10, стр. 90—112. Позднѣе обѣ статьи помѣщены были въ «Фил. Раз.».

— Филологическая замѣтка о словѣ *аистъ* и о названіяхъ нѣкоторыхъ днѣпровскихъ пороговъ. Ж. М. Н. Пр., 1872, т. CLX, стр. 288—294. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Замѣтка о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ русскаго языка. Сборн. Отд. рус. яз. и сл., X, 1873, стр. LXII—LXV. Позднѣе—въ «Фил. Раз.».

— Филологическія Разысканія. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб., 1873. Второе, значительно дополненное, а отчасти и переработанное изданіе—Спб., 2 т., 1876. Третье изданіе, съ новыми дополненіями,—Спб., 1884.

— Разборъ книгъ: «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ», И. Бодуэна де-Куртенэ (Варшава, 1875) и «Этимологія древняго церковнославянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго», Е. Бѣлявскаго (М. 1875). Ж. М. Н. Пр., 1876, нв., стр. 190—204.

— Филологическія занятія Екатерины II. Рус. Архивъ, 1887, № 4, стр. 425—442.

— Замѣтка о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка. Сборникъ и пр., XVIII, 1878, № 8. стр. 1—22. Первоначально—въ Archiv'ѣ für slav. Phil., 1878. III, S. 138—151.

— О словѣ *шпильманъ* въ старинныхъ русскихъ памятникахъ. Рус. Фил. Вѣстн., 1879, № 1, стр. 35—38.

— По поводу замѣтки о сл. *шпильманъ*. Новое Время, 1879, іюль № 1200.

— Замѣтки о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій. Фил. Зап., 1879, I, стр. 1—6.

— Къ вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи. Фил. Зап., 1880, V, стр. 11—16.

— Разборъ словаря областнаго архангельскаго нарѣчія, составленнаго А. О. Подвысоцкимъ. Сборникъ и пр., XXIX, стр. XVII—XXXV.

— Bemerkungen über das gegenseitige Verhältniss einiger slavischer und nordischer Wörter. Archiv für slav. Phil., VII, 1883, S. 134—141. Ср. Фил. Зап., 1883. III.

— «Основныя начала фонетики», соч. Э. Сиверса. Ж. М. Н. Пр., 1883. октябрь.

— Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію II Отд. Ак. Н. Сборникъ и пр., XXXVI, 1885.

— Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ «Русское правописаніе». Сборникъ, т. XL, 1886.

Въ ряду научныхъ дѣятелей, выступившихъ позднѣе, важнѣйшіе труды въ области изученія фонетики и исторіи русскаго языка принадлежали А. А. Потебни, А. С. Будиловичу и М. А. Колосову. Приводимъ перечени ихъ трудовъ:

А. А. Потебни, О полногласіи. Фил. Зап., 1864, стр. 201—252.

— О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. Фил. Зап., 1865. (обѣ эти статьи вышли и отд.: Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ, 1866).

— Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Фил. Зап., 1871 (и отд., Ворон., 1871).

— Изъ записокъ по русской грамматикѣ. ч. I, Воронежъ, 1884; ч. II, Харьковъ, 1874. Второе изданіе, въ одномъ томѣ: Харьковъ, 1889.

— Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Вып. I—IV, Харьковъ, 1876—1881—1883.

— Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus. Zur

Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nosalvocale. Arch. für slav. Phil., III. 1879.

А. С. Будиловича, Объ ученой дѣятельности Ломоносова по естествовѣдѣнію и филологіи. Ж. М. Н. Пр., 1869, августъ, стр. 272—338; сент., 48—106 (отдѣльно подъ заглав.: М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Спб., 1869. Объ этой книгѣ см.: Голосъ, 1869, № 281; особенно ст. Л. Н. Майкова,—Заря, 1870, № 2, стр. 166—176.

— Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи XI в. Спб., 1871. Ср. рецензію проф. Соболевскаго,— Ж. М. Н. Пр., 1872, №№ 8 и 11.

— Варшавскій листокъ изъ церковно-славянскаго евангелія русскаго письма XI—XII в. Р. Ф. В., 1882.

— Начертаніе церковно-славянской грамматики примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава, 1883. Ср. рецензіи на этотъ трудъ—Ягича, Archiv für slav. Phil., VI. 626; A. Brückner'a, ib, VII, 117—126; Соболевскаго, Ж. М. Н. Пр., 1883, май, стр. 127—159; Н. Некрасова, ib., іюнь, стр. 319—391.

— Общеславянскій языкъ, въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Т. I: Очерки образованія общихъ языковъ южной и западной Европы. Варшава, 1892; т. II, Варшава, 1892.

М. А. Колосова, Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XV в. Варшава, 1872.

— Матеріалы для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Извѣстія Варш. Унив., 1874, №№ 2, 3 и 5.

— Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Сборникъ II отд. А. Н, т. XVII. Спб., 1877.

— Могутъ ли йотироваться *ы* и *ѣ*? Фил. Зап., 1870.

— Почему въ род. надеждѣ *го* (*аго*, *ого*) смѣнилось на *во* (*аво*, *ово*) Фил. Зап., 1877, II, стр. 71—74.

— Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго языка Варшава, 1878. Ср.: Ягича, Archiv. für slav. Phil., III, 730—731, и Макушева, Ж. М. Н. Пр., 1878, дек., 363—381.

— Архивные матеріалы по народному русскому языку и народной словесности. Р. Ф. В., 1879, I.

— Замѣтка о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ. Фил. Зап., 1882.

Проф. Колосову обязанъ своимъ возникновеніемъ спеціальный журналъ—*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, до сихъ поръ издающійся въ Варшавѣ, подъ редакціей проф. А. И. Смирнова. Намъ не разъ приходилось указывать на цѣнныя статьи, изслѣдованія и критическія замѣтки, помѣщенныя въ этомъ журналѣ.

Замѣчательнымъ трудомъ этого времени была также книга Н. Некрасова: О значеніи формъ русскаго глагола. Спб., 1865.

Того же автора:

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности. Казань. 1883.

Древне-славянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологіи исторіи и этнографіи при Имп. Каз. университетѣ. Воронежъ. 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань. 1884.

XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб. 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1884.

Свв. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань. 1885.

Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.»). Библіографическія замѣтки. Казань. 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Свв. Кириллъ и Меѳодій» и пр. Библіографическія замѣтки. Казань. 1885.

Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей. Воронежъ. 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1886.

Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань. 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва, 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обозр.»).

Григоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань. 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань. 1894.

Русскій театръ XVIII в. (изъ «Рус. Обозр.»).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius. Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schroeder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin. 1897.

Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Казань. 1897.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ во время заграничной командировки. Казань. 1897.

Болгарскій Пѣсливецъ 1337 года (изъ «Извѣстій II отд. И. А. Н.»).

Исторія литературы, какъ наука. Варшава. 1897.

Программа лекцій по исторіи русской литературы, съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань. 1898.

